РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
НИЖЕГОРОДСКИЙ ИНСТИТУТ УПРАВЛЕНИЯ – ФИЛИАЛ РАНХИГС

Р.З. Рувинский

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ВНЕДРЕНИЯ СИСТЕМЫ СОЦИАЛЬНОГО КРЕДИТА В СОВРЕМЕННОЕ ПУБЛИЧНОЕ УПРАВЛЕНИЕ

МОНОГРАФИЯ

Нижний Новгород 2022

УДК 342(035.3)
ББК 67.4
Р82

Р е ц е н з е н т ы :

А.М. Хужин, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры гражданского права и процесса Нижегородской академии МВД РФ;

Ф.С. Сосенков, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры конституционного и муниципального права юридического факультета ННГУ им. Н.И. Лобачевского.

Рувинский Р.З.

Р828 Правовые аспекты внедрения системы социального кредита в современное публичное управление: монография / Р.З. Рувинский. – Н. Новгород: НИУ РАНХиГС, 2022. – 264 с.

ISBN 978-5-00036-290-7

Книга посвящена изучению различных правовых аспектов внедрения новейших технологий сбора, передачи, анализа и оценки данных в сферу публичного управления. В центре внимания исследования – своеобразный проект построения Системы социального кредита, развивающийся в настоящее время в КНР. Данный проект рассмотрен как частный случай более общей тенденции к использованию репутационных (биографических) данных и методов вероятностных вычислений для целей регулирования и контроля поведения граждан и деятельности организаций. Проанализированы принципиальные изменения, происходящие в государственном управлении под влиянием алгоритмического профилирования и ранжирования (в том числе рейтингования) субъектов. Рассмотрены вероятные направления воздействия цифровизации и датафикации публичного управления на современную модель конституционализма, процедуры осуществления контрольно-надзорных мероприятий, механизм юридической ответственности, систему социального регулирования. Выявлены наличные предпосылки и условия внедрения проектов, подобных китайской Системе социального кредита, в России; представлена прогнозная модель перехода к социально-кредитному управлению в нашей стране.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00173 «Правовые аспекты внедрения системы социального кредита в современное государственное управление».

УДК 342(035.3)
ББК 67.4

ISBN 978-5-00036-290-7

© Нижегородский институт управления – филиал РАНХиГС, 2022
© Рувинский Р.З., 2022

…город, где каждый может покинуть свое жилище, свою улицу, свой округ с помощью электронной («дивидуальной») карточки, которая открывает соответствующую дверь или проход. Но эта карта в какой-то определенный день или час может не действовать. Важен не сам барьер, а компьютер, который отслеживает положение каждого, легальное или нелегальное, и осуществляет глобальную модуляцию.

Жиль Делез, «Post scriptum к обществам контроля».

…ты взвешен на весах и найден очень легким.

Дан. 5:27.

Использование новейших цифровых технологий ведет к замене доверия всесторонним контролем.

Бьон-Чхоль Хан, «Im Schwarm: Ansichten des Digitalen».

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие 7

1. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ИССЛЕДУЕМОГО ФЕНОМЕНА 13

1.1. Что такое «система социального кредита»? 13

1.1.1. История разработки и создания Системы социального кредита в КНР 13

1.1.2. Структура китайской Системы социального кредита 23

1.1.3. Нормативно-правовые основы функционирования ССК в КНР 41

1.1.3.1. Программно-политические документы 45

1.1.3.2. Важнейшие правительственные акты, предусматривающие выстраивание основных элементов ССК 48

1.1.3.3. Правительственные акты, принятые в рамках текущей работы по внедрению ССК в публичное управление 58

1.1.3.4. Ведомственные акты 60

1.1.3.5. Нормативные постановления Верховного народного суда КНР 63

1.1.3.6. Меморандумы о сотрудничестве в рамках объединенной системы поощрений и наказаний 64

1.1.3.7. Нормативные акты региональных и местных органов власти 66

1.2. Система социального кредита: больше чем просто китайский эксперимент 68

1.2.1. Сущность социально-кредитных механизмов 68

1.2.1.1. Понятие социально-кредитных механизмов 68

1.2.1.2. Репутационные данные 71

1.2.1.3. Профилирование и идентификация 76

1.2.1.4. Допуски и ограничения 81

1.2.1.5. Социальное ранжирование 83

1.2.2. Исторические предпосылки и доктринальные основания разработки и внедрения социально-кредитных механизмов 86

1.2.2.1. Предпосылки ССК в истории Китая и китайской общественно-политической мысли 86

1.2.2.2. Предпосылки ССК в истории европейской общественной и политико-правовой мысли 95

1.2.3. ССК шагает по планете 100

2. ТРАНСФОРМИРУЮЩИЕ ЭФФЕКТЫ ВНЕДРЕНИЯ СОЦИАЛЬНО-КРЕДИТНЫХ МЕХАНИЗМОВ 110

2.1. Воздействие социально-кредитных механизмов на управленческие и правовые процедуры 110

2.1.1. Социально-кредитные механизмы в контрольно-надзорной и разрешительной деятельности 110

2.1.2. От частично автоматизированного принятия решений к алгоритмическому правосудию? 115

2.2. Возможные трансформации ключевых правовых понятий и институтов 127

2.2.1. Возрождение практики остракизма: правонарушение и наказание в эру социально-кредитных механизмов 127

2.2.2. Социально-кредитный конституционализм 139

2.2.2.1. Социально-кредитные механизмы и кризис 139

2.2.2.2. Китайские социально-кредитные техники и права человека 143

2.2.2.3. Социально-кредитные механизмы и права личности 148

2.2.2.4. Конец правосубъектности 153

2.3. Изменение системы социального регулирования и радикальная трансформация государственности 156

2.3.1. Платформенное государство 156

2.3.1.1. От электронного правительства к цифровому Левиафану 156

2.3.1.2. Народный суверенитет – в прошлом! 160

2.3.2. «Правоэтика» и расширенный комплаенс 169

2.3.2.1. Регулирование через социальный дизайн 169

2.3.2.2. Право ли это? 172

2.3.2.3. Социально-кредитная этика и комплаенс 176

3. СИСТЕМА СОЦИАЛЬНОГО КРЕДИТА И РОССИЯ 185

3.1. Предпосылки и условия внедрения социально-кредитных механизмов в России 185

3.1.1. Инфраструктура цифрового профилирования и учета поведения граждан в России 185

3.1.1.1. Черные списки и межведомственное информационное взаимодействие 185

3.1.1.2. Системы идентификации 189

3.1.1.3. Возможность профилирования 191

3.1.1.4. Отслеживание поведения граждан в сети «Интернет» 196

3.1.1.5. FAN ID 197
3.1.1.6. Видеонаблюдение 200
3.1.2. Научно-технологические условия для внедрения в России интеллектуального анализа персональных данных, предиктивной аналитики и социального ранжирования 202
3.1.3. Инструменты рейтингования юридических лиц (индивидуальных предпринимателей) и кредитная оценка пользователей финансовых услуг в России 204
3.1.3.1. Ранжирование юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, являющихся клиентами российских кредитных организаций 205
3.1.3.2. Рейтинг деловой репутации участника госзакупки 206
3.1.3.3. Индивидуальный рейтинг субъекта кредитной истории 207
3.1.4. Социально-кредитная оценка государственных служащих 210
3.1.5. Социально-кредитная оценка иностранных трудовых мигрантов 214
3.2. Система социального кредита в России: некоторые контуры возможного будущего 215
3.2.1. Возможная модель построения системы социального кредита в России 215
3.2.1.1. Препятствия 215
3.2.1.2. Российская модель социально-кредитного управления 219
3.2.2. Адаптация действующего в России законодательства к механизмам социально-кредитного управления 222
3.2.2.1. Соответствие российского законодательства о персональных данных нуждам цифрового профилирования и ранжирования 223
3.2.2.2. Проблема конституционно-правовой допустимости социального ранжирования и политики допусков и ограничений 230
3.2.2.3. Вопрос соответствия политики объединенных поощрений и наказаний нормам российского законодательства 235
Заключение 238
Библиография 242
ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ 255
EXECUTIVE SUMMARY 260

ПРЕДИСЛОВИЕ

Время, в которое мы живем, трудно назвать простым. На наших глазах институты, нормы и принципы, не так давно казавшиеся незыблемыми, претерпевают серьезнейшие трансформации. Новые технологии, воплощающие фантастические сюжеты в реальность, неуклонно меняют наши повседневные привычки, средства коммуникации с другими людьми, мир вокруг нас. Сегодня стало чем-то само собой разумеющимся объяснять происходящие изменения «Четвертой промышленной революцией» [1] и переходом к «шестому технологическому укладу» [2]; эти категории указывают на большие научно-технологические успехи и еще бóльшие ожидания, но затеняют не менее важные социально-политические и правовые вопросы, одним из которых является вопрос о том, кто и для чего прилагает усилия к разработке и внедрению новейших средств сбора, хранения, обмена и анализа информации, разнообразных цифровых ассистентов, электронных площадок для торговли и коммуникации, и пр. Под влиянием технологических успехов может сложиться превратное представление, будто технология задает ход развитию общественных отношений, формированию того или иного хозяйственного уклада, а не общественные отношения и хозяйственный уклад задают темп открытию и внедрению технологий. Известная аксиома, сформулированная американским историком Мелвином Кранцбергом, гласит: «Технология не хороша и не плоха, но также и не нейтральна»[3]. Это утверждение имеет двоякий смысл. С одной стороны, техника – это инструмент, а любой инструмент может использоваться по-разному, в зависимости от замысла его создателя и обладателя; в этом смысле любая технология сама по себе

---

[1] См.: *Schwab K.* The Fourth Industrial Revolution. Cologny/Geneva: WEF, 2016.

[2] См.: *Гринин Л.Е., Гринин А.Л.* Кибернетическая революция и шестой технологический уклад // Кондратьевские волны. 2015. № 4. С. 83–106.

[3] *Kranzberg M.* Technology and history: «Kranzberg's laws» // Technology and Culture. 1986. No. 3 (27). P. 545.

не хороша и не плоха. С другой стороны, как бы нам ни казалось, что мы контролируем ту или иную технологию, как бы мы ни старались использовать ее в определенных рамках, начав использовать ее, мы уже изменили реальность вокруг нас: будучи внедренной в жизнь, технология встраивается в наши социальные институты и наше поведение, следовательно, она не нейтральна.

Мы переживаем эпоху масштабных сдвигов, прорывных скачков, но сдвиги эти, эти технологические инновации знаменуют своим появлением, прежде всего, закат ранее существовавшего, привычного нам социального порядка. Если бы не смена порядков, укладов, парадигм развития, научно-технологические достижения лишь делали бы более комфортными отдельные стороны общественной жизни, наше пользование теми или иными социальными благами, но не меняли бы сути существующих институтов и социальных практик. Но сегодня уже впору говорить о, например, управленческой революции, о фундаментальной перестройке не только экономики и системы менеджмента предприятий, но также – системы публичного (государственного и муниципального) управления, способов и характера отправления власти. Всему «виной» новейшие цифровые технологии, так называемая *«цифровая трансформация»* (еще одно модное ныне слово в лексиконе чиновников и публичных экспертов)? Или же технологии лишь способствуют решению давно наболевших проблем, служат инструментом реализации программы, которая в основе своей уже определена ранее? Вопросы философские, и почти столь же неоднозначные, как пресловутый вопрос о том, что первично – курица или яйцо…

Очевидно лишь, что на сегодняшний день нам выпала честь наблюдать и участвовать (как правило, без нашего на то ведома) в экспериментировании с новыми методами управления обществом, с неизбежностью влекущими за собой новое понимание не только политических, но, прежде всего, правовых феноменов и институтов: правового статуса субъекта, правового регулирования и правоприменения, государственного контроля и надзора, юридической ответственности и правонарушения, правовой системы в целом.

Одной из принципиально важных инноваций в публичном управлении, правовом регулировании и правоприменении эпохи повсеместной цифровизации является использование новейших технологий сбора, хранения, обмена и анализа больших массивов данных об адресатах

управленческих мер, предполагающее последующую оценку этих адресатов, предсказание их вероятного поведения в будущем, выстраивание дифференцированных подходов к различным категориям лиц. Несомненно, наиболее интересным примером воплощения такого управленческого подхода служит внедряемый в Китайской Народной Республике проект, известный как «Система социального кредита»[1] (далее по тексту – ССК).

За пределами Китая, в западной и российской прессе, о Системе социального кредита стали много писать с конца 2016 года, когда проект уже вовсю развивался, но очертания, которые он может приобрести, были все еще довольно размытыми. Первые публикации в американских, европейских и российских СМИ[2] создали ССК довольно-таки зловещий антиутопический ореол, чему отчасти способствовал выход эпизода *«Нырок» («Nosedive»*) популярного научно-фантастического телесериала *«Черное зеркало» («Black mirror»*): в фильме показано общество недалекого будущего, социальный статус и границы свободы членов которого определяются их рейтингом, вычисляемым на основе отзывов и оценок других людей. Несмотря на то, что создателям фильма удалось уловить одну из весьма вероятных тенденций общественного развития и наглядно продемонстрировать ее опасность, судить о внедряемой в КНР ССК по киносюжету было бы в корне неверно (почему? – об этом будет сказано в дальнейшем). Информационная закры-

---

[1] Далее по тексту это словосочетание печатается с заглавной буквы, как обозначение отдельного управленческого проекта, развивающегося в КНР. В заглавии настоящей монографии словосочетание *«система социального кредита»* употребляется со строчной буквы, т. к. обозначает возможность внедрения отдельных (или даже всех) механизмов и техник, составляющих китайский проект, шире, за пределами Китая, в том числе в России. Во избежание путаницы далее по тексту монографии вместо словосочетания «система социального кредита», обозначающего управленческие техники, близкие китайской Системе, используется, в основном, понятие *«социально-кредитные механизмы»*, подробное разъяснение которого содержится в § 1.2.1.1.

[2] См., например: *Nguyen C.* China might use data to create a score for each citizen based on how trustworthy they are // INSIDER. Oct. 26, 2016. URL: https://www.businessinsider.com/china-social-credit-score-like-black-mirror-2016-10; *Liu K.* China's new way of controlling society will grade you on behavior // Fortune. Nov. 29, 2016. URL: https://fortune.com/2016/11/29/china-social-control-credit-rating; *Сарханянц К.* Китай будет жить по Оруэллу // КоммерсантЪ. 03.12.2016. URL: https://www.kommersant.ru/doc/3161463.

тость китайской партийно-государственной элиты и языковой барьер, затрудняющий получение правдивой информации о Китае журналистами и комментаторами, не специализирующимися в синологии и вынужденными довольствоваться слухами, также сделали свое «черное дело»: многие до сих пор судят об ССК на основе далеких от действительности стереотипов, понимая ССК как уникально китайский, или даже типично «азиатский» проект, ни в коей форме не реализуемый в странах западной культуры с ее приверженностью индивидуализму, свободе, верховенству права и т. п.

Собственно, основными задачами настоящего исследования как раз таки и являются:

1) закрытие пробелов в понимании китайской ССК как своеобразного феномена;

2) развенчание недостоверных слухов и примитивных стереотипов о данном проекте;

3) выявление в ССК специфически китайского и универсального, связанного с широкими тенденциями мирового общественного развития;

4) анализ универсальных, общих элементов и характеристик ССК в контексте мирового развития публичного управления, механизмов правового регулирования и правоприменения;

5) анализ трансформирующего воздействия социально-кредитных механизмов (составляющих ССК, ее отдельных модулей) на правовую систему и ее институты (включая институт прав и свобод личности, институты правонарушения и юридической ответственности), модель государственности (и конституционализма) и институты публичного управления (включая контроль и надзор);

6) выявление предпосылок и условий для выстраивания системы, подобной китайской ССК, в России;

7) рассмотрение вопросов принципиальной адаптируемости ССК и составляющих ее элементов к российской правовой системе, российскому законодательству.

Сообразно поставленным задачам структурирован материал данной монографии, распадающейся на три раздела, включающих в совокупности семь глав, 19 параграфов и 37 подпараграфов. *Первый раздел* посвящен общей характеристике ССК и составляющих ее механизмов (модулей): здесь представлено описание современного облика ССК в КНР, ее нормативно-правовых оснований и принципов функциониро-

вания, проанализированы исторические и доктринальные предпосылки этого проекта, выявлены аналоги за пределами КНР и рассмотрен вопрос о том, можно ли считать механизмы ССК уникальным китайским ноу-хау. Во *втором разделе* выделяются и анализируются трансформирующие эффекты внедрения социально-кредитных (ССК-подобных) механизмов для практики государственного управления, контрольно-надзорной деятельности, конституционализма, правовой системы и отдельных ее составляющих. *Третий раздел* исследования посвящен перспективам внедрения ССК-подобных механизмов в современной России.

Методологическую основу настоящего исследования составили:

- исторический метод, позволивший изучить генезис ССК и составляющих ее механизмов, отыскать идейные и институциональные предпосылки для построения ССК в истории Китая и мировой общественно-политической мысли;
- структурно-функциональный метод, посредством которого были проанализированы основные модули (относительно автономные составные части) ССК, их функционал, а также динамические структуры социально-кредитного управления;
- формально-юридический (нормативно-догматический) метод, с помощью которого были проанализированы нормативно-правовые основы построения ССК в КНР, а также нормативные основания для формирования аналогичных механизмов в Российской Федерации;
- сравнительно-правовой метод, благодаря которому отдельные институты, нормы и практики, характерные для китайского «социального кредита» удалось сопоставить с институтами, нормами и практиками других стран мира, в том числе России;
- метод правового прогнозирования, позволивший определить вероятные направления развития государственных и правовых институтов под воздействием внедрения социально-кредитных механизмов, выявить потенциальные риски и угрозы для государства и общества, которые могут быть обусловлены применением современных технологий анализа репутационных (социально-кредитных) данных о субъектах;
- метод политического анализа правовых и управленческих (государственных) институтов и практик, который помог увидеть за видимостью технической беспристрастности и нейтральности механизмов социально-кредитного управления их подлинное политическое содержание;

- социологический метод исследования, позволивший сделать определенные выводы как о социальных кругах, заинтересованных во внедрении социально-кредитных механизмов в практику публичного управления, так и о состоянии общественных настроений относительно внедрения отдельных из таких механизмов.

Данная монография подводит итоги трехлетней исследовательской работы по проекту, получившему поддержку и финансирование со стороны Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ). Эта работа была бы невозможной без помощи моих коллег по проекту: *Алексея Анатольевича Тарасова*, активно участвовавшего в обсуждении концепции исследования с самых (пред)начальных его этапов и деятельно содействовавшего в выявлении доктринальных, философских предпосылок формирования социально-кредитных управленческих механизмов; *Татьяны Дмитриевны Комаровой*, содействовавшей переводу китайских нормативных источников с языка оригинала, позволившей получить представление об отношении к ССК рядовых китайских граждан; *Евгения Вячеславовича Царева*, вместе с которым мы разбирали криминологические аспекты внедрения социально-кредитных механизмов и цифровых технологий анализа данных; *Екатерины Александровны Рувинской*, благодаря которой мне, «гуманитарию», удалось хотя бы частично устранить свое невежество в вопросах понимания аналитики Big Data и алгоритмов искусственного интеллекта. Разумеется, все недочеты данной книги допущены лишь по моей вине. Во всех случаях обращения к публикациям, представляющим собой результаты совместных исследований, в тексте монографии даются ссылки на соответствующие научные статьи.

1. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ИССЛЕДУЕМОГО ФЕНОМЕНА

1.1. ЧТО ТАКОЕ «СИСТЕМА СОЦИАЛЬНОГО КРЕДИТА»?

1.1.1. История разработки и создания Системы социального кредита в КНР

По-видимому, впервые словосочетание *«система социального кредита»* (или *«система социального доверия»*[1]) прозвучало 8 ноября 2002 года в прощальной речи покидающего свой пост генерального секретаря Коммунистической партии Китая Цзян Цзэминя. Уходящий генсек озвучил цель создания «системы социального доверия, совместимой с современной рыночной экономикой»[2]. Никакой конкретизации того, что понимается под словосочетанием «система социального доверия», в докладе озвучено не было, однако исторический контекст, в котором оно прозвучало, должен был сделать мысль китайского лидера достаточно ясной.

> Цзян Цзэминь: *«Мы должны исправлять и нормировать рыночные отношения, учредить систему социального доверия, совместимую с современной рыночной экономикой. <…> Мы должны усовершенствовать реализацию государственных функций экономического регулирования, надзора за рынком, со-*

[1] Китайское 信用 [*синь юн*] в словосочетании 社会信用体系 [*шэхуэй синь юн тиси*] так же, как и английское слово *credit*, можно переводить двояким образом: в узкофинансовом значении слова *«кредит»* и в широком смысле, как *«доверие»*. В современном русском языке имеется устоявшееся словосочетание – *«кредит доверия»*; оно достаточно удачно отражает оба аспекта понимания рассматриваемого нами китайского слова.

[2] Full text of Jiang Zemin's report at the 16th Party congress. URL: http://www.china.org.cn/english/2002/Nov/49107.htm.

циального администрирования и оказания публичных услуг, упростить и стандартизировать административные процедуры проведения проверок и выдачи разрешений».

Рис. 1. Линь Цзюньюэ. Фотография с сайта Управления КНР по вопросам киберпространства. URL: http://www.cac.gov.cn/2015-10/28/c_1116956896.htm

После провозглашения Китаем в 1978 году курса на проведение рыночных реформ страна столкнулась с издержками неупорядоченного, «дикого» рынка, выразившимися в распространении теневого предпринимательства, контрафактной продукции, участившихся случаях мошенничества и неисполнения финансовых обязательств по возврату банковских займов и уплате налогов. Перед руководством КНР встала задача, с одной стороны, законодательно регламентировать новые экономические отношения, а с другой стороны, вернуть в рыночные отношения доверие субъектов друг к другу, подорванное недобросовестными практиками. У страны, только недавно вставшей на путь реформ, отсутствовал ряд институтов, характерных для развитых рыночных

экономик. Не было в Китае ни систем финансового скоринга[1], ни своих бюро кредитных историй. Это осложняло привлечение в страну иностранных инвестиций: зарубежные инвесторы не знали, насколько можно доверять китайским компаниям, при этом сколь-либо надежных источников информации о кредитоспособности действующих в КНР хозяйствующих субъектов не было.

В конце 1990-х годов группа китайских ученых из Института мировой экономики и политики Академии наук КНР принялась за разработку системы оценки кредитоспособности потенциальных контрагентов, ориентируясь на западные аналоги, прежде всего – на американскую модель финансового скоринга *FICO*[2] и немецкое частное кредитное бюро *SCHUFA*[3]. Руководство группой разработчиков взял на себя профессор Линь Цзюньюэ (林钧跃 *Lin Junyue*). Именно он считается одним из отцов-основателей ССК; ему принадлежит авторство теоретических работ, заложивших идейный фундамент Системы и оказавших определяющее влияние на начальный период ее конструирования (доклад «К национальной системе кредитного менеджмента», 2000; монография «Принципы системы социального кредита», 2002)[4].

Создание команды разработчиков новой китайской скоринговой системы и назначение Линя главным инженером этой команды в 1999 году произошло благодаря усилиям тогдашнего премьер-министра КНР Чжу Жунцзи.

---

[1] Финансовый скоринг предполагает оценку платёжеспособности заемщика на основе анализа и оценки его анкетных данных, кредитной истории и иной информации.

[2] Модель, разработанная американской компанией *Fair, Isaac and Company* и впервые запущенная в 1956 году.

[3] *SCHUFA* (сокр. от *Schutzgemeinschaft für allgemeine Kreditsicherung* – Объединение для всеобъемлющего обеспечения кредитов) – основанное в первой половине XX века в Германии бюро кредитных историй, изначально занимавшееся учетом своевременности платежей за электроэнергию при предоставлении гражданам кредитов и рассрочки на приобретение бытовой техники. Инновационная технология SCHUFA состояла в анализе поведения потенциального заемщика в целях определения его кредитоспособности. См.: URL: https://www.schufa.de/schufa-en/; *Bauch A.* Die Geschichte der Schufa – der privatwirtschaftlichen deutschen Wirtschaftsauskunftsdatei // Bayern-online. 27.03.2020. URL: https://bayern-online.de/erleben/news/die-geschichte-der-schufa-der-privatwirtschaftlichen-deutschen-wirtschaftsauskunftsdatei/.

[4] URL: http://www.cac.gov.cn/2015-10/28/c_1116956896.htm.

> Линь Цзюньюэ: *«Американские компании попросили Чжу создать необходимые инструменты для обеспечения их большей информацией о китайских компаниях, с которыми они хотели бы сотрудничать. Я совершил несколько ознакомительных поездок с моими коллегами в Соединенные Штаты, и мы поняли, что должны создать нечто получше: надежную систему документирования кредитоспособности китайских граждан и предприятий. Наш доклад «К национальной системе кредитного менеджмента» вышел в марте 2000 года, как раз перед проведением двух национальных съездов. Термин «социальный кредит» (social credit) появился в 2002-м, когда один государственный деятель предложил лексическое созвучие с социальным страхованием (social security)»*[1].

По поручению Чжу Жунцзи кураторство над проектом разработки *национальной системы кредитного менеджмента*[2] взял на себя Народный Банк Китая (далее – НБК). Совместно с Министерством информации, Министерством общественной безопасности и Государственным управлением по интеллектуальной собственности НБК сформировал исследовательскую группу при Государственном совете КНР[3]. Основной упор в исследованиях был сделан на проектирование системы обмена кредитной информацией о хозяйствующих субъектах, создание системы контроля кредитных рисков. В марте 2002 года Госсоветом КНР при НБК даже была создана специальная рабочая группа по разработке нормативных положений, регламентирующих осуществление операций с кредитной информацией[4] и требования к учреждени-

---

[1] *Raphael R., Xi L.* Discipline and punish: The birth of China's Social-Credit System // The Nation. Jan. 23, 2019. URL: https://www.thenation.com/article/archive/china-social-credit-system/.

[2] Именно так изначально назывался проект, позднее ставший Системой социального кредита.

[3] 林钧跃：为什么说社会信用体系建设起始于 1999 年？[*Lin Junyue: Weisheme shuo shehui xinyong tixi jianshe qi shi yu 1999 nian?*] (Линь Цзюньюэ: Почему строительство системы социального кредита началось в 1999 году?) // Xinhua Credit. 09.09.2019. URL: https://m.credit100.com/xhxy/c/2019-09-09/535610.shtml.

[4] Результатом деятельности рабочей группы стала подготовка проекта нормативного акта, принятого Госсоветом КНР в 2013 году под названием «Регламент по управлению отраслью кредитной информации» (征信业管理条

ям, занимающимся такой деятельностью. Как вспоминает профессор Линь, весной 2003 года, сразу после вступления в должность нового премьер-министра (Чжу Жунцзи на этом посту сменил Вэнь Цзябао), Госсовет КНР впервые официально объявил о начале работ по строительству системы социального кредита[1].

Особенностью проектируемой в КНР системы контроля кредитных рисков, по сравнению с западными моделями финансового скоринга и предоставления кредитной информации, было то, что такая система должна была оценивать не только платежеспособность потенциальных контрагентов и вероятность своевременной уплаты ими долгов, но также надежность в более широком смысле: исполнение договорных обязательств, качество и безопасность продаваемых товаров и услуг, и т. д. От узкофинансовых задач, таким образом, почти сразу же был сделан шаг в направлении укрепления этики ведения бизнеса. И все же, на начальной стадии разработки ССК рассматривалась исключительно с экономической точки зрения; повышение доверия граждан друг к другу и к политическим институтам, обеспечение общественной безопасности и т. п. цели если и обсуждались, то лишь вскользь.

Судя по всему, ССК должна была стать чем-то вроде расширенной китайской FICO, находящейся целиком и полностью в руках государства[2]. По замыслу ученых из Академии наук КНР, в завершенном

例 *zheng xin ye guanli tiaoli*). В соответствии с дефиницией статьи 2 Регламента под формированием *кредитной отчетности* (*credit reporting activities,* в некоторых англоязычных переводах – не совсем точно *«credit investigation»*, т. е. кредитное расследование) понимается деятельность, включающая в себя сбор, сортировку, сохранение и обработку кредитной информации о предприятиях, публичных учреждениях, иных организациях и индивидах, а также предоставление такой информации пользователям. Судя по всему, учреждения, занимающиеся в КНР обработкой кредитной информации, совмещают в себе функции действующих во многих странах (в том числе в России) рейтинговых агентств и бюро кредитных историй. См.: Regulation on the Administration of Credit Investigation Industry. 21.01.2013. Order No. 631. [CLI Code]: CLI.2.194035(EN) // URL: https://www.pkulaw.com/en_law/35e4ed9808a83769bdfb.html.

[1] URL: https://m.credit100.com/xhxy/c/2019-09-09/535610.shtml.

[2] Одним из немаловажных отличий китайской ССК от американских и западноевропейских систем финансового скоринга является то, что с самого начала процесс ее разработки и внедрения осуществлялся по инициативе и под контролем государства, а не частных рейтинговых агентств, т. е. рынка.

виде Система должна была бы включать в себя не только финансово-кредитный скоринг, но и более широкую оценку добросовестности рыночных акторов, систему сертификации и профессиональной аттестации для отдельных отраслей бизнеса, систему обучения в области кредитного менеджмента, правила для финансово-кредитных учреждений и ассоциаций, а также систему планирования развития кредитных услуг[1]. Проект, однако, стал развиваться в достаточно неожиданном направлении, не входившем в планы профессора Линя и его коллег.

Активная фаза проектирования ССК совпала с ускорением развития информационно-коммуникационных технологий (далее также – ИКТ), ростом популярности социальных сетей в интернете и распространением смартфонов. Примерно в это же время по всему миру стали внедряться программы так называемого *«электронного правительства»* (*e-government*), и руководство КНР осознало, что проектируемая система может быть наполнена гораздо более обширным функционалом, нежели функционал систем финансово-кредитной оценки. Развитие ИКТ и появление новых подходов к оптимизации деятельности государственного аппарата позволили увидеть в новой системе мощный инструмент социальной инженерии. Однако наиболее важной причиной переориентации системы обеспечения доверия рыночных контрагентов друг к другу на задачи осуществления контроля над членами общества стал, по-видимому, взятый руководством КНР курс на обеспечение государственной безопасности перед лицом ожидаемых вызовов и угроз усилению Китая на мировой арене[2].

Первым официальным нормативным документом, в конкретно-непосредственной форме провозгласившим цель построения ССК в КНР, стали утвержденные Канцелярией Государственного совета КНР 23 марта 2007 года «Некоторые заключения относительно построения

---

[1] См.: *Lin J.* Bewertung der Integrität und Zustand des chinesischen städtischen Kreditsystems mit CEI-Index // Social Credit Rating: Reputation und Vertrauen beurteilen / ed. by O. Everling. Wiesbaden: Springer Gabler, 2020. S. 59.

[2] См.: *Fu H.* China's imperatives for national security legislation // China's National Security: Endangering Hong Kong's Rule of Law? / ed. by C. Chan & F. de Londras. Oxford & New York: Hart Publishing, 2020. P. 41–60. Отдельные исследователи видят истоки стратегии КНР на укрепление национальной безопасности в событиях начала 1990-х годов. См.: *Wang Y., Minzner C.* The rise of the Chinese security state // The China Quarterly. 2015. Vol. 222. P. 339–359.

системы социального кредита»[1]. Данный акт отражает начавшиеся уже к моменту его разработки тектонические сдвиги в понимании будущего ССК. В документе отмечаются негативные явления, вызвавшие к жизни идею построения ССК и являющиеся ее основной мишенью: злонамеренное уклонение от возврата долгов по банковским кредитам, а также задержка исполнения кредитных обязательств, неуплата налогов, различные виды мошенничества, производство и продажа поддельных товаров, незаконный сбор средств, имеющие место несмотря на противодействие со стороны государственных органов. Уже по этому перечню можно заметить, что внимание проектантов ССК начало смещаться с сугубо экономических вопросов к более сложным проблемам обеспечения общественного порядка, борьбы с мошенничеством и иными правонарушениями.

В апреле 2007 года, сразу после издания Заключений, по инициативе Госсовета было созвано *Межведомственное совещание по строительству системы социального кредита*, участие в работе которого приняли 46 представителей от Коммунистической партии Китая (далее также – Компартия Китая, КПК), Министерства финансов, Государственного управления промышленности и торговли, а также Министерства общественной безопасности (китайского МВД). Позднее в состав совещания были кооптированы представители от Центрального дисциплинарного комитета КПК, Центральной ведущей группы по строительству духовной цивилизации, Центрального отдела пропаганды, Верховного народного суда и Верховной народной прокуратуры КНР[2]. Расширение состава участников Межведомственного совещания наглядно показывает изменение подхода к ССК: если первоначально ее

---

[1] 国务院办公厅关于社会信用体系建设的若干意见 [*Guowuyuan bang ong ting guanyu shehui xinyong tixi jianshe de ruogan yijian*] (Некоторые заключения Канцелярии Государственного Совета КНР относительно построения системы социального кредита). 23.03.2007 // The Central People's Government of the PRC. URL: http://www.gov.cn/zwgk/2007-04/02/content_569314.htm. Неофициальный английский перевод: URL: https://chinacopyrightandmedia.wordpress.com/2007/03/23/state-council-general-office-some-opinions-concerning-the-construction-of-a-social-credit-system/.

[2] *von Blomberg M.* The Social Credit System and China's rule of law // Mapping China Journal. 2018. № 2. P. 86; *Разумов Е.А.* Цифровое диктаторство: особенности системы социального кредита в Китайской Народной Республике // Труды ИИАЭ ДВО РАН. 2019. № 3 (24). С. 86–97.

задачи виделись руководству КНР преимущественно в направлении оздоровления финансово-кредитных институтов страны, постепенно китайское правительство осознало возможность использования ССК в качестве средства социального контроля, обеспечения государственной безопасности и стабильности существующего режима.

Рис. 2. Чжоу Юнкан. Фото с сайта Википедии.
URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Zhou_Yongkang#/media/File:Zhou_Yongkang.jpg

Важная заслуга в ориентации использования ССК в качестве инструмента социального контроля принадлежит Чжоу Юнкану (周永康 *Zhou Yongkang*), занимавшему должности министра общественной безопасности (2002–2007 годы) и председателя Политико-юридической комиссии ЦК КПК (2007–2012 годы), впоследствии арестованному по обвинению в коррупции и приговоренному к пожизненному заключению. Именно Юнкан считается идеологом создания *«системы общественного управления»*, предполагающей оценку правомерности поведения граждан и даже уровня их «счастья»[1]. Судя по всему, во многом

[1] *Hoffman S.* Managing the state: Social credit, surveillance and the CCP's plan for China // China Brief. 2017. № 17 (11). P. 23–24; *Mattis P.* China's adaptive approach to the information counter-revolution // China Brief. 2011. No. 11 (10). P. 5–6.

именно благодаря ему руководство КНР направило свои усилия на укрепление государственной безопасности и обеспечение социальной стабильности посредством применения новейших информационных технологий надзора и контроля, что привело не только к созданию ССК, но и к реализации проекта *«Золотой щит»* (более известного как *«Великий китайский файрволл»*).

Ориентация на безопасность и социальную стабильность к 2012 году вылилась в проект Государственной комиссии КНР по развитию и реформам, предусматривающий вычисление «балла социальной честности» (*social integrity score*, 社会诚信体系)[1]. Идея рейтингования участников общественных отношений, видимо, стала сильно занимать умы некоторых ответственных руководителей в КНР. Несмотря на то, что создание всекитайской системы социального рейтинга оказалось, по-видимому, слишком трудным и рискованным предприятием, и начисление гражданам баллов социальной честности до сих пор остается лишь на уровне перспектив, китайское правительство позволило экспериментировать с рейтинговой оценкой отдельным коммерческим частным компаниям, а также муниципальным образованиям[2].

5 января 2015 года НБК выдал восьми частным коммерческим компаниям лицензии на осуществление деятельности по персональному кредитному скорингу. Компаниями, получившими лицензию, стали Sesame Credit Management Co., Ltd., Tencent Credit Information Co., Ltd., Shenzhen Qianhai Credit Information Center Co., Ltd., Peng Yuan Credit Information Co., Ltd., China Chengxin Credit Information Co., Ltd., China Zhicheng Credit Information Co., Ltd., Lakala Credit Management Co., Ltd. и Beijing Huadao Credit Information Co., Ltd.[3]

В июле 2017 года, однако, НБК отказался продлевать лицензии всем восьми ранее получившим их компаниям. Компании, оценивая поведение участников своих пилотных скоринговых проектов и начис-

---

[1] *Sun Q.* China's social credit system was due by 2020 but is far from ready // Algorithm Watch. Jan. 12, 2021. URL: https://algorithmwatch.org/en/chinas-social-credit-system-overdue/.

[2] Подробнее о пилотных проектах рейтингования см. в § 1.1.2.

[3] 人民银行印发《关于做好个人征信业务准备工作的通知》[*Renming yinhang yinfa «Guanyu zuo hao geren zheng xin yewu zhunbei gongzuo de tongzhi»*] (Народный банк Китая издал «Уведомление о завершении подготовительной работы к ведению бизнеса в области предоставления персональных кредитных отчётов) // URL: http://www.gov.cn/xinwen/2015-01/05/content_2800381.htm.

ляя им баллы, оценивали преимущественно лояльность потребителей по отношению к своим сервисам. Несмотря на это, эксперты и наблюдатели отмечают, что государство продолжает использовать скоринговые технологии и информацию из баз данных частных компаний. Частные скоринговые проекты по-прежнему действуют, а отсутствие специального закона о Системе социального кредита делает неясным, требуется ли вообще для них лицензия. По мнению экспертов, создание в будущем единой всекитайской системы социального рейтинга в любом случае потребует объединения баз данных частного сектора – перспектива, кажущаяся все более вероятной с учетом распространяющихся слухов о возможной национализации Ant Financial и Alibaba[1].

Следует отметить, что определенные шаги в направлении создания единой системы социального рейтингования уже предприняты китайским руководством. В начале 2018 года Национальная ассоциация интернет-финансов, учрежденная Народным банком Китая, объявила об основании государственно-частного бюро кредитной оценки *Baihang Credit* (百行征信 *Baixing Zhengxin*)[2]. По 8 % в уставном капитале бюро досталось восьми вышеназванным частным компаниям, а оставшиеся 36 % остались под контролем государственной Национальной ассоциации интернет-финансов. Персональные кредитные отчеты формируются Baihang Credit на основе данных, предоставляемых компаниями-учредителями: таким образом, государственная система финансово-кредитной оценки заемщиков и иных коммерческих контрагентов опирается на частные скоринговые проекты, ведущиеся крупнейшими китайскими корпорациями.

***

Как видим, уже на ранних этапах практического внедрения ССК обнаружилась определенная двойственность, или, если угодно, параллелизм двух составляющих данного проекта: финансово-кредитной, экономической, и социально-политической, контрольно-надзорной.

---

[1] См.: *Culpan T.* Nationalization is coming to China's data centers // Bloomberg. Sep. 2, 2021. URL: https://www.bloomberg.com/opinion/articles/2021-09-02/china-s-wants-control-of-companies-data-not-just-access-to-it; China moves towards nationalization with probe into Alibaba // Radio Free Asia. Dec. 25, 2020. https://www.rfa.org/english/news/china/alibaba-probe-12252020170303.html.

[2] URL: http://www.techweb.com.cn/it/2018-02-23/2639679.shtml.

Если куратором первой всегда выступал НБК, то движители и идеологи второй представляли более широкий круг ведомств: Государственный комитет КНР по развитию и реформам, Министерство общественной безопасности, отдельные структуры партийного аппарата. Отмеченный параллелизм делает достаточно затруднительным описание структуры китайской ССК, коль скоро предполагается, что Система социального кредита действительно является «системой», а не набором разнородных элементов.

1.1.2. Структура китайской Системы социального кредита

Прежде всего, говоря о структуре ССК в КНР, нужно отметить, что это модульный проект, объединяющий под зонтичным брендом несколько параллельных проектов, развивающихся на основе общих принципов. По наблюдению некоторых западных исследователей ССК, более правильным было бы говорить не о системе, а о *системах* социального кредита[1]. Отнесение отдельных управленческих и социально-контрольных проектов к ССК может быть предметом дискуссии, однако, несомненно, что на сегодняшний день структура ССК немыслима без следующих составляющих ее элементов: единой системы социально-кредитных кодов, черных и красных списков граждан и организаций, платформ обмена кредитной информацией о субъектах, системы согласованных поощрений и наказаний, а также экспериментальных проектов рейтингования субъектов. Иные проекты и механизмы могут примыкать к ССК, служить вспомогательными звеньями системы, сообщаться с ССК при сохранении определенной самостоятельности и автономии. Рассмотрим подробнее отдельные элементы структуры ССК.

1. ***Единая система социально-кредитных кодов*** (统一社会信用代码 *tongyi shehui xinyong daima*) – базовый элемент ССК, позволяющий идентифицировать конкретного субъекта, будь то физическое или

[1] См.: *Creemers R.* China's Social Credit System: an evolving practice of control // SSRN Electronic Journal. May 9, 2018. URL: https://ssrn.com/abstract=3175792; *Kostka G.* China's social credit systems and public opinion: Explaining high levels of approval // New Media & Society. 2019. Vol. 21 (7). P. 1565–1593.

юридическое лицо, выделять того или иного субъекта из множества других, вести учет его поведения и применяемых к нему административных мер. Решение о создании системы идентификации, которой, по сути, является единая система социально-кредитных кодов, было принято на первой сессии Всекитайского собрания народных представителей XII созыва 14 марта 2013 года[1]. Позднее нормативная база для создания и функционирования данной системы была сформирована соответствующими правительственными и ведомственными нормативными правовыми актами.

Социально-кредитные коды присваиваются всем проживающим в КНР физическим лицам и всем организациям, осуществляющих деятельность в КНР. Коды состоят из 18 знаков и соответствуют номерам идентификационных карт граждан и регистрационным номерам организаций, осуществляющих деятельность в КНР.

18-значные коды юридических лиц разделены на 5 составных частей.

1-я часть = первый знак в 18-значном коде, представляет собой арабскую цифру или заглавную букву латинского алфавита и обозначает код регистрирующего органа. Цифра «1» отсылает к Государственной комиссии по реформе публичного сектора, цифра «5» – к Министерству гражданской администрации КНР, цифра «9» – к Народному Банку Китая. Буква «Y» обозначает все иные регистрирующие органы.

2-я часть единого социально-кредитного кода представлена вторым знаком в социально-кредитном коде и обозначает тип субъекта в рамках классификации, определенной регистрирующим органом (государственный орган, публичное учреждение, фонд, предприятие, фермерский кооператив и т. д.).

3-я часть единого социально-кредитного кода состоит из шести цифр (знаки с третьего по восьмой) и закрепляет местонахождение регистрирующего органа, к которому приписан субъект (например, цифровая последовательность «110 000» обозначает город центрального подчинения Пекин, а «130 000» – провинцию Хэбэй). По сути, это код административно-территориального образования.

4-я часть единого социально-кредитного кода включает в себя 9 цифровых и буквенных знаков, обозначающих конкретного индивиду-

[1] Decision of the First Session of the Twelfth National People's Congress on the Plan for Restructuring the State Council and Transforming Functions. 14 March 2013 // URL: https://pkulaw.com/en_law/da337bcefdd86d8abdfb.html.

ального субъекта. Эти 9 знаков представляют собой регистрационный код организации и являются частью системы идентификации юридических лиц, существовавшей ранее.

5-я часть кода служат для целей проверки и состоит из одной, последней, цифры (контрольной суммы)[1].

Введение единой системы социально-кредитных кодов позволило устранить множественность регистрационных номеров, присваивавшихся юридическим лицам различными ведомствами. В настоящее время социально-кредитный код заменяет организации – резиденту КНР государственный регистрационный номер и индивидуальный номер налогоплательщика.

Идентификационные коды физических лиц имеют несколько иную структуру, определяемую законодательством об идентификационных картах жителей КНР[2]. Первые 6 цифр кода гражданина КНР указывают на административно-территориальное образование, в котором зарегистрирован гражданин. Следующие 8 цифр обозначают дату рождения в формате ГГГГ.ММ.ДД. Последующие 3 цифры составляют порядковый номер гражданина и предназначены для различения лиц с одной и той же датой рождения. Последняя, восемнадцатая, цифра служит в качестве контрольной суммы.

Идентификационные коды иностранных граждан, пребывающих в КНР, включают трехбуквенное обозначение страны гражданства иностранного гражданина (например, RUS для россиян, или CAN для граждан Канады), 4 цифры кода местонахождения регистрирующего органа, 6 цифр даты рождения, цифру порядкового номера и контрольную цифру[3].

---

[1] Подробнее см.: Notice of the State Council on Approving and Forwarding the General Plan of the National Development and Reform Commission and Other Departments on the Development of a Unified Social Credit Code System for Legal Persons and Other Organizations, June 11, 2015) // URL: https://pkulaw.com/en_law/ab893453ea75349cbdfb.html; Coding rule of the unified social credit identifier for legal entities and other organizations (GB 32100-2015) // https://zh.wikisource.org/wiki/GB_32100-2015_法人和其他组织统一社会信用代码编码规则_(2015年).

[2] 中华人民共和国公民身份号码 [*Zhonghua renmin gongheguo gongmin shenfen haoma*] (Номер гражданина Китайской Народной Республики) // URL: https://zh.wikipedia.org/wiki/中华人民共和国公民身份号码.

[3] См.: URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Chinese_Foreign_Permanent_Resident_ID_Card.

2. Ведущиеся различными государственными органами ***черные списки*** (黑名单 *hei mingdan*) «подрывающих доверие» (т. е. недобросовестных) лиц и ***красные списки*** (红名单 *hong mingdan*) образцово законопослушных граждан и организаций. Черные списки представляют собой стоп-листы. Включение в один из таких списков блокирует для субъекта возможность доступа к тем или иным социальным благам, либо предполагает усложненный порядок получения социальных благ, более пристальное внимание контролирующих органов при предоставлении тех или иных услуг или проведении административных проверок. Красные списки[1] указывают на физических и юридических лиц, отмеченных за свою законопослушную, безупречную социально-полезная деятельность. Включение в красный список обычно предполагает упрощение административных процедур, возможность получения определенных преференций, иные поощрения.

В настоящее время в КНР насчитывается более сорока различных черных списков[2], затрагивающих преимущественно хозяйствующих субъектов: список предприятий, предоставляющих недостоверные статистические данные о своем положении и деятельности; список недобросовестных участников нефтегазового рынка; реестр нарушителей таможенного законодательства; список производителей некачественных товаров; перечень предприятий, нарушающих нормы изготовления пищевых продуктов и лекарственных средств, и т. п. Наиболее известными черными списками, в которые включаются индивиды, являются, во-первых, реестр лиц, злостно не исполняющих судебные решения (его ведение курирует Верховный народный суд КНР), а во-вторых, черный список лиц, ответствен-

---

[1] Тогда как в западном мире, особенно в США, красный цвет традиционно ассоциируется с тревогой, опасностью, угрозой, в традиции социалистического Китая красный имеет лишь положительный смысл. Примечательно, что даже печати государственных органов, государственных и негосударственных организаций в КНР имеют красный цвет.

[2] 国家联合奖惩合作备忘录汇总（持续更新中）[Guojia lianhe jiangcheng hezuo beiwanglu huizong (chixu gengxin zhong)] [*Перечень национальных меморандумов о сотрудничестве в области совместного поощрения и наказания (постоянно обновляется)*] // URL: http://credit.qj.gov.cn/staticPage/c6c43495-2ba1-4ec5-a195-00de51ebbe40.html.

ных за серьезные нарушения на объектах туристической инфраструктуры.

Содержание отдельных черных списков раскрывается на публично доступных интернет-сайтах: это, прежде всего, веб-платформа *Credit China* (www.creditchina.gov.cn) и сайт Сети раскрытия информации об исполнении судебных решений 中国执行信息公开网 (zxgk.court.gov.cn). Веб-платформа *Credit China* предназначена для проверки контрагентов в рамках договорных коммерческих отношений. Введя наименование или социально-кредитный код потенциального контрагента (рис. 3), можно получить информацию о том, числится ли он в списке проверенных добросовестных контрагентов[1], или же включен в перечень ненадежных субъектов, с которыми лучше не иметь дела[2]. Сайт сети раскрытия информация об исполнении судебных решений поддерживается аппаратом Верховного народного суда КНР и имеет более узкую направленность: здесь можно проверить гражданина или организацию на предмет неисполнения решений судебных органов КНР (рис. 4, 5).

Рис. 3. Скриншот с сайта Credit China.
В центре – форма для проверки контрагента

[1] URL: https://www.creditchina.gov.cn/xinyongfuwu/shouxinhongmingdan/.
[2] URL: https://www.creditchina.gov.cn/xinyongfuwu/shixinheimingdan/.

Рис. 4. Скриншот с сайта Сети раскрытия информации об исполнении судебных решений. Слева – физические лица, справа – юридические. Снизу – поисковые формы для ввода данных о конкретных субъектах

被执行人姓名/名称:	何智南
性别:	女性
身份证号码/组织机构代码:	5130011977****0846
执行法院:	成都市成华区人民法院
省份:	四川
执行依据文号:	(2016)川0108民初5928号
立案时间:	2018年04月24日
案号:	(2018)川0108执1350号
做出执行依据单位:	成都市成华区人民法院
生效法律文书确定的义务:	1、被告邓文峰、何智南在本判决生效后十五日内，向原告戴俐俊归还借款本金人民币600000元。 2、被告邓文峰、何智南在本判决生效后十五日内，向原告戴俐俊支付2015年6月30日前的借款利息84000元。 3、被告邓文峰、何智南在本判决生效后十五日内，向原告戴俐俊支付自2015年6月30日起至实际还款之日止的借款利息（以本金600000为基数，按照年利率24%计算） 4、驳回原告戴俐俊的其他诉讼请求。 如未按本判决指定的期间履行给付金钱的义务，则

Рис. 5. Данные о гражданине, злостно не исполняющем судебное решение о взыскании процентов по договору займа. С сайта раскрытия информации об исполнении судебных решений

Красных списков значительно меньше, их можно перечислить по пальцам одной руки: список выдающихся молодых волонтеров; список крупнейших налогоплательщиков; список предприятий, осуществля-

ющих наиболее качественную таможенную сертификацию; список предприятий, отличившихся в обеспечении безопасности производимой продукции; список наиболее надежных предприятий в области транспортного машиностроения[1].

3. *Национальная платформа обмена кредитной информацией* (全国信有用信息共享平台 *quanguo xin youyong xinxi gongxiang pingtai*) – информационный скелет ССК, головная база данных, аккумулирующая информацию из баз данных различных центральных и местных госорганов КНР, в том числе из черных и красных списков.

Национальная платформа обмена кредитной информацией была запущена в октябре 2015 года Государственным комитетом КНР по делам развития и реформ. Платформа объединила данные 42 центральных министерств и ведомств, 32 местных администраций и полусотни участников рынка[2]. В настоящее время к всекитайской платформе примыкают также региональные и муниципальные платформы обмена кредитной информацией, созданные в провинциях и городах Китая.

Судя по всему, платформа обмена кредитной информацией служит не только в качестве точки сбора данных из различных источников (из материалов судебного делопроизводства, от финансовых учреждений, контрольно-надзорных и регулирующих органов, нотариусов и т. д. – см. рис. 6[3]), но, прежде всего, в качестве средства обмена данными, обеспечения связанности данных, контроля за достоверностью ведомственной информации. Это не столько большое хранилище, в которое различные органы и учреждения направляют наборы данных, сколько распределенная система связи между многочисленными локальными базами данных. Осуществление обмена информацией о «подрывающих доверие лицах» и учет такой информации в

---

[1] URL: http://credit.qj.gov.cn/staticPage/c6c43495-2ba1-4ec5-a195-00de51ebbe40.html.

[2] *Liang F., Das V., Kostyuk N., Hussain M.M.* Constructing a data-driven society: China's Social Credit System as a state surveillance infrastructure // Policy & Internet. 2018. No. 4 (10). P. 426.

[3] Графическая идея принадлежит консалтинговому агентству *Trivium China*. См.: Understanding China's Social Credit System // Trivium China. URL: http://socialcredit.triviumchina.com/wp-content/uploads/2019/09/Understanding-Chinas-Social-Credit-System-Trivium-China-20190923.pdf.

своей деятельности прямо вменяется в обязанность государственным органам КНР на всех уровнях вертикали публичной власти[1].

Рис. 6. Принцип работы Национальной платформы обмена кредитной информацией

4. ***Система объединенных поощрений и наказаний*** (联合奖惩 *lianhe jiangcheng*) – предполагает применение согласованных дисциплинарных и поощрительных мер в отношении лиц, попавших в, соответственно, черные или красные списки, множеством ведомств. Характер таких мер и последовательность действий участников системы объединенных поощрений и наказаний определяются меморандумами о взаимопонимании, заключаемыми ведомствами, курирующие ведение соответствующих черных и красных списков, с другими государственными органами и учреждениями. Для юридических лиц дисциплинарные меры могут предполагать, в частности, предъявление повышенных требований при выдаче лицензий, прекращение участия компании в гос-

[1] См.: Opinions concerning Accelerating the Construction of Credit Supervision, Warning and Punishment Mechanisms for Persons Subject to Enforcement for Trust-Breaking – Sept. 25, 2016 // URL: https://chinacopyrightandmedia.wordpress.com/2016/09/25/opinions-concerning-accelerating-the-construction-of-credit-supervision-warning-and-punishment-mechanisms-for-persons-subject-to-enforcement-for-trust-breaking/.

ударственных программах финансирования и т. д. Предприятиям, допустившим наиболее грубые нарушения, может быть запрещено работать в соответствующих секторах экономики, а ответственным должностным лицам таких компаний грозит дисквалификация.

Принцип действия системы объединенных поощрений и наказаний довольно-таки прост (рис. 7[1]): уполномоченный орган вносит данные о субъекте (гражданине или организации) в соответствующий черный или красный список; запись о внесении лица в соответствующий список становится доступной через платформу обмена кредитной информацией; информация распространяется через платформу обмена кредитной информацией по всем ведомствам; все ведомства, ранее заключившие соответствующие меморандумы и принявшие на себя обязанности по участию в согласованной политике поощрений и наказаний, применяют ко включенному в черный или красный список субъекту определенные дисциплинарные (поощрительные) меры в рамках своей компетенции и в своей отрасли. Таким образом реализуется один из принципов ССК, согласно которому *нарушение в одной области общественной жизни должно впоследствии влечь ограничения повсеместно*[2].

Институциональные схемы, аналогичные действующей на национальном уровне системе объединенных наказаний и поощрений, можно наблюдать также на уровне отдельных китайских провинций и муниципальных образований. Как отмечают исследователи, в Китае порой несколько административных органов провинциального (регионального) и муниципального уровня напрямую, т. е. вне исполнения поручений своих центральных аппаратов, объединяют свои усилия для борьбы с какой-то конкретной проблемой. Например, в городе Хуайбэй провинции Аньхой девять муниципальных органов договорились о согласованной политике дисциплинарных мер в отношении местных работодателей, не исполняющих своих обязательств по выплате работникам заработной платы[3].

---

[1] Графическая идея принадлежит консалтинговому агентству *Trivium China*. См.: Understanding China's Social Credit System // Trivium China. URL: http://socialcredit.triviumchina.com/wp-content/uploads/2019/09/Understanding-Chinas-Social-Credit-System-Trivium-China-20190923.pdf.

[2] Подробнее о принципах ССК речь пойдёт в следующем параграфе.

[3] *Dai X.* Toward a reputation state: A comprehensive view of China's Social Credit System project // Social Credit Rating: Reputation und Vertrauen beurteilen / ed. by O. Everling. Wiesbaden: Springer Gabler. P. 151.

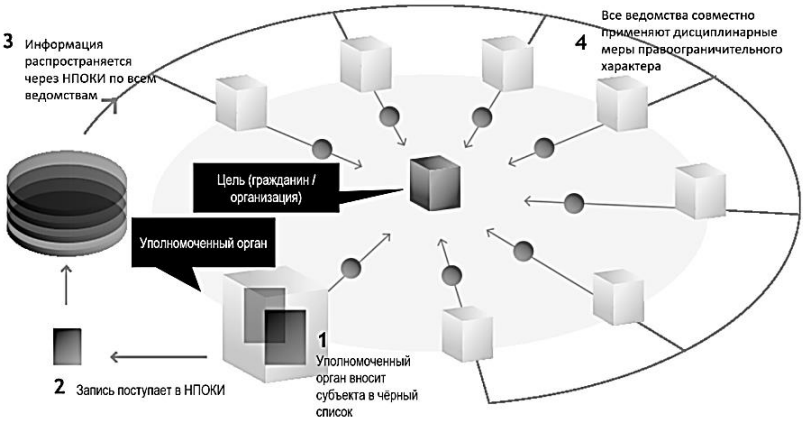

Рис. 7. Принцип функционирования системы объединенных наказаний

5. ***Муниципальные пилотные проекты начисления субъектам социального балльного рейтинга***, реализуемые в отдельных городах местными властями. Примечательно, что такие проекты начали реализовываться в Китае довольно-таки рано, в период, когда нормативные основы построения ССК еще только начинали закладываться.

Одним из наиболее ранних и при этом известных муниципальных социально-рейтинговых проектов был проект, запущенный в 2010 году в городском округе Суйнин китайской провинции Сычуань. Первоначально всем жителям города был предоставлен единый балл социального рейтинга (1000 баллов, категория «A»); впоследствии, в зависимости от поведения гражданина, рейтинг мог опуститься до низшей категории «D» (менее чем 599 баллов). Проект оценивал поведение человека в широкой сфере общественных отношений: баллы социального рейтинга могли быть списаны, например, за переход дороги в неположенном месте[1]. Местные партийные кадры, имеющие низкий социальный рейтинг, лишались карьерных перспектив. В качестве поощрения за сохранение высокого рейтинга использовалась практика предоставления банковских кредитов на

[1] *von Blomberg M.* Op. cit. P. 92.

льготных условиях. Проект вызвал достаточно резкую негативную реакцию со стороны местных жителей. Государственные СМИ заклеймили суйнинский эксперимент за излишнюю строгость и чрезмерную ориентацию на наказание, сравнив пилотный социально-рейтинговый проект с политикой японских оккупационных властей, выдававших удостоверения «хороших граждан» сотрудничающим с ними китайцам в годы Второй мировой войны[1]. Проект пришлось закрыть, но от самой идеи начисления рейтингов в зависимости от поведения граждан китайские власти не отказались.

Согласно обзору консалтингового агентства Trivium China[2], по состоянию на 2019 год в Китае действовало около десятка муниципальных проектов социального скоринга: проект «Osmanthus Points» в городе Сучжоу и «Xichu Points» в городе Суцянь (провинция Цзянсу), «Rongcheng Points» в городе Жунчэн и «Haibei Points» в городском округе Вэйхай (провинция Шаньдун), «Yuming Points» в городском округе Фучжоу и «Bailu» в городе Сямынь (провинция Фуцзянь), «Lehui Points» в городском округе Уху провинции Аньхой, «Qianjiang Points» в городе Ханчжоу провинции Чжэцзян.

Пилотные рейтинговые проекты в отдельных муниципальных образованиях Китая используют различные шкалы балльно-рейтинговой оценки. Так, запущенная в июле 2018 году в портовом городе Сямынь система.

«Bailu» (白鹭 / *«Белая цапля»*) использует пять ступеней оценки поведения индивида: «плохо», «удовлетворительно», «хорошо», «отлично» и «превосходно»[3]. Проект «Rongcheng Points» в городе Жунчэн провинции Шаньдун предоставляет гражданам 1000 баллов, впоследствии увеличивая или уменьшая рейтинг. Система «Lehui Points» города Уху провинции Аньхой предусматривает рейтинговую шкалу от 350 до 1200 баллов.[4]

---

[1] Understanding China's Social Credit System // Trivium China.

[2] Ibid.

[3] См.: 快查查你的白鹭分！厦门市民个人信用发布！积分越高，生活越便捷！ [*Kuai cha cha ni de Bailu fen! Xiamen shimin geren xinyong fabu! Jifen yue gao, shenghuo yue bianjie!*] (Проверь свои баллы в Bailu! Заработал персональный рейтинг жителя Сямыня! Чем выше баллы, тем легче жизнь!) // URL: https://www.sohu.com/a/239995266_404507.

[4] Understanding China's Social Credit System // Trivium China.

Хотя поначалу может показаться, что ССК ориентируется прежде всего на обеспечение порядка в сфере финансовых отношений и в хозяйственной деятельности, стоит отметить, что проект этот не только не исчерпывается финансовыми вопросами и вопросами соблюдения законодательства в сфере предпринимательской деятельности, но и вообще имеет область применения, которая потенциально является гораздо более широкой, нежели и без того широкая сфера административно-правовых отношений. Так, показатели, оказывающие влияние на индивидуальный социальный рейтинг в рамках пилотных скоринговых проектов в КНР, затрагивают в том числе те вопросы, которые традиционно принято относить к отношениям, регулируемым уголовным законодательством. Согласно опубликованному в августе 2018 года администрацией городского округа Фучжоу провинции Фуцзянь проекту документа о мерах по управлению муниципальной системой социального рейтингования *Yuming Points* (玉茗分), на который в своем исследовании ссылаются сотрудники консалтингового бюро Trivium China, за уклонение от военной службы из персонального рейтинга индивида предлагалось вычитать 80 баллов (из 1000 максимально возможных в данной системе), а за осуществление преступной деятельности, посягающей на общественное благосостояние, – 50 баллов. Граждан, признанных виновными в совершении преступлений, но освобожденных от наказания, предлагалось наказывать снятием 30 баллов персонального рейтинга; в случае заключения под стражу на срок до трех лет из персонального рейтинга осужденного предлагалось вычитать 50 баллов; в случае заключения на срок более трех лет – 80 баллов[1].

6. *Система финансово-кредитного скоринга и предоставления кредитных отчетов* – уже упомянутый выше Baihang Credit. Как отмечают исследователи, несмотря на отсутствие в официальных документах прямых указаний на связь Baihang Credit с ССК, не приходится сомневаться, что данный сервис будет использован как готовый и, возможно, ключевой модуль ССК на этапе ее полноценного развертывания[2].

---

[1] Understanding China's Social Credit System // Trivium China. URL: http://socialcredit.triviumchina.com/wp-content/uploads/2019/09/Understanding-Chinas-Social-Credit-System-Trivium-China-20190923.pdf. P. 25.

[2] *Ларина Е., Овчинский В.* Китайская система социального кредита: традиции и технологии // Завтра. 04.09.2019. URL: https://zavtra.ru/blogs/kitajskaya_sistema_sotcial_nogo_kredita_traditcii_i_tehnologii.

7. *Частные пилотные проекты балльного рейтингования*, ведущиеся несколькими крупными китайскими корпорациями (Sesame Credit, Tencent Credit и др.) и представляющие собой, по сути, расширенные программы клиентской лояльности. Насколько можно судить по публикациям исследователей, материалам открытых источников и результатам дистанционного интервьюирования нескольких граждан КНР, проведенного группой нижегородских ученых во главе с автором настоящей монографии[1], частные пилотные проекты не предусматривают негативных дисциплинарных мер для участников с низким рейтингом. Высокий рейтинг в частных проектах социального скоринга позволяет его обладателю получать определенные бонусы, аналогичные тем, что предоставляют корпоративные программы лояльности по всему миру: скидки на товары и услуги соответствующих компаний, более легкий доступ к банковским кредитам и т. п.

Несколько туманным представляется вопрос о том, связаны ли корпоративные системы социального скоринга с государством. Тогда как стимулирующие меры в рамках корпоративных программ лояльности по всему миру не выходят за рамки соответствующих корпоративных экосистем, а информация об участниках таких программ, как правило, не передается за пределы корпорации и, в крайнем случае, круга ее ближайших партнеров, в Китае можно наблюдать иное положение дел. Как указывают отдельные авторы, высокий рейтинг в системе Sesame Credit (芝麻信用 *Zhima Credit*) позволяет его обладателям претендовать на первоочередную госпитализацию в случае болезни и упрощенный порядок получения разрешения на выезд за рубеж; также любопытным является то, что холдинг Alibaba, которому принадлежит Sesame Credit, блокирует трансакции граждан, оказавшихся в государственных черных списках[2]. Работа алгоритмов вычисления рейтинга пользователя мобильного приложения Sesame Credit имеет непрозрачный характер, что, с одной стороны, позволяет держать граждан в неведении относительно того, из каких источников система черпает информацию о них, а с другой стороны, служит плодородной почвой для

---

[1] *Рувинский Р.З., Рувинская Е.А., Комарова Т.Д.* Общественное восприятие практик цифрового профилирования и социального рейтингования: ситуация в России и Китае // Социодинамика. 2021. № 12. С. 56–76.

[2] *Mac Síthigh D., Siems M.* The Chinese Social Credit System: a model for other countries? // Modern Law Review. 2019. No. 6 (82). P. 1053.

всяческих спекуляций и критики, усматривающей в корпоративных программах рейтингования угрозу правам и свободам личности. Вероятно, Sesame Credit использует для рейтингования клиентов холдинга Alibaba Group данные об их потребительском поведении в рамках корпоративной экосистемы, однако эта экосистема очень широка и включает в себя не только торговые площадки, но и социальные сети. В этом смысле вопрос о том, насколько широки возможности китайских корпоративных систем социального скоринга, остается открытым.

В ноябре 2017 года один из топ-менеджеров Sesame Credit, Ху Тао, заявила Financial Times, что мобильное приложение Sesame Credit, через которое клиенты совершают покупки и заказывают услуги, не отслеживает сообщения пользователей в глобальной сети, не оценивает характер, честность или моральные ценности своих пользователей, а компания, в свою очередь, не передает пользовательские данные правительственным структурам без согласия самого пользователя[1]. Ху Тао также отвергла связь Sesame Credit с Системой социального кредита.

> Ху Тао: «Zhima Credit – частный, независимый сервис оценки кредитоспособности. Любые утверждения о том, что он исполняет контрактные обязательства по управлению китайской системой социального кредита, являются ложными»[2].

Верны ли утверждения Ху Тао или не вполне, очевидно, что частные проекты социального скоринга служат в качестве своего рода экспериментального полигона для отработки соответствующих технологий с целью возможного в дальнейшем создания единой всекитайской системы балльного рейтингования. Петер Ляйбкюхлер из Китайско-германского института правовых исследований Нанкинского университета отмечает в этой связи, что реализуемый руководством КНР проект ССК с самого своего начала в обеспечении своей технической инфраструктуры и выстраивании механизмов сбора данных полагается на все уровни государственного управления и хозяйственные отрасли – как на публичный, так и на частный сектор[3].

---

[1] URL: https://www.ft.com/content/ec4a2a46-c577-11e7-a1d2-6786f39ef675.

[2] Ibid.

[3] *Leibkuechler P.* Trust in the digital age–The case of the Chinese Social Credit System // Redesigning Organizations: Concepts for the Connected Society / ed. by D. Feldner. Cham: Springer, 2020. P. 282.

8. Иные (реализуемые, как правило, по инициативе и под контролем партийно-государственных органов) пилотные проекты исчисления социального рейтинга, основанные на добровольности участия: такие, например, как проект, действующий на основе мобильного приложения *Unictown* и рассчитанный на балльно-рейтинговую оценку членов китайского комсомола и иных молодых людей от 18 до 45 лет[1].

С ССК соединены система оценки и маркировки качества продукции «Золотое качество» (金质), система налогового учета «Золотое налогообложение» (金税) и система электронного таможенного декларирования «Золотая таможня» (金关), данные из которых делаются доступными через национальную платформу обмена кредитной информацией для того, чтобы впоследствии сделаться основаниями для социально-кредитной оценки организаций и предпринимателей-граждан.

Также к ССК в КНР тесно примыкают, не будучи при этом непосредственно в нее включенными, интеллектуальные системы наружного видеонаблюдения – проект *SkyNet*, нацеленный на фиксацию правонарушений, поимку преступников и розыск пропавших[2], а также вырастающий на его базе проект *Xueliang* (雪亮工程), предназначенный прежде всего для сельской местности и отдаленных населенных пунктов[3]. КНР – лидер в продвижении технологий наблюдения и слежки. По состоянию на июль 2022 года на 1000 человек в этой стране прихо-

---

[1] *Arsène S.* China's Social Credit System: A chimera with real claws // Asie.Visions. 2019. No. 110. URL: https://www.ifri.org/sites/default/files/atoms/files/arsene_china_social_credit_system_2019.pdf.

[2] *Xiao Q.* The road to digital unfreedom: president Xi's surveillance state // Journal of Democracy. 2019. No. 30. P. 57; *Polyakova A, Meserole C.* Exporting digital authoritarianism: The Russian and Chinese models // Foreign Policy at Brookings. 2019. URL: https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2019/08/FP_20190827_digital_authoritarianism_polyakova_meserole.pdf.

[3] См.: *Yu Z.* China turns televisions and mobile phones in villages into surveillance terminals // Global Times. June 27, 2018. URL: https://www.globaltimes.cn/content/1108589.shtml (дата обращения: 01.01.2022). Архив публикации: URL: https://web.archive.org/web/20220101043649/. URL: https://www.globaltimes.cn/content/1108589.shtml/; *Gershgorn D.* China's 'Sharp Eyes' program aims to surveil 100% of public space // OneZero. March 2, 2021. URL: https://onezero.medium.com/chinas-sharp-eyes-program-aims-to-surveil-100-of-public-space-ddc22d63e015.

дилось почти 373 камеры наружного наблюдения, всего же в населенных пунктах установлено порядка 540 миллионов камер[1].

Вопрос о наличии связи между ССК и системами видеонаблюдения, основанными на использовании машинных алгоритмов, является достаточно непростым. С одной стороны, вопреки широко распространенному заблуждению, на сегодняшний день отсутствуют факты, которые бы указывали на наличие прямого канала передачи информации с сети камер видеонаблюдения в базы данных, содержащие файлы с информацией о физических лицах. С другой стороны, очевидно, что данные, собранные видеокамерами с функцией распознавания лиц и поступающие в ситуационные центры правоохранительных органов, могут стать основанием для проведения расследования и наложения на гражданина соответствующего наказания, которое, в свою очередь, будет записано в его кредитные файлы.

В то же время (и данный факт уже отмечался учеными[2]), ССК тесно переплетена с данными контрольными механизмами, поскольку так же, как и они, является частью более широкого управленческого проекта, направленного на укрепление государственной безопасности и предсказуемости социальных взаимодействий. То, что ССК следует рассматривать в одном ряду со знаменитыми китайскими системами видеонаблюдения и системой регистрации реальных имен интернет-пользователей, прямо подтверждает нормативный документ, известный как «Заключения Центрального комитета Коммунистической партии Китая об усилении строительства системы контроля и предотвращения угроз общественной безопасности»: в нем правительственные меры по созданию единой системы социально-кредитных кодов, выстраиванию инфраструктуры межведомственного обмена информацией о физических и юридических лиц, поощрению добросовестных и наказание недобросовестных лиц перечислены наряду с мероприятиями по обеспечению безопасности и порядка в общественных местах, ускорению строитель-

---

[1] *Bischoff P.* Surveillance camera statistics: which cities have the most CCTV cameras? // Comparitech. July 11, 2022. URL: https://www.comparitech.com/vpn-privacy/the-worlds-most-surveilled-cities/.

[2] *von Blomberg M.* The Social Credit System and China's rule of law // Mapping China Journal. 2018. No. 2. P. 87.

ства системы наружного видеонаблюдения, проектированию проактивной архитектуры предупреждения и раскрытия преступлений[1].

Как отмечает один из европейских исследователей китайской ССК, фундаментальной целью ССК является введение кибернетических механизмов поведенческого контроля, позволяющих наблюдать за индивидами и организациями, своевременно предотвращая нежелательные последствия их действий[2]. Так это или нет, бесспорно то, что ССК вырастает на базе современных практик оперирования информацией. Пожалуй, будет справедливым сказать, что ССК, отдельные модули которой так или иначе связаны со сбором, учетом, анализом и оценкой разнообразной информации о физических, юридических и должностных лицах, является кульминационным результатом развития информационного общества, порождением современной инфономики[3]. В этом плане модули и механизмы ССК неотделимы от процессов цифровизации; более того, феномен ССК становится возможным лишь с началом цифровой эпохи[4], когда появляется возможность оперативно собирать, хранить и обрабатывать большие массивы данных о субъектах. При этом, вопреки распространенным слухам и ошибочным представлениям, ядром ССК, определяющим ее modus operandi, являются вовсе не рейтинги, а обмен информацией. Эта простая, но не очевидная, на первый взгляд, истина достаточно четко выражена в исследовании Кендры Шэфер из консалтингового бюро Trivium China:

---

[1] 中共中央办公厅　国务院办公厅印发《关于加强社会治安防控体系建设的意见》[Zhonggong zhongyang bangong ting guowuyuan bangong ting yinfa «Guanyu jiaqiang shehui zhi'an fang kong tixi jaanshe de yijian»] (Главное управление ЦК КПК издало заключения об усилении строительства системы контроля и предотвращения угроз общественной безопасности). CLI.N.74453. 13.04.2015. URL: http://www.gov.cn/gongbao/content/2015/content_2847873.htm.

[2] *Creemers R.* China's Social Credit System: An Evolving Practice of Control // SSRN Electronic Journal. 2018. URL: https://ssrn.com/abstract=3175792.

[3] О том, что такое инфономика, см.: *Garifova L.F.* Infonomics and the value of information in the digital economy // Procedia Economics and Finance. 2015. № 23. P. 738–743.

[4] Ср.: *Ма Дань.* Опыт Китая в области цифровой экономики в контексте социального кредитного менеджмента // Цифровизация общества и система социального кредита: монография / под ред. И.А. Ветренко. СПб.: ИПЦ СЗИУ РАНХиГС, 2022. С. 81.

> «Когда большинство людей думает об ССК, они представляют ее, прежде всего, в виде скорингового механизма, как возможность для центрального правительства ранжировать китайских граждан и компании на основе их поведения. Однако это пристрастное заблуждение относительно того, чем на самом деле является социальный кредит. Система социального кредита в своей основе, пожалуй, лучше может быть описана как сервис обмена данными; наиболее технически продвинутые среди вас могли бы уподобить ее крупной национальной API[1]»[2].

Как можно было увидеть по представленному выше обзору, китайская ССК действительно – и здесь вполне можно согласиться с Ву Цзиньмэй (Wu Jinmei), профессором Китайского народного университета, – кажется достаточно хаотичным образованием. Судя по названию, это *система*, однако изобразить ее в виде простой и понятной схемы, которая бы при этом учитывала все основные элементы этой системы, очень непросто. Ву Цзиньмэй объясняет причины хаотичного состояния ССК недостатком централизованной координации данного проекта и отсутствием ясной нормативно-правовой базы для выстраивания системы[3]. Возможно, такая оценка справедлива, однако, может быть, инновационной системе социального доверия и не нужно иметь жесткую структуру: она сильна именно своей гибкостью, выражаясь не столько в статичных институтах, сколько в определенных принципах. Важнейшим из этих принципов можно считать идею, согласно которой *любые социально значимые характе-*

---

[1] API (Application Programming Interface, т. е. программный интерфейс приложения) – специальный протокол (набор классов, процедур, функций, структур и констант), определяющий, как программы взаимодействую друг с другом, используя запросы и ответы. API позволяет использовать функции одного приложения внутри другого. См.: *Решетникова М.* API простым языком: что это и зачем нужен // РБК.Тренды. 24.09.2021. URL: https://trends.rbc.ru/trends/industry/614b2abe9a79476f5b552e0e; *Тенигина А.* Что такое API. Объясняем простыми словами // Секрет фирмы. 30.10.2021. URL: https://secretmag.ru/enciklopediya/chto-takoe-api-obyasnyaem-prostymi-slovami.htm.

[2] *Schaefer K.* The apps of China's social credit system // Trivium. Oct. 14, 2019. URL: https://ub.triviumchina.com/2019/10/long-read-the-apps-of-chinas-social-credit-system/.

[3] См.: *Sun Q.* China's social credit system was due by 2020 but is far from ready // Algorithm Watch. Jan. 12, 2021. URL: https://algorithmwatch.org/en/chinas-social-credit-system-overdue/.

ристики и поведенческие акты субъектов должны быть учтены и подвергнуты беспристрастной оценке; от этих оценок, в свою очередь, зависит дальнейший характер правовых отношений с этими субъектами, их социальный статус, правовые возможности, адресованные им меры государственного принуждения или, напротив, поощрения. Гибкость, модульность, подвижность – подходящие качества для проекта, имеющего дело с крайне чувствительными для людей материями (границами их прав и свобод, их положением в государстве и обществе). В конце концов, всегда можно перевести дискуссию о присущих новой системе инструментах социального контроля в разговор о ее сугубо экономическом характере, представить ССК как «всего лишь» систему формирования кредитных отчетов о платежеспособности и обязательствах потенциальных коммерческих контрагентов.

Что касается отсутствия ясной нормативной правовой базы выстраивания ССК и функционирования ее модулей, следует оговориться: несмотря на отсутствие единого закона о социальном кредите[1], к настоящему времени в КНР сложился вполне солидный фундамент нормативных источников, посвященных регулированию внедрения ССК и отдельных ее элементов.

1.1.3. Нормативно-правовые основы функционирования ССК в КНР[2]

Система социального кредита – это, прежде всего, китайский (хотя и не исключительно китайский, о чем пойдет речь далее) феномен.

---

[1] Закон этот, скорее всего, и невозможен ввиду как раз таки двойственной, финансово-кредитной и социально-контрольной (т. е. экономической и полицейско-политической), природы ССК.

[2] Основные тезисы настоящего параграфа ранее были опубликованы в виде отдельной научной статьи: *Рувинский Р.З., Комарова Т.Д.* Система социального кредита в Китайской Народной Республике: нормативно-правовые основания и принципы функционирования // NB: Административное право и практика администрирования. 2020. № 4. С. 18–53. Перевод китайских понятий и наименований документов осуществлен Т.Д. Комаровой, формально-юридический и сравнительно-правовой анализ содержания рассматриваемых здесь нормативных правовых актов – Р.З. Рувинским.

В связи с этим, при характеристике нормативно-правовых основ функционирования ССК несколько слов необходимо сказать о специфике правовой системы КНР. Среди ключевых особенностей китайской правовой системы внимание привлекают, прежде всего, тесное переплетение государственных и партийных нормативных предписаний, сравнительно небольшое число законов, первичное регулирование общественных отношений на основании ведомственных нормативных актов, пафосно-декларативный характер многих положений законодательства.

Достаточно распространенной для КНР – и это особенно заметно по тем актам, которые посвящены построению ССК – является практика совместного принятия нормативных правовых актов двумя, тремя, несколькими ведомствами, при этом в числе согласовавших документ субъектов могут значиться как государственные, так и партийные органы. Как известно, КПК является важнейшим элементом механизма Китайского государства, его ядром. Будучи тесно связанной, слитой с государственным аппаратом, КПК в лице ее руководящих органов принимает активное участие в правотворческой деятельности.

Во многом подзаконный характер правового регулирования общественных отношений, практика совместного принятия нормативных актов, пересекающиеся правотворческие полномочия государственных и партийных органов – все это делает иерархию источников права КНР достаточно сложной и неочевидной.

С доктринальной точки зрения, актом высшей юридической силы в Китае является Конституция. В статье 5 Конституции Китайская Народная Республика характеризуется как «социалистическое правовое государство»[1]. В статье 15 Конституции КНР указывается, что «государство на основании закона запрещает любым организациями или частным лицам нарушать социально-экономический порядок». Согласно статье 28, «государство охраняет общественный порядок, подавляет предательскую и иную преступную деятельность, подрывающую безопасность государства, карает за нарушение общественной безопасности, дезорганизацию социалистической экономики и иные преступные действия, наказывает и перевоспитывает преступные элементы»[2]. Все это крайне пространные положения, однако именно они,

---

[1]Конституция КНР (в редакции 2018 года) // URL: https://chinalaw.center/constitutional_law/china_constitution_revised_2018_russian.

[2] Там же.

пожалуй, наиболее тесно связаны с политикой руководства КНР по внедрению ССК в государственное управление. Прямые упоминания ССК или составляющих ее механизмов отсутствуют как в Конституции КНР, так и в наиболее значимых отраслевых законах страны, таких как недавно принятый Гражданский кодекс КНР [1], Уголовный закон 2017 года[2], Закон о наказаниях за нарушение общественного порядка 2005 года[3], Закон о качестве продукции 1993 года[4] и Закон об административном лицензировании 2003 года[5].

Строительство ССК и внедрение ее элементов в повседневную жизнь регламентируются преимущественно на уровне подзаконных нормативных актов, однако нельзя сказать, что такие акты тем или иным образом противоречат нормам действующих в Китае законов.

Так, например, Закон КНР от 22 февраля 1993 года (с изменениями от 29 декабря 2018 года) «О качестве продукции» содержит положения, предусматривающие приостановку деятельности предприятий, производящих товары, не соответствующие государственным стандартам качества и безопасности. В соответствии со статьей 49 данного Закона незаконное производимые и реализуемые товары, не удовлетворяющие стандартам качества, подлежат конфискации, а предприятия, занимающиеся их производством или реализацией, могут быть принуждены к уплате штрафа в троекратном размере от стоимости такой продукции; лицензии этих предприятий подлежат аннулированию. Аналогичные положения предусмотрены для предприятий, производящих и продающих поддельную продукцию, фальсифицирующих информацию о месте происхождения товара, использующих ложную

---

[1] Civil Code of the People's Republic of China (Order No. 45 of the President of the People's Republic of China), CLI.1.342411(EN) (Lawinfochina).

[2] Criminal Law of the People's Republic of China(2017 Amendment PKULAW Version), CLI.1.256346(EN) // URL: https://pkulaw.com/en_law/703dba7964330b85bdfb.html.

[3] Public Security Administration Punishments Law of the People's Republic of China, CLI.1.59774(EN) // URL: https://pkulaw.com/en_law/03232a8ebe8ec55dbdfb.html.

[4] Product Quality Law of the People's Republic of China (2018 Amendment), CLI.1.328268(EN) // URL: https://www.pkulaw.com/en_law/0b7f9247ef494fd0bdfb.html.

[5] Administrative License Law of the People's Republic of China, CLI.1.49280(EN) // URL: https://pkulaw.com/en_law/6cc71b5743a5ee2abdfb.html.

маркировку и т. д. В приводимом в пример законодательном акте нет упоминания черных списков и межведомственной системы согласованных дисциплинарных мер в отношении недобросовестных производителей и продавцов, однако в подзаконных нормативных актах, о которых речь пойдет ниже, такие механизмы предусмотрены и подробно регламентированы.

Сравнительно немногочисленные до сих пор законы КНР выступают своего рода «витриной» достижений социалистической рыночной экономики, так называемого «социализма с китайской спецификой». Во многом они имеют сигнальное предназначение, демонстрируя зарубежным партнерам и, прежде всего, условному «Западу», что Китай развивается в русле верховенства закона, а порядок, имеющий место в стране, основывается на праве, а не на насилии. Немногочисленные, в том числе уже поименованные, законы КНР по форме, да и по содержанию не сильно отличаются от законодательных актов, принимаемых в Российской Федерации, Германии, Франции, Великобритании и других странах. Подзаконные акты КНР, напротив, имеют заметные отличия от подзаконных нормативных актов, принимаемых в большинстве других стран. Именно на их основе осуществляется текущее регулирование социальных процессов, управление страной. В последние годы среди них появляется все больше актов, положения которых так или иначе затрагивают процесс разработки и внедрения механизмов ССК.

Положения, касающиеся построения ССК и применения отдельных составляющих ее механизмов, содержатся в ряде нормативных правовых актов, различающихся между собой по форме и правотворческим субъектам. Центральное место среди этих нормативных актов занимают руководящие заключения Государственного Совета КНР (правительства Китая) и его Канцелярии (Секретариата): они содержат наиболее подробные указания относительно выстраивания социально-кредитных механизмов. Немалую роль играют ведомственные нормативные правовые акты, принимаемые отдельными отраслевыми министерствами и государственными комитетами в рамках осуществления деятельности по управлению соответствующими секторами народного хозяйства. Среди этих актов выделяются уведомления Народного Банка Китая, содержащие зачастую предписания индивидуального характера. Отдельную категорию нормативных актов составляют нормативные постановления Верховного народного суда КНР.

Юрист, обратившийся к нормативным документам, посвященным внедрению механизмов ССК, должен быть готов к тому, что стиль их изложения и используемая в них лексика достаточно специфичны. Многие нормативные правовые акты содержат отсылки к идеологическим доктринам, официально принятым партийно-государственным руководством КНР, что объясняется особенностями государственного строя современного Китая. Отсюда же следует и объяснение вышеупомянутой декларативности содержащихся в китайском законодательстве правоположений, отсюда же – и объяснение специфичности лексики, которая особенно заметна в документах, посвященных ССК. Китайские правотворцы оперируют категориями морального плана, такими как «доверие» (守信 *shouxin*), «честность» (诚信 *chengxin*), «бесчестие» (失信 *shixin*). Мы, россияне, привыкли видеть эти категории за рамками юридической терминологии, но в китайских источниках им придается отчетливо юридическое звучание. Причины такого положения дел, очевидно, лежат в особенностях исторического развития Китая и присущей этой стране правовой идеологии.

Своеобразие лексики, использующейся в нормативно-правовых актах, посвященных ССК, вызывает определенные трудности при переводе некоторых морально окрашенных терминов. Так, нормативные документы, о характеристике которых пойдет речь далее, характеризуют субъектов регулируемых отношений как «бесчестных» (失信人 *shixin ren*), «подрывающих доверие» (失信被执行人 *shixin bei zhixing ren*) и т. д.

Рассмотрим несколько уровней нормативного регулирования построения и функционирования ССК.

1.1.3.1. Программно-политические документы

Исходным документом, в котором впервые употребляется словосочетание «система социального доверия», очевидно, является уже упомянутый выше доклад Цзян Цзэминя на XVI съезде КПК от 8 ноября 2002 года[1]. Никакой конкретизации того, что понимается под «системой социального доверия», в докладе не содержится, а потому его

[1] Full text of Jiang Zemin's report at the 16th Party congress. URL: http://www.china.org.cn/english/2002/Nov/49107.htm.

вряд ли можно расценивать в качестве полноценного документа, подводящего нормативную основу под разработку и внедрение ССК. Будучи программно-политическим документом, доклад от 8 ноября 2002 года ценен, скорее, как памятник тем условиям и социально-экономическим предпосылкам, в которых созрела идея построения ССК.

Еще одним документом, предваряющим начало непосредственного процесса создания и внедрения механизмов ССК, является XI пятилетний план социального развития, утвержденный Всекитайским собранием народных представителей 14 марта 2006 года. В параграфе 3 главы 34 части 8 Плана обозначены задачи: противодействовать незаконной предпринимательской деятельности, усилить контроль за поведением участников рынка, «ускорить создание системы социального кредита и усовершенствовать систему наказаний за нарушение обязательств»[1]. Особый акцент в документе сделан на осуществлении надзора за выполнением гражданами и организациями налоговых и кредитных обязательств, обеспечением качества производимой продукции.

В конкретно-непосредственной форме цель построения ССК была впервые официально заявлена в «Некоторых заключениях Канцелярии Государственного Совета КНР относительно построения системы социального кредита»[2], утвержденных 23 марта 2007 года. Данный акт заложил нормативную базу для разработки и внедрения ССК, является одним из наиболее значимых в данном вопросе, в связи с чем представляется целесообразной подробная характеристика его положений.

Заключения подтвердили, что «строительство системы социального кредита выступает в качестве объективного требования развития <…> социалистической рыночной экономической системы, а также фундаментальной стратегии регулирования и нормализации рыночного хозяйственного уклада». Отдельный раздел Заключений посвящен

---

[1] 社会发展第十一个五年规划纲要 [Shehui fazhan di shiyi ge wu nian guihua gangyao] (План одиннадцатой пятилетки социального развития) // URL: http://www.gov.cn/gongbao/content/2006/content_268766.htm.

[2] 国务院办公厅关于社会信用体系建设的若干意见 [Guowuyuan bang ong ting guanyu shehui xinyong tixi jianshe de ruogan yijian] (Некоторые заключения Канцелярии Государственного Совета КНР относительно построения системы социального кредита) // URL: http://www.gov.cn/zwgk/2007-04/02/content_569314.htm.

идеологическим основам, целям и принципам строительства ССК. Так, в качестве основных идеологических ориентиров, учитываемых правительством КНР при построении ССК, названы теория Дэн Сяопина и концепция «трех представительств»[1]. Согласно Заключениям, разработка ССК должна базироваться на следующих отправных принципах: всеобъемлющем планировании, необходимости стимулирования рынка, совершенствовании законодательного регулирования, строгом надзоре и обеспечении безопасности.

Среди основных задач, которые должны быть решены в процессе создания ССК и которые позволяют лучше понять цели правительства КНР, в документе перечислены: создание системы учета исполнения договоров, усовершенствование базы данных налогоплательщиков, создание системы учета налоговых правонарушений и случаев мошенничества со стороны индивидов и организаций, усовершенствование системы контроля качества производимых товаров. В документе подчеркивается необходимость использования зарубежного опыта в части, касающейся совершенствования системы контроля за исполнением гражданами и организациями своих налоговых, кредитных и иных договорных обязательств, обеспечением качества производимой и реализуемой продукции.

В качестве первоочередных направлений строительства ССК Заключения Канцелярии Госсовета КНР определяют укрепление доверия в отдельных секторах экономики, а также выстраивание системы обмена финансово-кредитной информацией о лицах, пользующихся банковскими, страховыми и тому подобными услугами (т. е. той самой системы, которая позднее станет известна как *«национальная платформа обмена кредитной информацией»*). Как следует из нормативного акта, укрепление доверия участников рынка друг к другу должно реализовываться посредством формирования списков организаций и индивидов, уклоняющихся от исполнения своих налоговых и договорных обязательств, через развитие института экспертизы заключаемых договоров, включение в механизмы ССК электронной системы оценки и маркировки качества продукции «Золотое качество» (金质), учет в рамках механизмов ССК данных из системы налогового учета «Золо-

[1] См.: *Mohanty M.* Three represents: ideology of the fourth generation // China Report. 2003. Vol. 39. № 2. P. 237–245.

тое налогообложение» (金税) и системы электронного таможенного декларирования «Золотая таможня» (金关).

18 октября 2011 года было принято Решение Центрального комитета КПК по основным вопросам, касающимся углубления реформы культурной системы и содействия великому развитию и процветанию социалистической культуры[1]. Оно не предусматривает конкретных мероприятий по внедрению механизмов ССК, а носит в большей степени морально-политический характер. Пункт 3.4 данного решения достаточно примечателен для того, чтобы его процитировать:

> *«Нам необходимо уделять особое внимание укреплению честности; приложить все возможные усилия для повышения честности в правительственных делах, бизнесе и обществе, а также в судопроизводстве; незамедлительно создать надежную кредитно-рейтинговую систему, охватывающую все общество; усилить наказание за нарушение обязательств; и развивать в обществе атмосферу, в которой выполнение обязательств почетно, а нарушение обязательств – позорно».*

1.1.3.2. Важнейшие правительственные акты, предусматривающие выстраивание основных элементов ССК

Одним из наиболее значимых документов для внедрения ССК в государственное управление КНР, наряду с некоторыми заключениями Канцелярии Госсовета КНР 2007 года, является утвержденный постановлением Госсовета КНР от 14 июня 2014 года № 21 План построения системы социального кредита на 2014–2020 годы[2]. Данный документ

---

[1] 中共中央关于深化文化体制改革推动社会主义文化大发展大繁荣若干重大问题的决定, 2011 年 10 月 18 日 [Zhonggong zhongyang guanyu shenhua wenhua tizhi gaige tuidong shehui zhuyi wenhua da fazhan da fanrong ruogan zhongda wenti de jueding] (Решение Центрального комитета КПК по основным вопросам, касающимся углубления реформы культурной системы и содействия великому развитию и процветанию социалистической культуры) // URL: http://www.gov.cn/jrzg/2011-10/25/content_1978202.htm.

[2] Planning Outline for the Construction of a Social Credit System (2014–2020) // China Copyright and Media. URL: https://chinacopyrightandmedia.wordpress.com/2014/06/14/planning-outline-for-the-construction-of-a-social-credit-system-2014-2020/.

оформил правовые основы мероприятий по разработке и внедрению механизмов ССК до 2020 года включительно. Несмотря на то, что уже миновал 2020 год, который должен был подвести определенную черту под процессом создания ССК, в базе данных китайского законодательства, поддерживаемой Центром правовой информации при Пекинском университете, План по-прежнему значится как действующий нормативный правовой акт[1]. Учитывая значимость содержащихся в нем положений, вероятно, что в среднесрочной перспективе он будет сохранять актуальность и юридическую силу.

Согласно Плану, основными задачами построения ССК до 2020 года являлись создание необходимой нормативной базы (в том числе усовершенствование стандартов оказания финансовых услуг), завершение создания национальной системы обмена кредитной информацией об участниках рыночных отношений и системы кредитного надзора, запуск в полную силу механизмов поощрения вызывающего доверие поведения и наказания за недобросовестное поведение.

Особое внимание в Плане отведено укреплению «доверия» в государственно-служебных отношениях. Подчеркивается, что государственное управление должно осуществляться с опорой на закон, причем в условиях КНР, руководство которой в течение длительного времени пренебрежительно относилось к следованию законодательным нормам[2], данное требование не кажется избыточным или очевидным.

> *«Народные правительства на всех уровнях должны прежде всего укрепить свою собственную честность…»,*

– гласит абзац 3 пункта 2.1 анализируемого документа.

В практической плоскости данные максимы выразились в требовании включить показатели качества оказания государственных услуг и исполнения государственными органами заключенных ими контрактов в систему оценки их деятельности, усовершенствовать систему формирования государственной статистики в согласии с законодатель-

---

[1] См.: URL: https://www.pkulaw.com/chl/c9f72207d490d26fbdfb.html. По состоянию на 06.10.2022 в поле «действие во времени» (时效性) указано «现行有效» («в настоящее время действует»).

[2] *Трощинский П.В.* Эволюция правовой системы Китайской Народной Республики (1949–2018): историко-правовой аспект. М.: Издательский дом ВКН, 2018. С. 45–62.

ными нормами и на основе соответствующих стандартов, усилить контроль за соблюдением норм законодательства при осуществлении государственных закупок. В целях укрепления конкурентной рыночной экономики местным администрациям было воспрещено принимать на подведомственных территориях протекционистские меры: злоупотреблять административными полномочиями для закрытия рынков, а также попустительствовать нарушениям законодательства при осуществлении экономической деятельности. Нововведением стало включение в личные дела государственных служащих КНР показателей их «добросовестности», т. е., по сути, создание *досье добросовестности каждого китайского чиновника*.

В области регулирования коммерческой деятельности План уделил повышенное внимание обеспечению безопасности производимых товаров. Документ, в частности, содержит положения, касающиеся создания механизмов межведомственного обмена информацией о налогоплательщиках. Предусмотрено создание системы рейтинговой оценки налогоплательщиков с последующим учетом рейтинговых показателей субъектов хозяйственной деятельности при предоставлении им кредитов финансовыми учреждениями.

Отдельные положения Плана на 2014–2020 годы предусматривают ужесточение требований к деятельности и морально-деловым качествам нотариусов, юристов, бухгалтеров, аудиторов, лиц, оказывающих брокерские и консалтинговые услуги, и др. Часть положений затрагивает вопросы регулирования рекламного бизнеса и борьбы с недобросовестной рекламой.

План на 2014–2020 годы закрепил идею пропагандировать предприятия, являющиеся «образцами честности», и распространять сведения о примерах подрывающей доверие деятельности. Компетентным ведомствам предписано стимулировать предприятия к использованию механизмов оценки клиентов в целях снижения кредитных и иных рисков.

Обширный раздел Плана содержит положения о мерах по повышению «доверия» в здравоохранении (включая вопросы контроля рождаемости), образовании, культуре и т. д. Предусмотрено повышение профессиональных требований, предъявляемых к медицинским работникам, и стандартов качества оказания медицинских услуг, меры по борьбе со взяточничеством в системе здравоохранения. Не остались

без внимания также вопросы регулирования трудовых отношений, соблюдения предприятиями природоохранного законодательства.

Принципиально важными новеллами анализируемого правительственного акта являются положения, предусмотревшие внедрение механизмов оценки поведения физических лиц в общественной и экономической жизни. План провозгласил курс на создание *государственного хранилища информации о населении страны* (国家人口信息资源库), а также формирование социально-кредитных досье на госслужащих, юристов, руководителей предприятий, учителей, врачей, ученых, туристических гидов, а также представителей иных профессий.

Отдельно сформулированы положения об «обеспечении честности в сети Интернет» (网络诚信). Так, зафиксирована идея предоставлять возможность пользования ресурсами всемирной сети только после регистрации под настоящим именем. Предусмотрены учреждение системы онлайн-оценки поведения пользователей в сети, формирование черных списков, а также создание системы принудительных мер в отношении тех пользователей сети, которые используют ее для совершения мошеннических операций, распространения слухов и клеветы.

План построения ССК на 2014–2020 годы предусмотрел также создание на муниципальном уровне *единообразных баз данных о поведении субъектов в различных отраслях экономики и в повседневной жизни*, с последующим предоставлением доступа к соответствующим сведениям через национальную систему обмена кредитной информацией. Был предусмотрен также запуск трех специальных государственных проектов, тесно связанных с построением ССК: повышение информационной прозрачности деятельности правительственных учреждений; система социального кредита для жителей сельской местности; система кредитной оценки для малых и средних предприятий.

Немаловажным моментом, отражающим характер правовой среды, формирующейся благодаря внедрению ССК, является содержащееся в анализируемом документе требование поощрять доносительство на факты «подрывающего доверие» поведения, предусмотреть вознаграждение сообщивших о таких фактах лиц, защиту их законных прав и интересов (абзац 3 пункта 5.1 Плана).

Заметно, что План, при всей комплексности его содержания, состоит из достаточно общих, абстрактных положений, сформулированных в повелительном наклонении как требования к государственным

органам КНР (можно добавить, что такой способ формулирования правовых предписаний вообще свойственен актам китайского правительства и правящей КПК). «Постройте», «усильте», «создайте», «усовершенствуйте», «ускорьте» – типичные формулировки подзаконных предписаний государственных и партийных нормативных актов. Очевидно, что значительный объем конкретных положений, развивающих положения таких актов, должен содержаться в правовых актах нижестоящих ведомств и территориальных (местных) органов власти. План построения ССК на 2014–2020 годы подтверждает следование этому подходу: в пункте 6.1 данного документа предусмотрено образование рабочих групп по реализации положений Плана на местах и в отдельных государственных органах КНР, которым, в свою очередь, предписывается выработать конкретные планы осуществления предусмотренных единым Планом задач.

В журналистских публикациях, посвященных ССК, авторы нередко пытаются связать данный феномен с использованием новейших технологий, в частности, технологии анализа больших данных (Big Data) и наружного наблюдения с функцией распознавания лиц[1]. Исследователи, более глубоко погруженные в проблематику, опровергают высокотехнологичный характер ССК, отмечая, что в настоящее время «большая часть новой информации не собирается посредством передовых облачных технологий искусственного интеллекта, а вводится вручную или с помощью таблиц Excel»[2]. Тем не менее, связь между ССК и технологией Big Data существует. 24 июня 2015 года были утверждены некоторые заключения Канцелярии Государственного Совета КНР об использовании технологии Big Data для улучшения услуг и усиления надзора за участниками рынка (постановление № 51). Данным документом провозглашается ориентация к использованию техно-

---

[1] См., например: *Campbell C.* How China is using «social credit scores» to reward and punish its citizens // Time. Davos-2019. URL: https://time.com/collection/davos-2019/5502592/china-social-credit-score/; *Cooper D.* Experts urge EU to ban AI-designed social credit ranking systems // Engadget. June 27, 2019. URL: https://www.engadget.com/2019-06-27-eu-ai-report.html; The ethics of big data: China's Social Credit System // Geeksme. Nov. 27, 2018. URL: https://medium.com/@geeksme/the-ethics-of-big-data-chinas-social-credit-system-c77b72949771.

[2] Understanding China's Social Credit System // Trivium China. URL: http://socialcredit.triviumchina.com/wp-content/uploads/2019/09/Understanding-Chinas-Social-Credit-System-Trivium-China-20190923.pdf. P. 49.

логии Big Data при оказании государственных услуг и осуществлении надзорных функций в отношении рыночных акторов. Особо отмечается необходимость внедрения данной технологии при строительстве ССК. Согласно документу, на основе анализа больших массивов данных должна формироваться национальная платформа обмена кредитной информацией, строиться межведомственное и межрегиональное взаимодействие государственных органов в рамках реализации политики согласованных поощрений и наказаний[1]. Наиболее любопытным является пункт 3.4 данного документа, в котором содержится требование «ускорить создание единой системы социально-кредитных кодов для граждан, юридических лиц и иных образований». Принципы и основные мероприятия по созданию самой этой системы социально-кредитных кодов закреплены в Генеральном плане Государственного комитета по развитию и реформам, утвержденном постановлением Госсовета № 33 от 11 июня 2015 года[2].

Одним из ключевых документов в рамках внедрения ССК являются Руководящие заключения о создании и совершенствовании системы объединенных стимулов за сохранение верности и объединенных наказаний за утрату доверия, а также об ускорении развития социального кредита, утвержденные постановлением Госсовета КНР № 33 от 30 мая

---

[1] 国务院办公厅关于运用大数据加强对市场主体服务和监管的若干意见 [Guowuyuan bangong ting guanyu yunyong da shuju jiaqiang dui shichang zhuti fuwu he jianguan de ruogan yijian] (Некоторые заключения Канцелярии Государственного Совета КНР об использовании технологии Big Data для улучшения услуг и усиления надзора за участниками рынка) // URL: http://www.gov.cn/zhengce/content/2015-07/01/content_9994.htm.

[2] 国务院关于批转发展改革委等部门法人和其他组织统一社会信用代码制度建设总体方案的通知 [Guowuyuan guanyu pi zhuan fazhan gaige wei deng bumen faren he qita zuzhi tongyi shehui xinyong daima zhidu jianshe zongti fang'an de tongzhi] (Уведомление Государственного Совета КНР об утверждении и направлении Генерального плана Государственного комитета по развитию и реформам и иных ведомств, посвящЕнного созданию единой системы социально-кредитных кодов для юридических лиц и иных организаций) // URL: http://www.gov.cn/zhengce/content/2015-06/17/content_9858.htm. Перевод на английский язык: Notice of the State Council on Approving and Forwarding the General Plan of the National Development and Reform Commission and Other Departments on the Development of a Unified Social Credit Code System for Legal Persons and Other Organizations, June 11, 2015) // URL: https://pkulaw.com/en_law/ab893453ea75349cbdfb.html;

2016 года[1]. Данный документ подробно описывает механизм функционирования *объединенной системы поощрений и наказаний*, составляющей один из ключевых элементов современной китайской ССК.

Руководящие заключения перечисляют принципы, на которых строится дисциплинарно-стимулирующая политика ССК. К таковым относятся:

- поощрение «вызывающего доверие» поведения (诚信) и наказание «бесчестности» (失信);
- сотрудничество между ведомствами и предприятиями в вопросах обмена информацией и применения согласованных мер для поощрения добропорядочных и наказания «утративших доверие» лиц;
- законность, т. е. соответствие принимаемых мер предписаниям действующего законодательства;
- выделение приоритетов в реагировании на «подрывающее доверие» поведение, а также повышенное внимание к актам, представляющим угрозу публичным интересам и общественной безопасности.

Из важных нововведений, предусмотренных анализируемым нормативным актом, следует назвать: введение *политики «зеленого коридора»* (т. е. упрощенного порядка получения лицензий, включая возможность донести временно отсутствующие документы без необходимости повторно обращаться в лицензирующий орган) для образцовых предприятий и организаций, не имеющих плохих социально-кредитных записей в течение трех последних лет; возможность предоставления налоговой рассрочки и упрощенное получение кредита для компаний с хорошей репутацией; преимущества для индивидов с хорошей репутацией в сфере образования, трудоустройства, предпринимательской деятельности и т. д.

Именно Руководящие заключения Госсовета КНР от 30 мая 2016 года предусмотрели введение *системы объединенных наказаний*

---

[1] 国务院关于建立完善守信联合激励和失信联合惩戒制度加快推进社会诚信建设的指导意见 国发 [Guowuyuan guanyu jianli wanshan shouxin lianhe jili he shixin lianhe chengjie zhidu jiakuai tuijin shehui chengxin jianshe de zhidao yijian guo fa] (Руководящие заключения Государственного Совета относительно создания и усовершенствования системы объединённых стимулов за сохранение верности и объединённых наказаний за утрату доверия, а также ускорения развития социального кредита) // URL: http://www.gov.cn/zhengce/content/2016-06/12/content_5081222.htm.

за деяния, «подрывающие доверие» в той или иной области общественной жизни и народного хозяйства.

Принципиально важно, что Руководящие заключения (пункт 3.14) указывают на необходимую связь между поведением субъекта и записями в его «социально-кредитной» истории:

> *«Подрывающие доверие действия предприятий и учреждений должны быть отражены в кредитных записях [таких] предприятий и учреждений, и в то же время – в личных кредитных записях их законных представителей, ответственных руководителей и иных непосредственно ответственных лиц. В то время как объединенное наказание налагается на утратившие доверие предприятия и учреждения, соответствующие штрафные меры следует применять в отношении релевантных лиц, в соответствии с положениями законодательства».*

В отношении граждан, «утративших доверие» в связи со злонамеренным уклонением от исполнения обязательств, в соответствии с Руководящими заключениями могут быть введены ограничения на потребление предметов роскоши. Ограничения могут коснуться выезда за рубеж, приобретения недвижимого имущества, авиабилетов и билетов на высокоскоростные поезда, возможности заселения в отели, имеющие звездный рейтинг.

Особенностью китайской практики пресечения правонарушающего поведения и воспитания в гражданах должного правосознания является то, что государство в этой деятельности открыто опирается на общественные организации.

> *«Общественным организациям всех типов нужно позволить играть свою роль [в борьбе с незаслуживающим доверия поведением]. Должна быть сформирована и усовершенствована система информирования о подрывающих доверие действиях; необходимо поддерживать общественность в информировании о предприятиях, серьезно утративших доверие, а сведения об информантах должны сохранять строго конфиденциальный характер».*

– говорится в п. III.13 Руководящих заключений. Нетрудно заметить, что данное положение перекликается с упоминавшимися выше положениями пункта 5.1 Плана строительства ССК на 2014–2020 годы.

Важной частью Руководящих заключений являются положения, предусматривающие механизм обратной связи для системы объединенных наказаний, а также закрепляющие *принцип ответственности государственных ведомств за принимаемые ими решения о применении поощрительных и штрафных мер* в рамках данной системы. Такого рода нормы направлены на недопущение произвола со стороны отдельных ведомств и должностных лиц в отношении индивидов и частных организаций.

Анализируемым нормативным актом предусмотрены и механизмы раскрытия информации. Согласно документу, административные и судебные органы, уполномоченные принимать решения о применении к гражданам и организациям штрафных мер по причине «утраты доверия», обязаны своевременно предоставлять необходимую информацию об этих лицах для размещения на сайте «Credit China». Документ также содержит положения, касающиеся развития национальной платформы обмена кредитной информацией на базе ресурсов *внутренней сети электронного правительства* (家电子政务外网 *jia dianzi zhengwu wai wang*). Согласно Руководящим заключениям Госсовета КНР, администрации всех уровней обязаны использовать в своей работе данные национальной платформы обмена кредитной информацией, в том числе при проведении проверок и утверждении проектов, с целью реализации дифференцированного подхода к законопослушным и «утратившим доверие» лицам (пункт 4.18).

Еще одним нормативным актом, который можно отнести к разряду первоочередных в контексте внедрения ССК в государственное управления, являются Заключения Генерального секретариата ЦК КПК и Канцелярии Госсовета КНР об ускорении развития кредитного надзора, системы предупреждения и наказания недобросовестных лиц, подлежащих мерам принуждения, утвержденные 25 сентября 2016 года[1]. Заключения провозгласили курс на ужесточение дисциплинарных мер в отношении «подрывающих доверие» лиц, и именно в данном

[1] 关于加快推进失信被执行人信用监督、警示和惩戒机制建设的意见 [Guanyu jiakuai tuijin shixin bei zhixing ren xinyong jiandu, jingshi he chengjie jizhi jianshe de yijian] (Заключения об ускорении развития кредитного надзора, системы предупреждения и наказания недобросовестных лиц, подлежащих мерам принуждения) // URL: http://www.gov.cn/zhengce/2016-09/25/content_5111921.htm.

документе нашел закрепление один из наиболее фундаментальных принципов, лежащих в основе ССК:

> *«…те, кто утратил доверие в одной области отношений, будут ограничены везде».*

Заключения 2016 года предусмотрели новые правоограничительные меры для недобросовестных лиц: ограничения, связанные с созданием компаний финансового сектора, акционерных компаний, инвестиционных фондов, владением долями в них; ограничения на выпуск облигаций и акций; запрет на учреждение общественных организаций, на участие в государственных инвестиционных программах, на получение государственной помощи и субсидий, и т. д. В отношении «подрывающих доверие» граждан были установлены запреты на занятие руководящих должностей в государственных предприятиях, прохождение государственной службы, вступление в Компартию и участие в партийных мероприятиях в качестве делегатов. Ограничения для недобросовестных индивидов, предусмотренные нормативным актом, затрагивают также возможность работы в системе здравоохранения, в производстве продуктов питания, строительной отрасли и операциях с недвижимостью. Еще раз, но более подробно, описаны налагаемые на утративших доверие граждан ограничения, связанные с потреблением предметов роскоши. Так, в частности, особо оговорен запрет для таких лиц занимать мягкие спальные места в поездах, приобретать билеты на скоростные поезда G-класса, занимать места в бизнес-классе других скоростных поездов, путешествовать на самолете, приобретать заграничные туристические путевки, устраивать детей в платные частные школы, приобретать дорогостоящую мебель и роскошные автомобили. Детально раскрывается порядок исключения из черных списков лиц, исполнивших свои обязательства (пункт IV.2.4):

> *«Если недобросовестное лицо, подлежащее принуждению к выполнению обязательств, исполнило все обязательства, определенные действующими правовыми актами, либо заключило мировое соглашение с лицом, подавшим заявление на принудительное исполнение, либо если принудительное исполнение было прекращено в соответствии с законом, народному суду надлежит в течение трех дней заблокировать или удалить информацию о данном лице, содержащуюся в списке недобросовестных лиц».*

1.1.3.3. Правительственные акты, принятые в рамках текущей работы по внедрению ССК в публичное управление

Руководящие заключения Государственного Совета об укреплении добропорядочности в государственных делах от 22 декабря 2016 года (№ 76)[1] призвали государственные органы КНР направить усилия на совершенствование системы надзора и контроля за деятельностью отдельных звеньев госаппарата, включающей горизонтальный контроль со стороны институтов народного представительства; особое внимание предложено уделить морально-этической подготовке госслужащих.

Руководящие заключения Канцелярии Государственного Совета об усилении деятельности по строительству системы персонального кредита, № 98 от 23 декабря 2016 года[2], в развитие предшествующих нормативных актов предусмотрели интеграцию биометрических данных о физических лицах в единую систему социально-кредитных кодов. Ряд положений документа касается усовершенствования системы сбора данных о соблюдении гражданами норм законодательства о безопасности труда, противопожарной и транспортной безопасности, налогового законодательства, законодательства о здравоохранении, об интеллектуальной собственности, электронной торговле и пр.

Уведомление Канцелярии Государственного комитета по развитию и реформам о максимизации роли кредитных институтов и ускорении строительства системы социального кредита, № 190 от 2 февраля 2018 года[3] посвящено роли финансово-кредитных учреждений в

---

[1] 国务院关于加强政务诚信建设的指导意见 [Guowuyuan guanyu jiaqiang zhengwu chengxin jianshe de zhidao yijian] (Руководящие заключения Государственного Совета об укреплении добропорядочности в государственных делах) // URL: http://www.gov.cn/zhengce/content/2016-12/30/content_5154820.htm.

[2] 国务院办公厅关于加强个人诚信体系建设的指导意见 [Guowuyuan bangong ting guanyu jiaqiang geren chengxin tixi jianshe de zhidao yijian] (Руководящие заключения Канцелярии Государственного Совета об усилении деятельности по строительству системы персонального кредита) // URL: http://www.gov.cn/zhengce/content/2016-12/30/content_5154830.htm.

[3] 国家发展改革委办公厅关于充分发挥信用服务机构作用加快推进社会信用体系建设的通知 [Guojia fazhan gaige wei bangong ting guanyu chongfen fahui xinyong fuwu jigou zuoyong jiakuai tuijin shehui xinyong tixi jianshe de tongzhi] (Уведомление Канцелярии Государственного комитета по развитию и реформам о максимизации роли кредитных институтов и ускорении строительства

сборе информации о деятельности хозяйствующих субъектов. Документ предписывает финансово-кредитным учреждениям КНР делиться данными о кредитоспособности и финансовом положении своих клиентов через национальную платформу обмена кредитной информацией. Согласно Уведомлению, такого рода учреждениям может быть поручено ведение красных и черных списков в соответствии с нормативно-правовыми актами соответствующих ведомств.

Руководящие заключения Канцелярии Государственного Совета об ускорении строительства системы социального кредита и создании нового, основанного на кредите, механизма надзора, (№ 35 от 9 июля 2019 года)[1] содержат положения, направленные на усовершенствование механизмов предварительного надзора, основанного на данных социально-кредитной истории, при осуществлении контрольно-надзорной и разрешительной деятельности органов публичной власти. В нормативном акте предусмотрены меры по совершенствование механизмов сбора данных об участниках рынка, предусмотрено установление зависимости между частотой проведения проверок хозяйствующих субъектов и их кредитным рейтингом[2] (пункт 3.7: чем выше рейтинг, тем реже провер-

---

системы социального кредита) // URL: http://www.gov.cn/xinwen/2018-03/05/content_5270947.htm.

[1] 国务院办公厅关于加快推进社会信用体系建设构建以信用为基础的新型监管机制的指导意见 [Guowuyuan bangong ting guanyu jiakuai tuijin shehui xinyong tixi jianshe goujian yi xinyong wei jichu de xinxing jianguan jizhi de zhidao yijian] (Руководящие заключения Канцелярии Государственного Совета об ускорении строительства системы социального кредита и создании нового, основанного на кредите механизма надзора) // URL: http://www.gov.cn/zhengce/content/2019-07/16/content_5410120.htm.

[2] В тексте нормативного акта используются понятия «кредитный рейтинг» (信用评级), «кредитный уровень» (信用等级): речь, очевидно, идет прежде всего о показателях платёжеспособности и истории исполнения хозяйствующим субъектом своих обязанностей по долговым обязательствам. В то же время, как можно судить из описанного выше облика китайской ССК, в китайском управленческом дискурсе *кредит*, даже когда речь идет о его финансово-экономическом понимании, зачастую означает больше, чем просто способность отвечать по своим долгам. «Кредитный рейтинг», очевидно, в данном случае следует понимать и как рейтинг доверия потребителей к производителю / поставщику товаров и услуг, и как аккуратность уплаты хозяйствующим субъектов налогов и обязательных сборов, и как то или иное состояние финансовой дисциплины предприятия в целом.

ки, и наоборот – чем ниже рейтинг и выше социальные риски, исходящие от субъекта, тем чаще и глубже должны проводиться проверочные мероприятия); вводится практика направления официальных государственных предупреждений и проведения предостерегающих собеседований с недобросовестными субъектами; указано на необходимость использования технологии Big Data, искусственного интеллекта и проекта «Интернет плюс»[1] в контрольно-надзорной деятельности.

Еще один нормативный акт китайского правительства, Уведомление Государственного Совета № 27 от 13 апреля 2017 года об утверждении и направлении Заключений Государственного комитета по развитию и реформам о магистральной работе по углублению реформы экономической системы в 2017 году[2], характеризует ССК, а также составляющие ее национальную платформа обмена кредитной информации и систему объединенных поощрений и наказаний в качестве значимых инструментов проведения экономических реформ в КНР.

1.1.3.4. Ведомственные акты

Тогда как акты Госсовета КНР задают общие направления работы по внедрению и совершенствованию ССК, выработка социально-кредитных механизмов применительно к отдельным областям общественной жизни, отдельным секторам экономики регулируется на уровне нормативных актов отдельных государственных ведомств.

---

[1] «Интернет плюс» – правительственная программа цифровизации различных отраслей китайской экономики (обновления технологий производства, оказания услуг и осуществления управления посредством внедрения облачных вычислений, Интернета вещей, развития мобильных приложений), направленная на стимулирование экономического роста. См.: *Lee S., Kim H., Kim J., Choi J.* China's Internet Plus strategy: Characteristics and regional case study // World Economy Brief. 2019. Vol. 9. № 23. URL: https://www.think-asia.org/bitstream/handle/11540/11387/WEB19-23.pdf?sequence=1.

[2] 国务院批转国家发展改革委关于 2017 年深化经济体制改革重点工作意见的通知 [Guowuyuan pi zhuan guojia fazhan gaige wei guanyu 2017 nian shenhua jingji tizhi gaige zhongdian gongzuo yijian de tongzhi] (Уведомление Государственного Совета об утверждении и направлении Заключений Государственного комитета по развитию и реформам о магистральной работе по углублению реформы экономической системы в 2017 году) // URL: http://www.gov.cn/zhengce/content/2017-04/18/content_5186856.htm.

Ведомственные нормативные акты, в том числе относящиеся к внедрению ССК, весьма многочисленны, поэтому здесь я ограничусь перечислением лишь некоторых из них:

- Уведомление Министерства финансов КНР от 1 августа 2016 года № 125 о вопросах, касающихся проверки и использования кредитных записей при проведении государственных закупок[1];
- Уведомление Министерства трудовых ресурсов и социального обеспечения № 16 от 25 сентября 2017 года об издании Временных мер по ведению черного списка лиц, не исполняющих обязательств по оплате труда трудовых мигрантов[2];
- Совместно утвержденные Госкомитетом по развитию и реформам, Государственным налоговым управлением и другими ведомствами Заключения о надлежащем ограничении использования железнодорожного транспорта отдельными особо недобросовестными лицами на соответствующий период в целях содействия построению системы социального кредита, № 384 от 2 марта 2018 года[3]: документ предусмотрел ряд ограничений по использованию поездов лицами, совершившими правонарушения на железнодорожном транспорте, а также гражданами, не исполняющими судебные

---

[1] 财政部关于在政府采购活动中查询及使用信用记录有关问题的通知 [Caizheng bu guanyu zai zhengfu caigou huodong zhong chaxun ji shiyong xinyong jilu youguan wenti de tongzhi] (Уведомление Министерства финансов о вопросах, касающихся проверки и использования кредитных записей при проведении государственных закупок) // URL: http://www.ccgp.gov.cn/zcfg/mof/201608/t20160811_7169275.htm.

[2] 人力资源社会保障部关于印发《拖欠农民工工资“黑名单”管理暂行办法》的通知 [Renli ziyuan shehui baozhang bu guanyu yinfa «tuoqian nongmin gong gongzi «hei mingdan» guanli zhanxing banfa» de tongzhi] (Уведомление Министерства трудовых ресурсов и социального обеспечения об издании Временных мер по ведению черного списка лиц, не исполняющих обязательств по оплате труда трудовых мигрантов) // URL: http://www.mohrss.gov.cn/gkml/zcfg/gfxwj/201709/t20170930_278573.html.

[3]关于在一定期限内话当限制特定严重失信人 乘坐火车 推动社会信用体系建设的意见 [Guanyu zai yiding qixian nei shidang xianzhi teding yanzhong shixin ren chengzuo huoche tuidong shehui xinyong tixi jianshe de yijian] (Заключения о надлежащем ограничении использования железнодорожного транспорта отдельными особо недобросовестными лицами на соответствующий период в целях содействия построению системы социального кредита) // URL: https://www.ndrc.gov.cn/xxgk/zcfb/tz/201803/t20180316_962687.html.

решения, либо уличенными в иных «подрывающих доверие» поступках;

- Заключения о надлежащем ограничении использования самолетов гражданской авиации отдельными особо недобросовестными лицами на соответствующий период в целях содействия построению системы социального кредита, № 385 от 2 марта 2018 года[1]: аналогично вышеуказанному акту, документ предусмотрел запрет на продажу авиабилетов гражданам, совершившим правонарушения на авиационном транспорте, а также лицам, допустивших серьезные нарушения в иных областях, таких как налогообложение, финансовый менеджмент и общественная безопасность.

К ведомственным актам следует относить и *правовые акты Народного Банка Китая*. Российскому читателю это может показаться странным, однако Народный Банк Китая – орган, проводящий денежную политику и регулирующий деятельность финансовых институтов КНР – является ведомством, подчиненным Госсовету КНР, хотя и обладающим определенной самостоятельностью в регулировании денежно-кредитной системы[2]. В основном, правовые акты НБК носят индивидуально-правовой характер, однако некоторые из таких индивидуально-правовых актов имеют настолько важное значение в контексте развития ССК, что их нельзя обойти вниманием при анализе источниковой базы разработки и внедрения механизмов данной системы. Так, Уведомление НБК от 5 января 2015 года о завершении подготовительной работы к ведению бизнеса в области предоставления персональных кредитных отчетов[3] содержит перечень из

---

[1] 关于在一定期限内话当限制特定严重失信人乘坐民用航空器 推动社会信用体系建设的意见 [Guanyu zai yiding qixian nei shidang xianzhi teding yanzhong shixin ren chengzuo minyong hangkongqi tuidong shehui xinyong tixi jianshe de yijian] (Заключения о надлежащем ограничении использования самолётов гражданской авиации отдельными особо недобросовестными лицами на соответствующий период в целях содействия построению системы социального кредита) // URL: http://www.chinatax.gov.cn/n810341/n810755/c3359637/content.html.

[2] *Chiu B., Lewis M.K.* Reforming China's state-owned enterprises and banks. Cheltenham & Northampton: Edward Elgar Publishing, 2006. P. 203.

[3] 人民银行印发《关于做好个人征信业务准备工作的通知》[*Renming yinhang yinfa «Guanyu zuo hao geren zheng xin yewu zhunbei gongzuo de tongzhi»*] (Народный банк Китая издал «Уведомление о завершении подготовительной работы к ведению бизнеса в области предоставления персональных кредитных отчётов) // URL: http://www.gov.cn/xinwen/2015-01/05/content_2800381.htm.

восьми коммерческих компаний (Sesame Credit Management, Tencent Credit Information и др. перечисленные в § 1.1.1), которым НБК предоставил право создания собственных пилотных проектов рейтингования граждан.

К значимым нормативным актам совместного правотворчества, в разработке которых НБК принимал непосредственное участие, относятся Руководящие заключения Государственного комитета по развитию и реформам и Народного Банка Китая об укреплении и регулировании деятельности по ведению перечня лиц, подлежащих совместному поощрению за добропорядочность, и перечня лиц, подлежащих объединенному наказанию за недобросовестность (№ 1798 от 30 октября 2017 года)[1]. Документ провозгласил необходимость постоянной дифференциации, оценки, грейдирования поведения субъектов, результаты которых должны учитываться государственными органами и организациями в ходе применения согласованных поощрительных и дисциплинарных мер. В нем установлено, что за недобросовестное поведение, недостаточно грубое для того, чтобы стать основанием для включения лица в черный список, лицо может быть включено в *список ключевых целей, чья добросовестность подлежит пристальному рассмотрению* (诚诚信状况重点关注对象名单 *cheng chengxin zhuangkuang zhongdian guanzhu duixiang mingdan*).

1.1.3.5. Нормативные постановления Верховного народного суда КНР

Система распределения властных полномочий между различными государственными органами в КНР отличается от разделения властей, характерного для западных стран. Тем не менее, органы судебной власти достаточно четко выделяются на фоне остальных ведомств.

---

[1] 国家发展改革委、人民银行关于加强和规范守信联合激励和失信联合惩戒对象名单管理工作 的指导意见 [Guojia fazhan gaige wei, renming yinhang guanyu jiaqiang he guifan shouxin lianhe jili he shixin lianhe chengjie duixiang mingdan guanli gongzuo de zhidao yijian] (Руководящие заключения Государственного комитета по развитию и реформам и Народного Банка Китая об укреплении и регулировании деятельности по ведению перечня лиц, подлежащих совместному поощрению за добропорядочность, и перечня лиц, подлежащих объединённому наказанию за недобросовестность) // URL: https://www.ndrc.gov.cn/xxgk/zcfb/ghxwj/201711/t20171103_960925.html.

В контексте построения ССК немаловажное значение играют нормативные постановления высшей судебной инстанции Китая – Верховного народного суда КНР (далее – ВНС КНР). Хотя самостоятельно принятые нормативные акты ВНС КНР, касающиеся механизмов ССК, достаточно редки, и чаще упоминание ВНС КНР можно встретить в актах совместного правотворчества, примеры постановлений ВНС КНР, регламентирующие внедрение тех или иных социально-кредитных институтов, все же существуют. Одним из наиболее значимых постановлений ВНС КНР в этой области является акт с наименованием «Некоторые положения об опубликовании списка бесчестных лиц, подлежащих принудительным мерам» (постановление № 17 от 16 июля 2013 года)[1]. Данный акт ВНС КНР установил для китайских судов обязанность вести перечни лиц, злонамеренно не исполняющих судебные решения, и включать в эти перечни тех субъектов, которые «в состоянии исполнить свои законные обязательства, однако уклоняются от их исполнения». Согласно постановлению, соответствующие сведения должны вноситься народными судами в единую базу данных, за ведение которой отвечает ВНС КНР; данные о лицах, не исполняющих судебные решения, подлежат обнародованию.

1.1.3.6. Меморандумы о сотрудничестве в рамках объединенной системы поощрений и наказаний

Отдельную категорию источников правового института социального кредита в КНР составляют меморандумы о сотрудничестве в рамках принятия согласованных дисциплинарных и поощрительных мер к лицам, внесенным в соответствующие черные или красные списки. Стоит отметить, что подписантами таких меморандумов могут быть

[1] 最高人民法院关于公布失信被执行人名单信息的若干规定[Zuigao renmin fayuan guanyu gongbu shixin bei zhixing ren mingdan xinxi de ruogan guiding] (Некоторые положения Верховного народного суда об опубликовании списка бесчестных лиц, подлежащих принудительным мерам) // URL: https://www.creditchina.gov.cn/lianhejiangcheng/yzsxdxglzdhz/202201/t20220104_285444.html. Английский перевод: Several Provisions of the Supreme People's Court on Announcement of the List of Dishonest Persons subject to Enforcement. CLI.3.207020(EN) // URL: https://pkulaw.com/en_law/7c63221fbc205ce6bdfb.html.

как государственные органы, так и коммерческие компании (такие, например, как Alibaba Group).

К меморандумам о сотрудничестве в рамках системы объединенных поощрений и наказаний относятся, например:

- Меморандум № 141 от 20 января 2016 года о взаимопонимании в принятии совместных дисциплинарных мер в отношении недобросовестных лиц, подлежащих мерам принуждения: подписан Государственным комитетом по развитию и реформам, ВНС КНР, НБК, Верховной народной прокуратурой, Министерством образования, Министерством промышленности и информатизации, Министерством юстиции, Министерством финансов, Организационным отделом и Отделом пропаганды ЦК КПК, а также иными партийными и государственными органами[1];
- Меморандум № 1933 от 28 декабря 2018 года о сотрудничестве в области применения согласованных дисциплинарных мер в отношении участников рынка и соответствующего персонала, совершивших серьезные противозаконные и недобросовестные деяния в сфере культуры[2]: подписан Госкомитетом по развитию и реформам, НБК, Министерством культуры и туризма, Организационного отделом и Отделом пропаганды ЦК КПК, иными партийными и государственными органами;
- Значимым документом, стоящим в этом ряду, является Уведомление о принятии согласованных дисциплинарных мер в отношении недобросовестных лиц, участвующих в тендерах и аукционах, утвержденное 30 августа 2016 года ВНС КНР, Госкомитетом по развитию и реформам, Министерством промышленности и информатизации,

---

[1] 关于印发对失信被执行人实施联合惩戒的合作备忘录的通知 [Guanyu yinfa dui shixin bei zhixing ren shishi lianhe chengjie de hezuo beiwanglu de tongzhi] (Уведомление об издании меморандума о сотрудничестве в области применения совместных наказаний в отношении неблагонадёжных лиц) // URL: http://xy.hebei.gov.cn/lhcjjj/lhjcbwl/202002/P020200225607775222140.pdf.

[2] 关于对文化市场领域严重违法失信市场主体 及有关人员开展联合惩戒的合作备忘录 的通知 / Guanyu dui wenhua shichang lingyu yanzhong weifa shixin shichang zhuti ji youguan renyuan kaizhan lianhe chengjie de hezuo bei wang (Уведомление «Об издании Меморандума о сотрудничестве в области применения согласованных дисциплинарных мер в отношении участников рынка и соответствующего персонала, совершивших серьезные противозаконные и недобросовестные деяния в сфере культуры») // URL: https://www.ndrc.gov.cn/xxgk/zcfb/tz/201901/t20190109_962363.html.

Министерством жилья, городского и сельского строительства, Министерством транспорта, Министерством водных ресурсов, Министерством торговли, Государственным железнодорожным управлением и Управлением гражданской авиации Китая[1]. Принятие данного нормативного акта было направлено на борьбу с недобросовестными участниками публичных торгов. Документ предусмотрел ограничение допуска к организованным торгам нечистых на руку хозяйствующих субъектов, оценщиков, экспертов и иных лиц.

1.1.3.7. Нормативные акты региональных и местных органов власти

Китайская Народная Республика является сложно организованным унитарным государством, в состав которого входят провинции, автономные районы, города центрального подчинения и специальные административные районы. Данные региональные образования, в свою очередь, включают в себя автономные округа, уезды, города, волости и т. д.[2]

Органы государственной власти (так называемые «народные правительства») на местах также в пределах своих полномочий принимают нормативные правовые акты. Среди результатов такого нормотворчества на местах встречаются и акты, затрагивающие вопросы внедрения механизмов ССК. К таким нормативным актам относится, например, План мероприятий Пекина на 2018–2020 годы по дальнейшей оптимизации деловой среды, утвержденный Пекинским городским комитетом КПК и муниципальным народным правительством Пекина 18 июля 2018 года[3].

---

[1] 关于在招标投标活动中对失信被执行人实施联合惩戒的通知 [Guanyu zai zhaobiao toubiao huodong zhong dui shixin bei zhixing ren shishi lianhe chengjie de tongzhi] (Уведомление о принятии согласованных дисциплинарных мер в отношении недобросовестных лиц, участвующих в тендерах и аукционах, 30 августа 2016 г.) // URL: http://www.nra.gov.cn/jgzf/gcjg/gcjgjgyj/201609/t20160926_28211.shtml.

[2] См.: *Мочалов А.Н.* Национально-территориальное устройство Китайской Народной Республики: конституционная модель и ее истоки // Академический юридический журнал. 2016. № 3 (65). С. 54–62; *Cartier C., Hu D.* Administrative territory // Handbook of the Politics of China / ed. by D.S.G. Goodman. Cheltenham & Northampton: Edward Elgar Publishing, 2015. P. 151.

[3] 北京市进一步优化营商环境行动计划(2018 年–2020 年) [Beijing shi jinyibu youhua ying shang huanjing xingdong jihua (2018 nian-2020 nian)] (Пекинский

План затрагивает вопросы создания единой городской платформы обмена кредитной информацией, городской системы поощрений и наказаний, а также иные аспекты внедрения ССК в столице КНР.

***

Представленный выше беглый обзор нормативно-правовых оснований построения ССК в КНР дает представление о том, что «социальный кредит» имеет отчетливо юридический, а не только фактический (управленческий, финансово-экономический) характер. Положения нормативных правовых актов, касающиеся ССК и связанных с ней механизмов, формируют самостоятельный правовой институт, относящийся преимущественно к отрасли административного права.

Анализ документов, касающихся построения ССК, позволяет увидеть целенаправленный, постепенный процесс выстраивания дисциплинарных механизмов и подготовки необходимой для них инфраструктуры. В этом смысле, необходимо признать, что политика властей КНР реализуется с завидной последовательностью. Значительная часть положений нормативных актов, лежащих в основе функционирования ССК, предусматривает административные меры, во многом совпадающие с мерами, предусмотренными законодательствами других государств, в том числе России (меры о дисквалификации должностных лиц недобросовестных компаний, лицензионные ограничения и т. п.). Однако во всех таких мерах китайские власти идут дальше, более того – сами эти меры рассчитаны на их применение не в отрыве друг от друга, а комплексно, с постоянным обращением к «социально-кредитной» информации о поднадзорном лице и обновлением такой информации.

При том, что уже сейчас можно с полным правом говорить о том, что ССК состоялась как правовой институт, а нормативные источники данного института выстраиваются в достаточно зримую иерархию, сама система социального кредита находится еще только в стадии разработки. Несмотря на положения Плана построения ССК на 2014–2020 годы, в соответствии с которыми к настоящему времени система должна была обрести вполне законченный характер, очевидно, что ее

план мероприятий на 2018–2020 годы по дальнейшей оптимизации деловой среды) // URL: http://www.gov.cn/xinwen/2018-11/21/content_5342147.htm.

достройка, соединение ее механизмов с современными технологиями Big Data и искусственного интеллекта, будет продолжаться еще достаточно долго.

Масштабный проект, инициированный в Китае, продолжает развиваться, а значит, продолжает развиваться и регламентирующее его реализацию законодательство. Данный проект, безусловно, отражает специфические особенности общественного строя Китая, особенности его правовой системы. Не следует, впрочем, забывать, что мы живем в глобальном мире, а значит, очищенные от национальной специфики, юридико-административные механизмы ССК могут воспроизводиться в рамках правовых систем других стран. Является ли ССК специфически китайским феноменом или же составляющие ее механизмы и институты имеют аналоги и потенциал развития далеко за пределами КНР? На чем, кроме конкретно-исторических условий реформирования китайской экономики и системы публичного управления, базируется ССК? Не опирается ли китайская ССК на доктринальные основания, лежащие далеко за пределами истории китайской цивилизации? Ответы на эти вопросы предопределяют наше понимание социально-кредитных механизмов и актуальность всего исследования.

1.2. СИСТЕМА СОЦИАЛЬНОГО КРЕДИТА: БОЛЬШЕ ЧЕМ ПРОСТО КИТАЙСКИЙ ЭКСПЕРИМЕНТ

1.2.1. Сущность социально-кредитных механизмов

1.2.1.1. Понятие социально-кредитных механизмов

Как можно было понять по представленному выше обзору истории создания Системы социального кредита в КНР, ее основных структурных компонентов и нормативно-правовых оснований, ССК, начавшись как проект выстраивания системы обработки кредитной информации и снижения предпринимательских рисков, постепенно вышла за пределы чисто финансовых вопросов и стала наполняться контрольно-надзорным, даже полицейским содержанием. То, что мишенью социально-кредитных механизмов являются не только юридические лица

или, допустим, индивиды как экономические акторы, но и китайские госслужащие, является доказательством контрольно-надзорной составляющей ССК. Рядовые индивиды находятся в фокусе внимания составляющих ССК механизмов также не только как участники тех или иных рынков и потребители товаров/услуг, но именно как граждане, взаимодействующие с другими субъектами и с государственными органами в широком спектре частно- и публично-правовых отношений. Таким образом, ССК следует рассматривать не только как средство повышения финансово-кредитной дисциплины, но – что принципиально важно – как инструмент социального контроля, противодействия коррупции, повышения стабильности общественного порядка и купирования угроз безопасности государства.

Основным модусом функционирования ССК является *работа с репутационной (биографической) информацией* (знаменитые «не был, не состоял, не привлекался») о лицах, выступающих в качестве объектов регуляторной, контрольно-надзорной и разрешительной деятельности государства. Идея, лежащая в основании ССК, кажется предельно простой: нужно поступать по закону, своевременно и точно исполнять свои обязанности, неукоснительно подчиняться требованиям государственных органов и их должностных лиц – тогда у вас не будет проблем. За хорошие поступки, добросовестное поведение, аккуратное выполнение нормативных и индивидуальных предписаний государства физическое или юридическое лицо может рассчитывать на положительное отношение к себе, даже на определенные преференции, льготы; за недобросовестное, правонарушающее поведение, напротив, следует ожидать всевозможных проблем и ограничений. ССК, таким образом, следует понимать как мощный *инструмент воздействия на поведение* и деятельность лиц, выступающих в качестве адресатов регуляторной и контрольно-надзорной деятельности государства, как инструмент стимулирования желательного, социально полезного поведения и купирования поведения нежелательного, социально вредного.

Однако, для того, чтобы те или иные поведенческие акты могли быть учтены, чтобы ССК как инструмент стимулирования желаемого поведения могла функционировать, необходимо собрать и проанализировать информацию о таких поведенческих актах, распространить эту информацию по соответствующим межведомственным и государственно-частным каналам. Институты, средства, процедуры и техники

работы с данными о соответствующих лицах (физических, юридических, должностных) и их деятельности, обмена этими данными, принятия на основе этих данных тех или иных мер реагирования – в совокупности это и есть то, что составляет систему социального кредита. Обобщенно эти *институты* (включая платформы обмена кредитной информацией, проекты рейтингования), *средства* (например, черные и красные списки, правоограничительные и поощрительные меры), *процедуры* (процедуры согласованного применения дисциплинарных и поощрительных мер, процедуры включения в черные и красные списки и исключения из них, процедуры) и *техники* (алгоритмические модели расчета кредитоспособности и социального балльного рейтинга, техники фиксации и передачи данных, и т. д.) можно именовать *социально-кредитными механизмами* (от слов «социум» = общество и англ. *«credit»* = доверие, хорошая репутация).

Социально-кредитные механизмы – это средства, процедуры и техники осуществления контроля за поведением индивидов и организаций, а также воздействия на такое поведение, предусматривающие сбор, хранение и учет информации об объектах контроля (индивидах, организациях, структурных элементах госаппарата, должностных лицах), оценку и ранжирование объектов контроля в целях минимизации рисков, возникающих в ходе осуществления управления обществом, и повышения предсказуемости объектов управления.

Значение социально-кредитных механизмов вырастает вместе с развитием цифровых технологий извлечения, хранения, обмена и интеллектуального анализа больших массивов данных (Big Data). Можно даже сказать, что лишь благодаря этим технологиям социально-кредитные механизмы становятся по-настоящему возможными: конечно, существование отдельных социально-кредитных механизмов (черных списков, личных дел и досье на отдельных граждан, государственных служащих и партийных функционеров) имело место задолго до повсеместной компьютеризации и широкого внедрения автоматизированных (алгоритмических) систем обработки данных, однако они могли функционировать лишь автономно, по отдельности, вряд ли могли быть элементами комплексной системы оценки поведения субъекта. Инновационный характер китайской ССК определяется тем, что в рамках данного проекта гражданин / госслужащий / организация может быть оценен сразу с разных сторон: и с точки зрения соблюдения

предписаний административного законодательства, и с точки зрения исполнения судебных решений, и как налогоплательщик, и как договорный контрагент – вообще практически в любом качестве. Круг общественных отношений, поведение в рамках которых учитывается социально-кредитными механизмами, может быть расширен или, напротив, сужен, но у операторов Системы (или, если угодно, у государства как тотальности) всегда имеется пусть даже потенциальная, не используемая, но возможность оценить субъекта во всем многообразии его поведенческих актов. Очевидно, что направление развития китайской ССК и других подобных ей проектов, о которых будет сказано чуть позже, состоит в постепенном и неуклонном расширении области надзора за субъектом. Адресат правительственных мер регулирования и контроля должен, в идеале, быть видим Системе со всех сторон.

В § 1.1.2 ССК была структурно описана как единство ряда модулей, часть из которых вполне мыслима по отдельности от других (например, черные и красные списки вполне могут функционировать без проектов рейтингования, а рейтингованию не обязательно должны предшествовать такие списки; финансово-кредитный скоринг в большинстве стран мира не сопровождается социальным скорингом; система объединенных наказаний и поощрений логически вытекает из существования черных и красных списков, но ее существование опционально, и сама она может воплощаться в иных формах). Помодульное описание ССК позволяет получить достаточно емкое представление о данном проекте, но для более глубокого понимания сущности «социального кредита» необходимо описать не модули, а сам динамический механизм работы данной системы. В конце концов, если допустить, что социально-кредитные механизмы имеют приложение за пределами Китая, следует признать, что и воплощаться они могут в различных проектах, могут приобретать различные наименования, соединять несколько модулей или воплощаться в модулях единичных. Необходимо вскрыть механику, принцип их работы, определить ключевые звенья.

1.2.1.2. Репутационные данные

Пожалуй, ключевым, исходным звеном функционирования социально-кредитных механизмов являются *репутационные данные*. Чтобы

понять, о чем идет речь, нужно хотя бы вкратце разобраться с феноменом репутации.

Репутация понимается обычно как совокупность описательных и оценочных данных о том или ином лице (это может быть индивид или организация), позволяющих другим тем или иным образом охарактеризовать его и предсказать его вероятное поведение в будущем[1]. Репутационные данные – это, прежде всего, сведения о поведении субъекта, причем, в первую очередь, о его поведении в прошлом. К таким данным могут относиться также сведения о тех или иных характеристиках (и состояниях) субъекта, имеющие значение в определенном контексте и для определенных целей: например, сведения о наличии у компании определенного размера собственных средств, информация о состоянии гражданина в браке, сведения о наличии у него зарубежной недвижимости и банковских счетов. Нетрудно догадаться, что репутационные данные напрямую связаны с формированием в коллективе (или обществе в целом) доверия к его участникам[2].

Современное общество характеризуется высокой степенью сложности: в его структуре можно выделить сотни и сотни различных, пересекающихся друг с другом групп, страт и классов, а взаимодействия отдельных индивидов и коллективов между собой определяются множеством не всегда легко просчитываемых факторов и условий. В таком обществе вопрос предсказания поведения отдельных его членов, коллективов, групп приобретает неоценимую значимость. Крейг Ньюмарк, американский предприниматель и основатель известного в США сайта электронных объявлений Craigslist.org, справедливо отмечает, что логика, согласно которой мы можем доверять тем, кому доверяют те, кому мы доверяем, перестает эффективно работать тогда, когда сеть общественных отношений включает в себя миллионы людей[3]. Един-

---

[1] *Goldman E.* Regulating reputation // The Reputation Society: How Online Opinions are Reshaping the Offline World / ed. by H. Massun, M. Tovey. Cambridge, MA: MIT Press, 2012. P. 51; *Eisenegger M.* Trust and reputation in the age of globalization // Reputation Capital: Building and Maintaining Trust in the 21st Century / ed. by J. Klewes and R. Wreschniok. Berlin: Springer-Verlag, 2009. P. 15–16.

[2] См.: *Овруцкий А.В.* Репутация. Репутационный дискурс. Репутационный ущерб // Психолог. 2016. № 4. С. 10–18.

[3] *Newmark C.* Foreword: Trust, reputation systems, and the immune system of democracy // The Reputation Society: How Online Opinions are Reshaping the Of-

ственным решением проблемы доверия в больших сообществах является создание своего рода *репутационной системы*, т. е. системы, которая способна тем или иным образом учитывать определенные значимые характеристики субъектов для того, чтобы оценивать, ранжировать их, делить на группы доверенных и, напротив, не заслуживающих доверия лиц.

Если осмотреться вокруг, репутационные системы сегодня можно обнаружить повсюду. До недавнего времени наиболее развитые репутационные системы применялись в основном в частном секторе, и в первую очередь – в финансовой сфере. Начальный период их развития пришелся на середину XIX века и был связан преимущественно с разработкой моделей, учитывающих данные об экономическом состоянии потенциальных заемщиков и историю исполнения ими своих кредитных обязательств в прошлом[1]. Уже упоминавшаяся выше по тексту американская скоринговая модель FICO, основанная в середине XX века, фактически явилась одной из первых репутационных систем, использующих сложный аппарат вероятностных вычислений. С развитием электронной торговли в конце XX – начале XXI века скоринговые системы и рейтинги вошли в повседневную жизнь миллионов людей. Интернет-платформы Ebay, Amazon, Uber, Airbnb, Яндекс.Такси и подобные им предоставляют своим пользователям (как клиентам, так и поставщикам услуг) возможность оставлять отзывы на своих контрагентов, ставить им оценки. Рейтинг на платформе в конечном счете определяет способность пользоваться ею, взаимодействовать с другими участниками. Особое внимание к своим рейтингам должны предъявлять те, кому онлайн-платформы позволяют зарабатывать за счет предложения товаров и услуг: представители малого бизнеса и самозанятые граждане.

Как отмечает один из современных исследователей, долгое время репутационные данные рассматривались, скорее, как инструмент рыночного саморегулирования, нежели как средство, при помощи кото-

---

fline World / ed. by H. Massun, M. Tovey. Cambridge, MA: MIT Press, 2012. P. IX–XI.

[1] Подробнее см.: *Cantor R., Packer F.* The credit rating industry // Federal Reserve Bank of New York Quarterly Review. 1994. Vol. 19. № 2. P. 1–26; *Sylla R.* An historical primer on the business of credit rating // Rating, Rating Agencies and the Global Financial System / ed. by R.M. Levich et al. Boston: Kluwer Academic Publishing, 2002. P. 19–40.

рого возможно осуществление государственного управления[1]. Неолиберальная экономическая модель, с конца прошлого века выступавшая в качестве основной парадигмы хозяйственного развития, настаивала на постепенной и хотя бы частичной замене прямого государственного регулирования общественных отношений саморегулированием на основе учета репутационных характеристик участников рынка. Мода на рыночное саморегулирование за счет репутационных показателей участников рынка привела к формированию влиятельных отраслевых ассоциаций[2], экспертных институтов и рейтинговых агентств, широкому распространению кредитных рейтингов компаний и даже целых стран.

Рис. 8. Использование репутационных данных в рыночном саморегулировании и публичном управлении

---

[1] *Dai X.* Toward a reputation state: A comprehensive view of China's Social Credit System project. P. 157.

[2] Об отраслевом саморегулировании на основе репутационных показателей см.: *Yue L.Q., Ingram P.* Industry self-regulation as a solution to the reputation commons problems: The case of the New York Clearing House Association // The Oxford Handbook of Corporate Reputation / ed. by T.G. Pollock, M.L. Barnett. Oxford: Oxford University Press, 2012. P. 279–296.

В последние годы, однако, репутационные данные все активнее используются государствами, законодательства которых предусматривают ведение различных перечней и реестров в отношении лиц с небезупречным поведением (рис. 8). Такие перечни и реестры позволяют более эффективно и с наименьшими затратами осуществлять повседневное управление социальными процессами, зачастую предполагают дифференцированный и более адресный подход к осуществлению государством отдельных мероприятий в административной сфере. В Китае это уже упомянутые выше черные списки недобросовестных и красные списки образцовых лиц. В России и других странах: перечни террористов и экстремистов[1], реестры дисквалифицированных лиц[2] и иностранных агентов[3], базы данных должников[4], насильников[5] и водителей, лишенных права управления транспортным средством[6], черные списки пассажиров авиакомпаний. Некоторые такие реестры и базы данных являются общедоступными, другие же – доступны только для авторизованных лиц (государственных служащих, сотрудников банков и пр.).

Публичные репутационные управленческие механизмы могут функционировать автономно друг от друга, как до сих пор они продолжают функционировать в большинстве развитых стран мира, а могут быть связаны в единую систему, как это реализовано в КНР. Любая попытка связывания репутационных данных из различных – даже немногочисленных – источников упирается в конечном счете в необхо-

---

[1] Перечень террористов и экстремистов (действующие). URL: http://www.fedsfm.ru/documents/terrorists-catalog-portal-act.

[2] См.: Поиск сведений в реестре дисквалифицированных лиц. URL: https://service.nalog.ru/disqualified.do; Search for disqualified company directors. URL: https://www.gov.uk/search-the-register-of-disqualified-company-directors (дата обращения: 01.03.2021); Prohibited Association List. URL: https://www.wada-ama.org/en/resources/the-code/prohibited-association-list.

[3] См.: Сведения реестра НКО, выполняющих функции иностранного агента. URL: http://unro.minjust.ru/NKOForeignAgent.aspx; Реестр иностранных средств массовой информации, выполняющих функции иностранного агента. URL: https://minjust.gov.ru/ru/documents/7755/.

[4] См.: Банк данных исполнительных производств. URL: https://fssp.gov.ru/iss/ip.

[5] См.: United States Department of Justice National Sex Offender Public Web Site. URL: https://www.nsopw.gov/.

[6] См.: Проверка водителя. URL: https://гибдд.рф/Proverka_voditelya.

димость формирования репутационных портретов лиц, на которых нацелены регуляторные и управленческие меры. Создание же таких «портретов» и технические возможности корректного учета репутационных данных того или иного рода выводят на первый план создание системы оперативной и четкой *идентификации* субъектов, репутацию которых соответствующие данные затрагивают.

1.2.1.3. Профилирование и идентификация

Репутационные данные являются ключом к управлению людьми и их коллективами, позволяют воздействовать на их поведение и деятельность. Существование отдельных черных списков с изложением имен незаконопослушных, нелояльных или представляющих опасность лиц легко представить и в доцифровую эпоху (XX век оставил немало печальных свидетельств клеймения людей в качестве «врагов народа», «национал-предателей» и т. п. образом, когда соответствующая запись вносилась в личное дело гражданина, определяя в дальнейшем всю его дальнейшую судьбу и судьбу его родственников), однако такие инструменты прежде не отличались гибкостью и, как правило, не могли одновременно сочетаться друг с другом. Включение в черный список в доцифровую эпоху – это не акт регулирования поведения субъекта, воздействия на него, а конечное решение, определяющее отношение государства к данному лицу. Сегодня, когда источников данных о субъекте может быть довольно много, а оценки отдельного субъекта со стороны различных ведомств могут различаться, становится возможным всесторонний, комплексный, и при этом динамичный, учет поведения.

Цифровое профилирование является неотъемлемым элементом современных, основанных на обработке репутационных данных, практик публичного управления и регулирования поведения субъектов. Оно предполагает учет информации о поведенческих актах субъекта в определенных областях общественных отношений, о значимых для тех или иных целей характеристиках субъекта, являясь условием выработки соответствующих решений в отношении профилируемого лица, принятия в его отношении тех или иных властных мер, осуществления той или иной политики.

Современные законодательства развитых стран мира еще только-только подходят к нормативной регламентации цифрового профилирования, хотя, разумеется, такая деятельность уже вовсю осуществляется как государственными органами, так и крупными корпоративными образованиями. Дефиниция понятия «профилирование», близкая по смыслу тому, о чем идет речь в настоящей монографии, содержится в действующем в Европейском Союзе Общем регламенте по защите данных (*General Data Protection Regulation*, или *GDPR*). Согласно пункту 71 преамбулы GDPR, профилирование связано в том числе с анализом имеющихся данных о субъекте и предсказанием вопросов, относящихся к качеству выполнения им своих трудовых обязанностей, состоянию его здоровья, его личным предпочтениям и интересам, его поведению, местоположению и т. д.[1]

> *(71) Субъект данных должен иметь право не подвергаться воздействию оценивающего характеристики его/ее личности решения, которое может включать в себя конкретные меры, основанного исключительно на автоматизированной обработке данных и влекущего правовые последствия, либо влияющего на него/ее в столь же значительной степени, как, например, автоматический отказ в онлайн-заявке на предоставление кредита или практики онлайн-рекрутинга без какого-либо человеческого вмешательства.*
>
> *Такая обработка данных включает в себя «профилирование», которое заключается в любых формах автоматической обработки персональных данных, оценивающих личностные характеристики физического лица, в целях, в том числе, анализа или прогнозирования характеристик, касающихся поведения субъекта данных на работе, экономической ситуации, здоровья, личных предпочтений и интересов, его/ее надежности и поведения, местоположения и передвижений, которые порождают*

[1] См.: Regulation (EU) 2016/679 of the European Parliament and of the Council of 27 April 2016 on the protection of natural persons with regard to the processing of personal data and on the free movement of such data, and repealing Directive 95/46/EC (General Data Protection Regulation) // OJEU. Legislation. 2016. № 119. P. 1–88.

> *правовые последствия для субъекта данных, либо в столь же значительной степени оказывают влияние на него*[1].

Как понятно из этого, нагруженного деталями, определения, цифровое профилирование состоит в сборе данных о каждом лице, находящемся в поле зрения соответствующих уполномоченных субъектов, с возможностью их автоматизированного анализа и принятия решений. Чтобы автоматизированный анализ относящихся к лицу характеристик был возможен, необходимо объединение релевантных данных в рамках цифрового профиля. Цифровой профиль субъекта – это его портретная характеристика, включающая информацию из различных источников (таковыми могут выступать государственные и корпоративные базы данных, а также общедоступные страницы в сети Интернет – например, содержимое страниц в социальных сетях); то, что также порой именуется *«цифровым двойником»* или *«цифровым аватаром»*[2]. По сути, цифровое профилирование – это создание файлов о каждом (физическом / юридическом / должностном) лице в отдельности, сведение управляемых лиц к набору записей о них в соответствующих базах данных.

Цифровое профилирование требует выстраивания и отлаживания соответствующей инфраструктуры: необходимых баз данных, системы обмена данными, механизмов автоматизированного учета / проверки / оценки содержимого профилей, интерфейсов для работы с профилями, и т. д. Необходимой предпосылкой профилирования является создание системы четкой и оперативной *идентификации* профилируемых лиц, а также аутентификации пользователей электронных интерфейсов для работы с цифровыми профилями[3].

Китайская ССК, несомненно, является передовой системой цифрового профилирования субъектов, включающей инструменты их

---

[1] Ibid.

[2] См.: *Виноградова Е.В., Полякова Т.А., Минбалеев А.В.* Цифровой профиль: понятие, механизмы регулирования и проблемы реализации // Правоприменение. 2021. Т. 5, № 4. С. 11.

[3] Последнее не является необходимым условием профилирования в том случае, если профилирование осуществляется скрытно. Аутентификация необходима для работы электронных сервисов, через которые пользователь самостоятельно может вводить данные о себе, обращаться за необходимыми ему услугами, взаимодействовать с осуществляющими профилирование субъектами (государственными органами, корпоративной администрацией).

идентификации. Единая система социально-кредитных кодов в рамках ССК – и есть не что иное, как система идентификации, делающая возможным профилирование граждан и организаций, находящихся в КНР.

Когда мы говорим об ССК, полезным является демонстрация не только сторонних оценок данного проекта, но и выяснение того, как этот проект видят сами китайские ученые. Как указывает один из китайских правоведов в своей статье в авторитетном журнале «Фасюэ луньтань» (法学论坛)[1], ССК аккумулирует большие массивы данных о коммерческих сделках, данные из социальных сетей, систем видеонаблюдения и т.п., чтобы сделать возможными динамический, комплексный, осуществляемый в реальном времени анализ и предсказание поведенческих характеристик субъектов[2]. Отмечая, что обработка персональных данных субъектов должна обеспечивать формирование голографических (т. е. многомерных) цифровых портретов социально-кредитных субъектов, данный автор напрямую связывает ССК с технологиями анализа «больших данных» и искусственным интеллектом.

> *«Институт цифровой личности следует отличать от института цифрового гражданства. Сфера цифрового гражданства отражает роли людей в обществе посредством использования цифровых технологий. Это способ распространить социальные и политические практики на онлайн-среду с помощью различных цифровых медиа. Таким образом, цифровое гражданство – это новый канал перевода прав и обязанностей в цифровое поле, которое напрямую связано с реальным гражданством и при этом является носителем специфических прав и обязанностей. Напротив, цифровая личность – это блок управления данными, который замещает реальность цифровыми образами, генерируемыми имевшими место в прошлом цифровыми траекториями поведения личности. Цифровые образы создают про-*

[1] Журнал издается Шаньдунским обществом права, являющимся филиалом Китайского общества права, тесные связи которого с партийно-государственной элитой КНР несомненны.

[2] *虞青松 [Yu Qingsong]*. 算法行政:社会信用体系治理范式及其法治化 [Suanfa xingzheng: shehui xinyong tixi zhili fanshi ji qi fazhi hua] (Алгоритмическое управление: управленческая парадигма Системы социального кредита и ее нормативно-правовые основания) // 《法学论坛》[Faxue Luntan] (Правовой форум). 2020. № 2. URL: http://fzzfyjy.cupl.edu.cn/info/1035/11847.htm.

фили «чистых фактов», которые дают возможность «наблюдать», предсказывать и даже модифицировать будущее поведение человека.

<…> С развитием сетевых технологий и технологий цифрового видео стало возможным распознавать, собирать, сохранять, извлекать, интегрировать оцифрованные данные о персональных поведенческих траекториях, делиться ими. Могут быть оцифрованы и воспроизведены процессы, относящиеся к любому лицу или предмету. Это значит, что люди теперь могут видеть свое прошлое «я», которое делается доступным для наблюдения со стороны каждого в открытом обществе. Сборщики информации и аналитики данных сегодня могут знать о вашем «я» больше, чем вы сами. Пространства внутри и снаружи человеческого тела полны данных, предоставляющих фундаментальные аналитические возможности для наблюдения, интерпретации, коммуникации, влияния, предсказания и, в конечном счете, изменения всего поведения…<…> Сущностные характеристики личности незримы <…> Напротив, цифровая личность зрима, измеряема, поддается ранжированию и коррекции» [1].

Как следует из содержания приведенного выше фрагмента, цифровое профилирование напрямую связано с учетом поведенческих данных и изменением (коррекцией, модификацией) поведения подлежащих профилированию лиц. Сбор и учет информации о поведенческих актах лица позволяет выявить его *вероятные поведенческие траектории*, т. е. спрогнозировать, как субъект будет действовать в тех или иных условиях. Если известны вероятные поведенческие траектории, тогда становится возможным дифференцированное управление и регулирование, при котором субъектам с различными поведенческими (и иными, не относящимися непосредственно к поведению) характеристиками предназначаются неодинаковые меры воздействия (государственно-властного или корпоративного). Управление, предполагающее

---

[1] [1] *虞青松 [Yu Qingsong]*. 算法行政:社会信用体系治理范式及其法治化 [Suanfa xingzheng: shehui xinyong tixi zhili fanshi ji qi fazhi hua] (Алгоритмическое управление: управленческая парадигма Системы социального кредита и ее нормативно-правовые основания) // 《法学论坛》[Faxue Luntan] (Правовой форум). 2020. № 2. URL: http://fzzfyjy.cupl.edu.cn/info/1035/11847.htm.

ранжирование адресатов управленческих мер и дифференциацию государственной (корпоративной) политики в зависимости от содержимого профилей субъектов, с необходимостью предполагает создание *системы допусков и ограничений*.

1.2.1.4. Допуски и ограничения

Принцип работы системы (или архитектуры) допусков и ограничений довольно-таки прост: различным категориям лиц, цифровые профили которых содержат различные данные, значимые для принятия решений того или иного рода, предоставляются неодинаковые возможности правореализационных действий и адресуются различные управленческие меры. Если речь идет о системе допусков и ограничений в рамках некой корпоративной экосистемы, то дифференцированные меры могут предполагать различные скидки и бонусы в зависимости от уровня участия в корпоративной системе лояльности, возможность или, напротив, невозможность совершения определенных сделок с использованием корпоративной торговой платформы, и т. п. В государственном и муниципальном управлении, представляющих первоочередной интерес в контексте настоящего исследования, допуски и ограничения могут материализовываться в неодинаковых по объему и содержанию публичных услугах, правоограничительных мерах и мерах принуждения.

Схематично это выглядит примерно следующим образом (наглядное изображение этой схемы представлено на рисунке 9):

а) выстраивается система сбора и обмена данными об интересующем круге лиц (потенциально такой круг может состоять из всех граждан, иностранных граждан и лиц без гражданства, находящихся на территории страны, либо из всех юридических лиц, либо из всех индивидуальных предпринимателей и иных хозяйствующих субъектов, и т. д.);

б) значимые для определенных регуляторных и/или управленческих целей данные фиксируются в системе файлов (цифровых профилей), каждый из которых относится к отдельному представителю интересующей группы. При этом, относимость данных к соответствующему профилю (т. е. к конкретному лицу) удостоверяется системой идентификации (наиболее простая система идентификации: удостоверение на основе паспортных данных / регистрационного номера юридического лица / индивидуального номера налогоплательщика; более сложные

системы могут предполагать идентификацию физических лиц по биометрическим показателям);

в) содержимое цифровых профилей анализируется автоматизированными (алгоритмическими) системами на предмет соответствия / несоответствия заранее определенным критериям;

г) для лиц, соответствующих или, наоборот, не соответствующих установленным критериям и показателям, определяются соответствующие им меры реагирования и воздействия. Параллельно системе цифровых профилей или вскоре после нее создается архитектура допусков и ограничений: получение тех или иных услуг, субсидий, льгот, преференций и т.п., допуск лица к определенным товарам, публичным пространствам, рынкам, должностям, общественным отношениям ставится в зависимость от соответствия или несоответствия установленным критериям;

д) при попытке субъекта, не соответствующего установленным критериям, получить публичную услугу, войти в то или иное общественное пространство, воспользоваться той или иной электронной платформой, ему отказывается в доступе. Субъект, чей профиль / чьи данные соответствуют параметрам допуска к соответствующим услугам, публичным пространствам и электронным площадкам, не испытывает таких ограничений.

Субъект, оказавшийся в пространстве, опосредуемом электронными платформами и системами интеллектуального анализа данных, во-первых, оказывается вынужден принимать установленные для него допуски и ограничения (преодолеть их он, чаще всего, не способен), а во-вторых, созданными для него фактическими условиями направляется к совершению ожидаемых от него поступков, к следованию ожидаемой модели поведения. Если для субъекта «закрыто», заблокировано то или иное пространство, те или иные общественные отношения, получить к ним доступ он сможет лишь тогда, когда изменит свое поведение и свои неповеденческие характеристики (размер собственных денежных средств, наличие того или иного имущества, наличие гражданства иностранного государства и т. п.). По этому принципу в России в настоящее время внедряется система доступа болельщиков к местам спортивных соревнований, получившая название FAN ID[1].

---

[1] См.: О внесении изменений в Федеральный закон «О физической культуре и спорте в Российской Федерации»: федеральный закон от 30 декабря 2021 года № 462-ФЗ // СЗ РФ. 2022. № 1 (Часть I). Ст. 31.

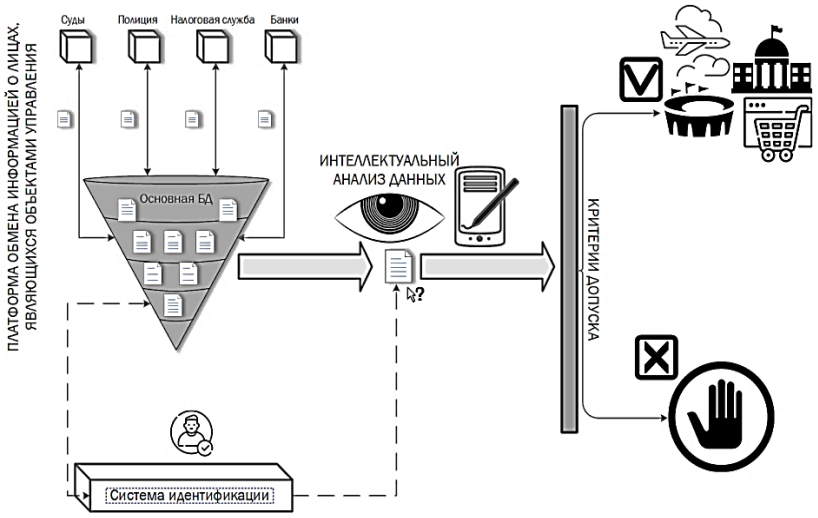

Рис. 9. Принципиальная схема работы системы допусков и ограничений

1.2.1.5. Социальное ранжирование

Теснейшим спутником политики допусков и ограничений и, одновременно, логичным продолжением цифрового профилирования является практика социального ранжирования.

Социальное ранжирование – это осуществляемое по результатам анализа содержимого цифровых профилей разделение профилируемого множества на определенные, объединенные общими признаками группы (классы, грейды и т. п.) в целях последующего применения к ним дифференцированных регуляторных и административных мер.

Ранжирование может выражаться в относительно простых и относительно сложных формах. Простым является бинарное разбиение профилируемого множества: «добросовестные» / «недобросовестные», «заслуживающие доверия» / «подрывающие доверие», «лояльные» / «нелояльные», «нуждающиеся в государственной поддержке» / «не нуждающиеся…», и т. п. Ненамного более сложным является разделение на три, четыре, несколько групп. Сложным вариантом социального

ранжирования является рейтингование, т. е. начисление профилируемым лицам баллов рейтинга с последующей дифференциацией регуляторных и административных мер для обладателей различного количества баллов.

Смысл социального ранжирования всегда состоит в том, чтобы сделать управление более адресным, увеличить управленческую эффективность при одновременном снижении издержек (финансовых затрат, людских и временных ресурсов), купировать риски и повысить стабильность системы управления.

Применение современных технологий алгоритмического, осуществляемого на перманентной основе анализа данных позволяет постоянно, в режиме реального времени или с определенной периодичностью, переводить ранжируемые профили из одной категории в другую. Изменение содержимого цифровых профилей, таким образом, напрямую определяет мобильность профилируемого лица в рамках заданных множеств (грейдов, классов, страт и т. д.): возможно как улучшение, так и ухудшение социального статуса и, соответственно, как открытие допусков (снятие ограничений), так и, наоборот, прекращение действия допусков (т. е. наложение ограничений). Хотя возникает большой соблазн провести параллели между современными практиками социального ранжирования и историческими примерами сословных, а то и кастовых обществ, на самом деле сравнивать здесь нечего: архитектура социально-кредитных механизмов, работающая на автоматизированном анализе оцифрованных данных о субъектах, необходима для постоянного (в идеале – осуществляемого в режиме реального времени) переопределения объема правомочий и, за счет этого, воздействия на поведение субъектов, тогда как сословные и кастовые статусы определяются по рождению и практически неизменны[1].

Итак, идет ли речь о создании системы репутационной оценки для граждан или хозяйствующих субъектов для целей публичного управления, логическая модель ее построения должна выглядеть примерно следующим образом (рис. 10):

---

[1] Архитектура цифрового публичного управления, на самом деле, может допускать и заранее заданные привилегии отдельных категорий лиц, однако это, скорее, противоречит существу социально-кредитных механизмов.

(1) отлаживание системы межведомственного информационного взаимодействия (создание главной, основной базы данных и платформы обмена данными);

(2) создание системы цифровых профилей (для физических лиц – на основе системы идентификации и аутентификации);

(3) подключение к цифровым профилям информации из различных баз данных;

(4) определение значимых признаков (критериев) ранжирования профилируемых лиц на определенные множества с целью дифференциации публичных услуг / мер государственного реагирования;

(5) разделение профилируемых лиц на прозрачные и проницаемые множества (должна быть предусмотрена возможность перехода профилируемого лица из одного класса / множества в другой).

После разделения профилируемых лиц на заранее определенные группы возможна реализация системы допусков и ограничений, ориентирующейся на статусы профилируемых лиц и их принадлежность к тем или иным ранжируемым группам (грейдам, классам) (опять же, см. рис. 8).

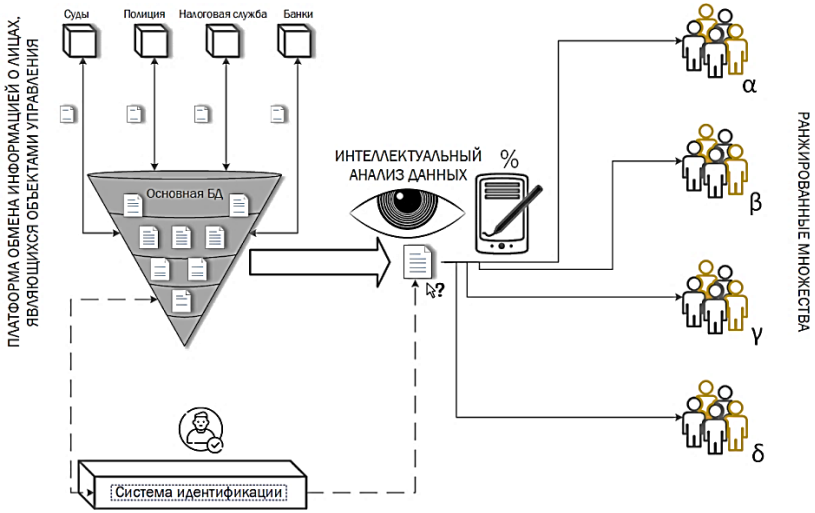

Рис. 10. Принципиальная схема социального ранжирования на базе цифрового профилирования

Система социального кредита в Китае ориентируется на стратегию профилирования с последующими ранжированием и реализацией допусков и ограничений. Идеология ССК в двух словах: поступай по правилам, и не будешь иметь проблем; от того, как ты вел себя в прошлом, зависит твое положение в будущем; ничего из совершенного тобой не останется тайной и не будет забыто. Пожалуй, в качестве формулы цифрового профилирования и социального ранжирования могла бы служить библейская фраза: *«мене, мене, текел, упарсин»*[1] – «исчислено, исчислено, взвешено, разделено». Помимо столь неожиданного и, конечно, совершенно случайного созвучия социально-кредитных механизмов с ветхозаветным текстом, у ССК есть и отнюдь не случайные, хотя порой и столь же неожиданные, предпосылки в доктринальных источниках средневекового Китая и европейской мысли Нового времени.

1.2.2. Исторические предпосылки и доктринальные основания разработки и внедрения социально-кредитных механизмов[2]

1.2.2.1. Предпосылки ССК в истории Китая и китайской общественно-политической мысли

В журналистских, да и академических публикациях Систему социального кредита нередко рассматривают как эдакое китайское ноу-хау, уникальный феномен, который мог родиться только в условиях «коммунистического Китая». Конечно же, это слишком сильное упрощение, хотя в нем есть определенная доля истины. Внимательный взгляд способен различить предрасположенность китайского общества к механизмам ранжирования и репутационного оценивания в эпохах гораздо более ранних, чем период правления КПК. Китайская интеллектуальная традиция и китайская общественно-политическая история способ-

[1] Дан. 5:25–28.

[2] Основные тезисы настоящего параграфа ранее были опубликованы в виде отдельной научной статьи: *Рувинский Р.З., Тарасов А.А.* «Система социального кредита»: исторические предпосылки и доктринальные основания феномена // Национальная безопасность / nota bene. 2020. № 3. С. 72–88.

ны представить нам несколько любопытных примеров, показывающих, что ССК в Китае возникла вовсе не на пустой почве.

Прежде всего, нельзя обойти вниманием две сильнейшие и наиболее известные школы китайской политико-правовой мысли, сложившиеся в древнейший период и определившие последующее развитие государственности Китая. Это – *конфуцианство* и *легизм* (*фацзя*).

Как правило, конфуцианство и легизм противопоставляются друг другу. Действительно, школа фацзя возникла в полемике с конфуцианством: тогда как последнее было склонно делать упор на воспитание благодетельной моральной личности, рассматривая законы как второстепенный социальный регулятор по сравнению с этикой и ритуалом, легизм основывался на представлении, согласно которому пороки человека следует обуздывать строгими законами и суровыми наказаниями. Несмотря на всю принципиальность этого спора, практика государственного строительства имперского Китая (а затем, и КНР, особенно после смерти Мао Цзедуна), впитав как легистский идеал жесткого правления, так и конфуцианский ритуализм с присущим ему размыванием границ между правом и моралью, по факту «сняла» существовавшие изначально разногласия.

«Человек по природе зол. Его доброта есть вопрос намеренного усилия». – Рассуждал один из основоположников конфуцианства, Сюнь-цзы[1]. Согласно идеям философа, добродетель необходимо культивировать в себе путем самоограничения собственных эгоистических желаний, что становится возможным благодаря следованию ритуалу. Как отмечает один из современных исследователей китайской политико-правовой мысли, ритуал – в понимании Сюнь-цзы – устанавливает место человека в рамках социума как гармонического целого, причем для такого общества естественным является иерархичность: «все равны только в том, что сполна имеют положенное каждому»[2]. Принципиально значимой в рамках такого мышления оказывается репутация:

> *«Знатный и низкий занимают свое положение; старший и младший имеют различия; бедный и богатый, презираемый и уважаемый – все имеют свою репутацию в обществе»*[3].

---

[1] Xunzi: The Complete Text. Princeton University Press, 2014. P. 248.

[2] *Малявин В. В.* Китайская цивилизация. М., 2001. С. 172.

[3] Сюнь-Цзы // Классическое конфуцианство: переводы, статьи, комментарии А. Мартынова и И. Зограф. В 2 т. Т. II. СПб.: Издательский дом «Нева», М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2000. С. 169.

Как известно, конфуцианство настаивало на примате морали и социального этикета, а не права, при этом обращая особое внимание на репутацию человека. Идеалом конфуцианства являлось общество, основанное в большей степени на добродетели, нежели на законе: отсюда проистекает идея управления людьми посредством усвоения ими типизированных поведенческих привычек, а не посредством предписывания им тех или иных абстрактных моделей поведения. Так, конфуцианская традиция утверждала, что добродетельному государю нет нужды заниматься делами управления:

> *«Если наставлять народ путем [введения] правления, основанного на законе, и поддерживать порядок [угрозой] наказания, то народ станет избегать наказаний и лишится [чувства] стыда. Если наставлять народ путем [введения] правления, основанного на добродетели, и поддерживать порядок путем [использования] Правил (этикета – Р.Р.), то в народе появится [чувство] стыда и он исправится»*[1].

В идеале, с точки зрения конфуцианства, государственные органы ничего не предписывают и не осуществляют управление напрямую, а лишь создают условия, при которых соблюдение норм социального этикета входит в повседневную привычку подданных. Стоит обратить внимание на тотальность социального этикета (*ли* 禮) в представлении конфуцианцев: он охватывает практически все аспекты человеческой жизни[2]. Являющийся частью социального этикета ритуал, в представлении конфуцианцев, должен стать своего рода «второй природой» человека; иными словами, он должен исполняться прежде, чем будет понят.

Легисты, вполне в духе идей конфуцианского теоретика Сюньцзы, т. е. вслед за конфуцианством, а не в отличие от него, считали бессмысленным полагаться на добродетель человека, ибо существующим они объявили только эгоизм. Согласно представлениям сторонников школы фацзя, основная управленческая задача заключается в том, чтобы поставить эгоизм личности на службу правителю (т. е. государству). Отсюда легистское понимание закона (*фа* 法): он задуман леги-

---

[1] *Конфуций*. Суждения и беседы. М.: РИПОЛ классик, 2017. С. 54.

[2] *Olberding A.* Etiquette: A Confucian contribution to moral philosophy // Ethics. 2016. Vol. 126. № 2. P. 422.

стами как основанный на рефлексе своекорыстия[1], а потому, так же, как и ритуал в понимании конфуцианской школы, должен, прежде всего, исполняться, а не пониматься.

Отвергая ритуал как средство обеспечения порядка, легисты выдвигали на первый план то, что у конфуцианцев играло лишь вспомогательную роль и было направлено только на тех, кто не способен управлять собой: уголовный закон и наказание. Закон предстает у легистов в качестве «машины», находящейся в руках правителя и позволяющей ему властвовать посредством игры на единственных и вечных источниках человеческого поведения: алчности и страхе. Это вовсе не требует от правителя хитрости или какого-то особого интеллекта, даже демонстрации своей силы, но, напротив, их сокрытия – и все для того, чтобы лучше соответствовать безличному «спонтанному» закону[2]. Чтобы «все работало», он должен иметь возможность полагаться на глаза и уши всех своих подданных, которые следят друг за другом и тем самым делают себя прозрачными для его глаз, в то время как он сам остается недоступным для восприятия (здесь, как мы сможем увидеть далее, напрашивается очевидная параллель с идеями одного из европейских политических мыслителей).

Одной из особенностей китайского права имперского периода, которую отмечают некоторые западные исследователи[3], является фактическое отсутствие в нем гражданского права как сколь-либо самостоятельной отрасли. В то время как с точки зрения конфуцианства гражданское право не нужно человеку, поскольку он и без того действует в соответствии с заведенными правилами общежития, легизм доводит эту мысль до логического завершения: уголовные, а не какие-то иные, законы должны охватывать все сферы жизни общества. Такое стремление – регулировать общественные отношения преимущественно через установление запретов и назначение наказаний – проистекает из пред-

---

[1] *Supiot A.* Governance by Numbers: The Making of a Legal Model of Allegiance / trans. by S. Brown. London: Hart Publishing, 2017. P. 61.

[2] Ibid.

[3] *Bodde D., Morris C.* Law in Imperial China: Exemplified by 190 Ch'ing Dynasty Cases. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1967. P. 4; *Lo V.I.* Law and Society in China. Cheltenham & Northampton: Edward Elgar Publishing, 2020. P. 51; *Ren X.* Tradition of the Law and Law of the Tradition: Law, State, and Social Control in China. Westport & London: Greenwood Press, 1997. P. 40–41.

ставления о том, что «людьми легко управлять, поскольку они глупы»[1]. Право, согласно легистской точке зрения, с легкостью решает эту проблему: для этого оно всего-навсего должно быть просто и понятно сформулировано[2], тем самым становясь безотказным инструментом управления.

По большому счету, китайский легизм можно признать едва ли не первой в истории человечества попыткой установления полностью спланированного заранее порядка государственного управления, порывающего с любыми традиционными, стихийными формами. Конфуций и его последователи, в свою очередь, были не столько философами, сколько первыми «идеологами» в современном смысле этого слова: они нащупали и описали «элементарный» идеологический уровень общества – ежедневную, рутинную традицию.

Как ни странно, но именно в ССК одновременно проявляются обе идейные составляющие китайской модели управления. Во-первых, ССК характеризуется фактическим смешением правовых норм с морально-этическими императивами вплоть до их неразличимости: пилотные проекты, запущенные в КНР в ходе строительства ССК, предполагают учет поведения индивида как в сфере правового регулирования, так и за рамками того, что принято описывать посредством юридических норм, в том числе в отношениях с соседями и членами семьи[3]; само понятие «доверия» (信), лежащее в основе китайской ССК, также имеет, скорее, морально-этическое, нежели юридическое содержание, и является одним из ключевых концептов в рамках конфуцианской традиции[4]. Во-вторых, балльно-рейтинговые системы, внедренные в ряд пилотных проектов – муниципальный проект в Жунчэне провинции Шаньдун, проект «Bailu» в городе Сямынь провинции Фуцзянь, коммерческий проект «Sesame Credit» компании Alibaba и

---

[1] *Vandermeersch L.* La formation du légisme: recherche sur la constitution d'une philosophie politique caractéristique de la Chine ancienne. Paris: École Française d'Extrême-Orient, 1965. P. 200.

[2] Ibid. P. 195.

[3] *Dai X.* Enforcing law and norms for good citizens: One view of China's Social Credit System project // Development. 2020. Vol. 63. P. 40–41.

[4] *Shen C.F.* Social Credit System in China // Digital Asia. URL: https://www.kas.de/documents/288143/4843367/panorama_digital_asia_v3a_Shen.pdf/a55cefce-8e97-32d6-63a4-2e4cc47c0513.

др., – посредством поощрения социально-полезных поступков и негативной реакции на поступки социально-вредные постепенно формируют своего рода ритуальную привычку, «рефлекс» поступать тем или иным образом. Все это, безусловно, резонирует с конфуцианскими, или, точнее, постконфуцианскими идеями. Сама цель ССК, декларируемая официальными органами КНР и состоящая в «поощрении искренности и доверия», очевидно, соответствует конфуцианскому идеалу гармоничного общественного уклада, в котором гражданин ценен не сам по себе, но как часть единого космического порядка. Одновременно, в ССК легко можно найти и воплощение типично легистских установок. Так, как уже отмечалось выше, одной из составляющих китайской ССК является так называемая «объединенная система поощрений и наказаний», а один из принципов, лежащий в основании этой системы, звучит примерно следующим образом: *«Тот, кто утратил доверие в одной области отношений, будет ограничен везде»*. Если школа фацзя ратовала за правление посредством простых, но суровых законов, ССК предоставляет нынешнему поколению китайского руководства действительно простой и эффективный инструмент, с помощью перманентной угрозы попадания в черные списки позволяющий держать в покорности полуторамиллиардное население этой страны.

Впрочем, помимо идейных предпосылок ССК, необходимо указать также на системы социального контроля, существовавшие в Китае и являющиеся в том или ином отношении ее предшественниками. Даже беглый их обзор позволяет получить представление о том, что внедрение отдельных элементов ССК было подготовлено длительной исторической практикой китайского государственного строительства.

В период правления династии Сун, в результате реформ Ван Аньши (конец XI века) в Китае была введена система круговой поруки – *баоцзя* (保甲), хотя ее истоки отдельные авторы находят уже в эпохе Сражающихся царств (475–221 годы до н. э.), связывая ее появление с реформаторскими проектами Шан-Яна, одного из основоположников легизма[1]. Система баоцзя предполагала создание объединений из нескольких семей, которые несли коллективную ответственность за действия, совершаемые их членами, и должны были следить друг за дру-

[1] *Harris L.J.* From democracy to bureaucracy: The baojia in nationalist thought and practice, 1927–1949 // Frontiers of History in China. No. 8 (4). P. 529–535.

гом (такая система взаимной слежки называлась 連坐法 *ляньцзо фа*)[1]. В наиболее развитой форме баоцзя существовала в период правления династии Цин (1644–1912 годы) и даже была возрождена в Маньчжурии в 1930-е годы японскими оккупационными властями[2]. В позднеимперский период истории Китая баоцзя развилась в десятичную, многоступенчатую иерархическую организацию, в рамках которой десять соседствующих друг с другом домохозяйств составляли участок (*пай*), каждые десять участков образовывали десяток (甲 *цзя*), десять цзя составляли группу самообороны – *бао* (保), а во главе каждого из этих объединений стоял староста[3]. Основными функциями системы баоцзя были предупреждение правонарушений, контроль внутренней миграции, повышение эффективности сбора налогов, содействие переписи населения и рекрутирование солдат. Посредством баоцзя государство могло решать свои задачи с минимальными затратами на организацию управления и, что чрезвычайно важно, без расширения бюрократического аппарата, поскольку данная система позволяла задействовать в реализации государственных задач само общество.

Каждая семья была обязана вывешивать на двери дома плакат со списком всех проживающих в нем совершеннолетних лиц мужского пола. В случае, если кто-то из членов семьи покидал дом, его местонахождение отмечалось на плакате; также удостоверялось и записывалось происхождение лица, временно пребывающего в доме. Пускать в дом незнакомцев и подозрительных строго воспрещалось. Староста участка был обязан присматривать за местными жителями и отчитывался перед десятником (*цзятоу*), который, в свою очередь, обязан был докладывать о положении в поднадзорном ему цзя начальнику группы самообороны (*баочжану* 保長). Последний был подотчетен непосредственно имперскому чиновнику[4].

Постепенно система баоцзя отошла в прошлое, уступив место не столь многофункциональной системе *хукоу* (户口), представляющей со-

---

[1] URL: http://www.chinaknowledge.de/History/Terms/baojia.html.

[2] См.: *Tian M.* The baojia system as institutional control in Manchukuo under Japanese rule (1932–45) // Journal of the Economic and Social History of the Orient. 2016. Vol. 59. P. 531–554.

[3] *Cheung S.-w.* Baojia system // Encyclopedia of Modern China. Vol. 2 / ed. by D. Pong. Gale: Cengage Learning, 2009. P. 136–137; *Harris L.J.* Op. cit. P. 519.

[4] Ibid. P. 136.

бой институт регистрации граждан по месту жительства и во многих отношениях аналогичной действовавшему в СССР институту прописки[1].

Тогда как баоцзя по нынешним меркам является довольно-таки архаичной системой социального контроля, подходящей для феодальных отношений, но слабо приспособленной для индустриального (и, тем более, постиндустриального) общества, а хукоу представляет собой всего лишь регулярный механизм контроля передвижений граждан, в истории Китая имеется и куда более близкий аналог современной ССК. Таким аналогом, во многом предвосхитившим построение системы социального кредита, является система *данань* (档案 – букв. «запись», «архив»).

Система данань начала функционировать в 1953 году и предполагала ведение досье (личного дела) на каждого гражданина КНР, за исключением представителей высшего руководящего звена и некоторых категорий сельского населения. Рабочим единицам (*даньвэй* 单位) вменялось в обязанность вести личное дело на каждого работника. Копия личного дела, содержавшего сведения о школьных оценках, медицинские записи, отзывы работодателей, личную и профессиональную информацию о гражданине, направлялась в милицейский участок. Примечательно то, что у гражданина не было права на ознакомление со своим личным делом[2].

Время от времени в западной публицистике[3], посвященной ССК, можно встретить проведение параллелей между механизмами ССК и режимом, действовавшим в Китае в период культурной революции 1966–1976 годов. Оно не безосновательно. По крайней мере, вызывающие беспокойство опыты с начислением гражданам балльных рейтингов и иными методами ранжирования субъектов (не только физиче-

---

[1] *Wang F.-L.* Household registration // Encyclopedia of Modern China. Vol. 2 / ed. by D. Pong. Gale: Cengage Learning, 2009. P. 246–248; *Young J.* China's Hukou System: Markets, Migrants and Institutional Change. Palgrave Macmillan, 2013. P. 43–44.

[2] *von Blomberg.* Op. cit. P. 86; *Grassi V.* Individualism in Modern China: The Social Credit Issue // B.A. Thesis. Libera Universita Internazionale degli Studi Sociali. 2017/2018 academic year. URL: https://tesi.luiss.it/21786/1/078402_GRASSI_VALENTINO_Valentino_Grassi_Final_Thesis.pdf. P. 19–20.

[3] Например: *Ge C.* The historical roots of the Social Credit System // Brown Political Review. March 30, 2019. URL: https://brownpoliticalreview.org/2019/03/historical-roots-social-credit-system/.

ских, но и юридических лиц) весьма напоминают предпринятое в самом начале китайской культурной революции разделение государственных и партийных кадров на четыре категории: «хороших», «сравнительно хороших», «допустивших серьезные ошибки» и «антипартийных, антисоциалистических элементов»[1].

Конечно, нельзя говорить о прямой преемственности между экспериментами времен культурной революции или, тем более, имперского Китая и сегодняшними социально-кредитными проектами. Сегодня, разумеется, не может быть и буквального перенесения на устройство общественной жизни идей классического конфуцианства или школы фацзя: они формировались в принципиально иных исторических условиях, и было бы недопустимым упрощением сводить специфически современные явления к управленческим механизмам и политико-правовым доктринам давно минувшего. Однако, доктрины эти и оставшиеся в прошлом проекты важны для понимания небеспочвенности современных механизмов, процедур и практик. Историческая преемственность все же имеет место, однако преемственность не прямая, а опосредованная: оказывается, что некоторые устаревшие, как могло бы показаться, идеи в определенных условиях способны оживать, наполняться новым, неожиданным содержанием, обретать актуальное звучание; оказывается, что предпосылки и условия для развития в том или ином направлении уже подготовлены предшествующим развитием, и, хотя выбор направления никогда не является полностью предрешенным, современность всегда черпает из прошлого то, что ей требуется в данный момент.

Впрочем, китайская ССК вкупе с составляющими ее контрольно-надзорными механизмами опирается не только на китайскую историю и интеллектуальную традицию. Если внимательно присмотреться к данному проекту, можно различить в нем истоки, отсылающие нас к традиции «западной», европейской политико-правовой мысли, а именно – к разработке ею неоднозначных проблем социального контроля, отправления власти и обеспечения порядка. В этой точке как нельзя лучше становится понятно глобальное значение ССК, выходящее за границы одной, пусть и большой, страны. Здесь, чтобы лучше понять сущность и природу социально-

[1] См.: Постановление Центрального Комитета Коммунистической партии Китая о великой пролетарской культурной революции (8 августа 1966 г.) // URL: http://library.maoism.ru/kpk8aug.htm.

кредитных механизмов, нам придется совершить небольшой экскурс в историю западной политической и правовой философии, ведь именно философия задается вопросами, решение которых затем становится задачей администраторов, техников, политиков и юристов.

1.2.2.2. Предпосылки ССК в истории европейской общественной и политико-правовой мысли

История западной политической и правовой мысли, да и вообще философия как таковая начинается в эпоху античности. Когда мы говорим об истоках западной цивилизации, институты которой в определенный момент сделались моделью для всего мира, мы вспоминаем Древнюю Грецию и Рим. Однако для античного мира проблема социального контроля в его современном понимании была, скорее, неизвестна и нехарактерна. Мыслители той эпохи были склонны рассуждать о средствах воспитания активных добродетельных граждан, «полезных» для полиса или республики, а также об организации наилучшего режима государственного правления, способного предотвратить социальные кризисы[1]. Так или иначе, речь в этих рассуждениях практически никогда не шла о надзоре за гражданами и способах их организации в качестве «исчислимых множеств».

Христианская мысль эпохи Средних веков и раннего Нового времени подошла к проблеме социального контроля гораздо ближе, уделяя повышенное внимание дисциплинированию личности в целях преодоления свойственных ей пороков и искупления грехов[2]. Примерно в этом же направлении мыслили утописты XVI–XVII веков, выдвигая проекты «идеального» государственного устройства, предполагавшие подробную регламентацию жизни граждан в самых интимных ее проявлениях, непрерывное педагогическое воздействие на индивида[3].

---

[1] См.: *Аристотель*. Политика. М.: Академический проект, 2015; *Цицерон*. О законах // Цицерон. Диалоги. М.: Наука, 1966. С. 89–152.

[2] См.: *Ames C.C.* Righteous Persecution: Inquisition, Dominicans, and Christianity in the Middle Ages. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2009. P. 139–141; *Asad T.* On ritual and discipline in medieval Christian monasticism // Economy and Society. 1987. No. 16 (2). P. 159–203.

[3] *Кампанелла Т.* Город Солнца // Утопический роман XVI – XVII веков. М.: «Художественная литература», 1971. С. 143–190; *Мор Т.* Утопия // Утопи-

Наиболее же отчетливо интерес к социальному контролю (в самом широком смысле) проявляется начиная с эпохи Просвещения: на этот период приходится интенсивное развитие капиталистических отношений, внедрение в хозяйство индустриальных методов, возникновение феномена народных (пролетарских) масс, которые, «по определению, не должны и не способны управлять собой»[1]. Тогда же начинается выстраивание уже по-настоящему «современных» (относящихся к эпохе модерна, хотя все еще сравнительно примитивных) надзорных механизмов с акцентом на оказание «педагогического» воздействия на субъектов. К этому периоду, в частности, относится проект *«реформаториума»* (аппарата для преобразования правонарушителей) Джонаса Хенуэя, основанный на монашеской технике изоляции индивида и капиталистических императивах экономической пользы. В этот же период возникает вдохновленный «реформаториумом» пенитенциарный проект исправления осужденных Джона Говарда и Уильяма Блэкстона, высказываются идеи Жака Антуана Гибера о «государстве как машине», организованной по военным принципам и способной эффективно дисциплинировать массы[2]. Однако наиболее важным в контексте формирования современной системы социального контроля представляется выдвинутый Джереми Бентамом проект *«паноптикона»* (паноптикума)[3].

Паноптикум как тип инспекционного учреждения, в архитектурном плане представляющий собой кольцеобразное здание с наблюдательной башней в центре, а с функциональной точки зрения предназначенный для перманентного и незримого надзора за соответствующими лицами (прежде всего, заключенными, но также пациентами клиник и воспитанниками школ), оказал большое влияние на развитие пенитенциарной системы и дисциплинарных техник госу-

---

ческий роман XVI – XVII веков. М.: «Художественная литература», 1971. С. 41–140.

[1] *Ортега-и-Гассет Х.* Восстание масс. М.: Издательство АСТ, 2017. С. 3.

[2] *Фуко М.* Надзирать и наказывать: Рождение тюрьмы. М.: Ад Маргинем Пресс, Музей современного искусства «Гараж», 2019. С. 151–207.

[3] См.: *Bentham J.* Panopticon, or the Inspection House // The Works of Jeremy Bentham. Ed. by J. Bowring. Vol. IV. Edinburgh: Simpkin, Marshall, & Co., 1843. P. 37–172.

дарства модерна. Более того, значение паноптизма[1] как модели организации социального контроля выходит далеко за рамки конкретных примеров использования данной идеи в построении дисциплинарных учреждений XVIII–XX веков, предвосхищая появление надзора за «социальными множествами», практическое воплощение которых относится уже к нашему времени.

В своем знаменитом исследовании истории дисциплинарных механизмов Мишель Фуко отметил, пожалуй, наиболее важную черту бентамовского проекта: индивидуализацию каждого элемента разношерстной толпы, выступающей в качестве объекта контроля, приведение поднадзорного лица в «состояние сознаваемой и постоянной видимости, которая обеспечивает автоматическое функционирование власти»[2]. Паноптический надзор «должен быть постоянным в своих результатах, даже если он осуществляется с перерывами, чтобы совершенство власти делало необязательным ее действительное отправление…»[3]. Паноптикум – это «машина, создающая и поддерживающая отношение власти независимо от человека, который ее отправляет», «привилегированное место для экспериментов над людьми», которое может быть использовано «везде, где приходится иметь дело с множественностью индивидов, которым надо навязать определенное задание или конкретную форму поведения»[4].

Уже у Бентама паноптическая модель управления предполагает *анонимное осуществление власти*. Поднадзорное множество разбивается на атомы-индивиды, а перманентное наблюдение за ними предполагает выявление и учет склонностей каждого. «Надзирающий центр» незрим, так же как непрозрачны и его цели. «Надзираемые» могут только догадываться (и непременно должны это делать!), что в каждый момент времени их поведение контролируется и изучается.

Примечательно, что паноптический проект Дж. Бентама предполагал возможность осуществления надзора не в одном, а в двух направлениях. Паноптикум задумывался как универсальный проект устрой-

---

[1] Подробнее о паноптизме см.: *Galič M., Timan T., Koops B.* Bentham, Deleuze and beyond: An overview of surveillance theories from the panopticon to participation // Philosophy & Technology. 2017. No. 30. P. 12.

[2] *Фуко М.* Надзирать и наказывать. С. 244–245.

[3] Там же. С. 245.

[4] Там же. С. 245–250.

ства любого общественного учреждения, в том числе и государственных органов, где уже не власть следит за гражданами, а граждане имеют возможность из любой точки наблюдать за властью. В ситуации осуществления надзора за государственными чиновниками речь идет об «обратном», или реверсивном паноптикуме[1]. Из детективных кинофильмов нам хорошо известно, как в полицейских участках в комнатах для допросов и опознаний работает зеркало, отражающее изнутри комнаты, тогда как снаружи – прозрачное, позволяющее наблюдать, будучи невидимым. Именно такое устройство кабинетов государственных служащих предлагал Бентам[2]. Любопытно, что уже в наши дни данная идея нашла воплощение в законодательном закреплении принципа транспарентности (открытости) деятельности государственного аппарата и современных системах противодействия коррупции. Одной из задач, которую китайское руководство пытается решать посредством ССК, как ни странно, также является достижение прозрачности деятельности чиновников и, тем самым, повышение доверия граждан к государственному аппарату.

К началу XX века возникла и очень быстро обрела популярность «система научной организации труда» Фредерика Тейлора[3]. Обычно она рассматривается как основа для развития современного менеджмента, однако ее подлинное значение выходит далеко за рамки узкокорпоративного применения: по большому счету, она является моделью организации всего общества. Ф. Тейлор рассматривал тело работника как машину, являющуюся частью «индустриального» порядка, который он стремился выстроить по образцу мобилизационной организации военного времени. Фабрика являлась для него не только и не столько местом производства, но в первую очередь – «моральной гимназией»[4], посредством муштры производящей людей с правильным

---

[1] *Leroy M.-L.* Transparency and politics: The reversed panopticon as a response to abuse of power // Beyond Foucault. New Perspectives on Bentham's Panopticon / Ed. by A. Brunon-Ernst. Farnham: Ashgate Publishing, 2012. P. 143–160.

[2] *Bentham J.* Constitutional Code for the Use of All Nations and All Governments Professing Liberal Opinions. Vol. 1. London, 1830. P. 571–598.

[3] См.: *Taylor F.W.* The Principles of Scientific Management. New York and London: Harper & Brothers Publishing, 1919.

[4] *Taylor F.W.* Taylor's testimony before the Special House Committee // The Early Sociology of Management and Organizations. Vol. I. Scientific Management / ed. by Kenneth Thompson. New York and London: Routledge, 2003. P. 213–216.

характером и «полезными» привычками: послушных, контролируемых, готовых подчиняться. Тейлор стал своего рода «вторым пришествием» Дж. Бентама, поскольку спроектированная им модель фабричной организации основывалась на принципах, схожих с паноптикумом; надзирателями при этом были менеджеры-управляющие, которым и должны были «учиться повиноваться» простые рабочие, обязанные для этого выполнять строго предписанные движения, с определенной скоростью, ритмом и качеством. По сути, это было «программирование» ритуализованных движений в рамках нового, индустриализованного, «храма» науки, промышленности и техники.

Тейлоризм является одним из самых первых «инновационных режимов» и, однозначно, до сих пор самым успешным из основанных на получении и производстве данных. Система Тейлора, дополненная затем «фордизом», запустила механизм редукции человека: от него с каждым новым шагом, нововведением, инновацией, требовалось все меньше и меньше ума, силы, знаний, независимости, совести и т. д. И все это не посредством переустройства всего общества, а лишь посредством переустройства локального пространства – завода, больницы, казармы, тюрьмы и т. п. Любопытно, что тейлористской системой организации общества в свое время восхищался В.И. Ленин[1]: имея, казалось бы, совершенно разное целеполагание, капитализм и социализм, два соперничающих порождения европейского общества, с одинаковой энергией старались дисциплинировать, подчинить, поставить под контроль индивида.

***

Парадоксально, но все то, что вызывает наибольшую озабоченность в контексте рассмотрения ССК и перспектив ее дальнейшего развития, во многих отношениях было подготовлено и предрешено уже на Западе. Китайская ССК и связанные с ней технологии контроля оказываются своеобразным «мостиком», связывающим западную историю развития общественных институтов с типично восточными политическими и общественно-культурными традициями. В ней причудливым образом соединились:

---

[1] См.: *Ленин В.И.* Очередные задачи Советской власти // В. И. Ленин. Сочинения. Т. 27. М.: Государственное издательство политической литературы, 1950. С. 229–230.

- характерные для истории китайских общественных институтов техники круговой поруки, ранжирования (грейдирования) индивидов, учета персональных данных;
- легистский исключительный акцент на строгости наказаний и таком управлении обществом, при котором его члены должны сами следить друг за другом;
- конфуцианское размывание права и морали с его заменой правовых предписаний повседневными ритуалами-рутинами и снижением роли права как регулятора общественных отношений;
- бентамовско-модернистский паноптизм с его перманентным индивидуализированным надзором, учетом склонностей каждого и возможностью проверить каждого в любой момент;
- тейлористская автоматизация повседневных действий, вытесняющая сознание и поставленная на службу корпораций, государства и социума как тотальности.

Китайские разработчики ССК первоначально ориентировались именно на западный опыт выстраивания систем кредитной оценки; теперь же, судя по всему, уже опыт Китая является «передовым», а потому перенимается остальным миром.

1.2.3. ССК шагает по планете

Сегодня мы все становимся свидетелями стремительного распространения механизмов, составляющих систему социального кредита и сопутствующих ей, по всему земному шару. Отчасти этому способствуют процессы расширения КНР своего экономического и политического влияния в мире, отчасти же – распространение социально-кредитных механизмов является объективным и всеобщим процессом развития управленческих техник, не имеющим прямой связи с деятельностью китайских властей.

В настоящее время распространение отдельных составляющих китайской ССК при прямой технологической поддержке КНР можно наблюдать в странах Латинской Америки и Средней Азии.

Примерно с конца 2016 года китайское правительство интенсифицировало политику стратегического экономического сотрудничества со

странами Латинской Америки, направив значительные инвестиции в энергетические проекты, агрокомплекс и государственный сектор Аргентины, Боливии, Бразилии, Венесуэлы, Мексики, Перу, Чили и Эквадора. Китайские телекоммуникационные компании, выдворенные с рынка Соединенных Штатов, стали ключевыми поставщиками телекоммуникационного оборудования для нужд госсектора стран Латинской Америки и частных компаний[1]. Нечего удивляться, что при таком нарастающем сотрудничестве латиноамериканских правительств с правительством КНР в Латинскую Америку были экспортированы и продвинутые технологии социального контроля.

При технической поддержке китайских специалистов из Китайской государственной корпорации по импорту и экспорту электроники (CEIEC) и компании Huawei были серьезно модернизированы система безопасности *ECU 911* в Эквадоре и *BOL-110* в Боливии. Так называемая «комплексная служба безопасности ECU 911» (Servicio integrada de seguridad ECU 911) начала разрабатываться и внедряться в 2011–2012 годах. По состоянию на 2019 год, благодаря китайским решениям, она объединяла уже порядка 4300 камер наружного наблюдения, 16 мониторинговых центров в Эквадоре и обслуживающий персонал из более чем 3000 человек[2]. По имеющимся данным[3], интеллектуальные системы видеонаблюдения ECU 911 и BOL-110 являются базовыми версиями аппаратно-программного комплекса Xueliang, ранее внедренного в КНР и предполагающего использование алгоритмов искусственного интеллекта для фиксации правонарушений, поиска людей и слежки[4]. Помимо названных систем, предназначенные для наблюдения и контроля аппаратно-программные комплексы китайского производ-

---

[1] *Ellis E.* The strategic context of China's advance in Latin America // Note d'actualité de l'Observatoire de la Chine. 2017. No. 17 (24).

[2] *Mozur P., Kessel J.M., Chan M.* Made in China, exported to the world: The surveillance state // The New York Times. Apr. 24, 2019. URL: https://www.nytimes.com/2019/04/24/technology/ecuador-surveillance-cameras-police-government.html.

[3] Полное официальное наименование – Комплексная система управления и контроля гражданской безопасности BOL-110 (Sistema integrado de comando y control para la seguridad ciudadana BOL-110).

[4] О связи эквадорской ECU 911 и китайского проекта Xueliang (в англоязычных источниках – *«Sharp Eyes»*) см.: *Rollet C.* Ecuador's all-seeing eye is made in China // Foreign Policy. Aug. 9, 2018. URL: https://foreignpolicy.com/2018/08/09/ecuadors-all-seeing-eye-is-made-in-china/.

ства установлены в аргентинской провинции Хухуй, в зоне свободной торговли Панамы, в пограничных районах Уругвая[1]. Схожие проекты развертывания сетей видеонаблюдения Китай реализует в Пакистане[2], Зимбабве, Уганде[3], Кении[4], Киргизии, Таджикистане, Узбекистане[5] и ряде других стран, выступая в качестве не только экспортера, но и государства, задающего стандарты в области безопасности, контроля и надзора.

В 2017 году по решению правительства Николаса Мадуро в Венесуэле начал реализовываться масштабный проект выдачи гражданам новых удостоверений личности, содержащих персонализированный QR-код. Удостоверение нового стандарта получило название *Carnet de la Patria*, т. е. «карта Отечества» (рис. 11). Созданием технологической инфраструктуры работы ID-карт занималась китайская компания ZTE[6]. Фактически, если верить сообщениям наблюдателей, инженерами ZTE была выстроена система не только идентификации, но и профилирования граждан. По данным Reuters, венесуэльская система идентификации предусматривает сбор данных о составе семьи гражданина, о его месте работы и доходах, владении имуществом, полученных государственных пособиях, о страницах в социальных сетях, о членстве в политических партиях и об

---

[1] *Ellis R.E.* China Engages Latin America: Distorting Development and Democracy? Cham: Palgrave Macmillan, 2022. P. 106.

[2] China installs over 500 surveillance cameras in Gwadar city of Pakistan // The Print. June 22, 2022. URL: https://theprint.in/world/china-installs-over-500-surveillance-cameras-in-gwadar-city-of-pakistan/1007442/.

[3] См.: *Jili B.* The rise of Chinese surveillance technology in Africa (part 1 of 6) // Electronic Privacy Information Center. May 31, 2022. URL: https://epic.org/the-rise-of-chinese-surveillance-technology-in-africa/.

[4] См.: Huawei's surveillance tech in Kenya: a safe bet? // Africa Times. Dec. 18, 2019. URL: https://africatimes.com/2019/12/18/huaweis-surveillance-tech-in-kenya-a-safe-bet/; *Mbuthia B.* Kenya police, Chinese gov't launch surveillance centre to monitor SGR // Citizen Digital. Feb. 23, 2022. URL: https://www.citizen.digital/news/kenya-police-chinese-govt-launch-surveillance-centre-to-monitor-sgr-n293110;

[5] См.: *Яу Н.* Китай экспортирует в Центральную Азию системы тотальной слежки // Eurasianet. 09.09.2019. URL: https://russian.eurasianet.org/китай-экспортирует-в-центральную-азию-системы-тотальной-слежки.

[6] *Bandow D.* China exports its 'social credit' system to Venezuela // Jan. 8, 2020. URL: https://www.acton.org/pub/commentary/2020/01/08/china-exports-its-social-credit-system-venezuela.

участии в выборах, а также данных медицинской карты[1]. От регистрации в системе зависит получение продуктовых наборов малоимущими, государственных пособий, пенсий, бесплатной медицинской помощи – таким образом, опасения части жителей Венесуэлы, согласно которым новое удостоверение личности на деле должно стать средством всестороннего контроля за их активностью, не являются беспочвенными. Стоит также отметить, что, в отличие от эквадорской и боливийской систем видеорегистрации и видеоанализа событий, венесуэльский проект в гораздо большой мере воспринял именно социально-кредитную составляющую современных китайских управленческих техник и продолжает заложенный в них принцип: *услуги в обмен на лояльность*.

Рис. 11. Реклама «Карты Отечества» с сайта Национальной комиссии Венесуэлы по телекоммуникациям. Проект характеризуется как средство идентификации и ведения статистики, позволяющее выявить уязвимые группы населения и определить потребности каждого венесуэльца

[1] *Berwick A.* How ZTE helps Venezuela create China-style social control // Reuters. Nov. 14, 2018. URL: https://www.reuters.com/investigates/special-report/venezuela-zte/.

Экспорт китайских технологий социального контроля по всему миру – отнюдь не единственный источник распространения социально-кредитных механизмов, имеющих, как следует из представленного выше обзора доктринальных оснований ССК, глобальные предпосылки. В некоторых странах свои собственные проекты всеобщей идентификации, профилирования и цифрового контроля развиваются без какой-либо оглядки на китайский опыт и, разумеется, без всякой связи с китайскими государственными корпорациями.

Если говорить о проектах идентификации граждан, то наиболее впечатляющим из них на сегодняшний день является индийская система биометрической идентификации *Aadhaar* под управлением Агентства Индии по уникальной идентификации (UIDAI). Агентство было образовано правительством страны в 2009 году, и к середине 2010 года разрабатываемый им проект получил это название[1].

Система уникальных идентификационных номеров (UID) Aadhaar охватывает почти все более чем миллиардное население Индии и может использоваться в качестве универсального интерфейса для взаимодействия индивида с государственными органами и организациями, а также частными компаниями[2]. Уникальный номер, присваиваемый системой, предназначен для верификации личности индивида в режиме реального времени. Принцип работы системы примерно таков: гражданин обращается за той или иной публичной услугой, либо заключает сделку с частной организацией, а в качестве удостоверения личности предоставляет свою идентификационную карту; сотрудник госоргана или коммерческой компании (например, аэропорта) с помощью специального устройства считывает отпечатки пальцев или радужную оболочку глаз индивида, после чего система осуществляет запрос к центральной базе данных и сверяет личность гражданина с предоставленным им идентификационным номером.

Регистрация в Aadhaar носит «добровольно-принудительный» характер: никто никого не обязывает сдавать свои биометрические данные и регистрироваться в системе, однако без уникального идентификационного номера гражданин оказывается отрезанным от социальных

---

[1] На нескольких распространенных в Индии языках, включая хинди, *aadhaar* (आधार) означает «основание».

[2] *Rao U., Nair V.* Aadhaar: Governing with biometrics // South Asia: Journal of South Asian Studies. 2019. Vol. 42 (3). P. 469.

пособий, медицинского и пенсионного обеспечения, не может голосовать на выборах и пользоваться объектами общественной инфраструктуры, доступ к которым требует идентификации личности. В настоящее время система собирает сравнительно небольшой набор данных о каждом индивиде, включающий в себя отпечатки пальцев и снимки радужных оболочек глаз, фотографию гражданина, а также минимальные сведения регистрационно-биографического характера: имя, пол, дату рождения и место жительства. Данные хранятся централизованно, и разработчики Aadhaar настаивают на том, что система не делает ничего, кроме подтверждения (ответ «да» / «нет») принадлежности идентификационного номера индивида его биометрическим данным, содержащимся в центральном репозитории[1]. Критики системы, однако, опасаются расширения набора собираемых данных, что, по их мнению[2], предоставит властям беспрецедентную власть над людьми. Как отмечают эксперты, архитектура системы Aadhaar рассчитана на то, что со временем к ней будет подключаться все больше и больше государственных организаций и частных компаний, а поставщики коммерческих услуг будут разрабатывать мобильные приложения, идентификация пользователей в которых будет основана на номере UID[3]: таким образом, государство как оператор централизованной базы данных получит информацию о перемещениях индивида, об использовании им тех или иных коммерческих сервисов, о его потребительских привычках. Индийские правозащитники также выражают опасения, что однажды Aadhaar начнет использоваться в целях надзора, профилирования граждан и отслеживания их передвижений[4].

На сегодняшний день отсутствуют свидетельства осуществления профилирования граждан через систему биометрической идентифика-

---

[1] *Dass R.* Unique identification for Indians: A divine dream or a miscalculated heroism? // Vikalpa. 2011. Vol. 36, № 1. P. 3.

[2] См.: *Khera R.* Aadhaar and privacy // Dissent on Aadhaar: Big Data Meets Big Brother / ed. by R. Khera. Hyderabad: Orient Black Swan, 2019.

[3] *Divan S.* Aadhaar's biometric tsunami: will it sweep away privacy, drown civil liberties? // Dissent on Aadhaar: Big Data Meets Big Brother / ed. by R. Khera. Hyderabad: Orient Black Swan, 2019.

[4] *Khera R.* Op. cit.; *Menon Sen K.* From Aadhaar to Aarogya Setu: How surveillance technology is devaluing India's democratic rights [online]. Available from: URL: https://scroll.in/article/960137/from-aadhaar-to-aarogya-setu-how-surveillance-technology-is-devaluing-indias-democratic-rights.

ции Aadhaar. В то же время эта система делает профилирование и отслеживание индивидов принципиально возможными. Граждане, так или иначе, оказываются включенными в цифровую архитектуру, опосредующую все больший и больший круг их действий, все большую сферу общественных отношений. Система уникальных идентификационных номеров Aadhaar сама по себе не имеет социально-кредитного содержания (т. е. не направлена на *оценку* поведения граждан), однако может служить в качестве фундамента (этимология слова *aadhaar* здесь говорит сама за себя) для социально-кредитной оценки индивидов. Aadhaar – это аналог китайской единой системы социально-кредитных кодов, дополненной и усиленной биометрической составляющей.

***

Хотя проект Aadhaar впечатляет масштабами охвата населения, он все же лишь с натяжкой может быть поставлен в один ряд с китайскими социально-кредитными экспериментами. Зато в этой части любопытен проект, внедряемый в настоящее время в итальянских городах Риме и Болонье и нацеленный на стимулирование социально полезного поведения граждан.

Мобильное приложение, именуемое «умным кошельком гражданина» (*Smart Citizen Wallet*), по замыслу его разработчиков, должно функционировать наподобие программ лояльности в современных супермаркетах, когда следование ожидаемой модели поведения позволяет потребителю накапливать скидочные баллы и приобретать товары по более выгодным ценам[1]. По словам Массимо Бугани, асессора по цифровизации администрации Болоньи, «граждане будут поощряться, если будут раздельно сортировать мусор, пользоваться общественным транспортом, разумно расходовать энергию, не будут иметь взысканий от муниципальных властей, будут активно пользоваться картой «Культура»[2]. Стоит обратить внимание на то, что Smart Citizen Wallet пред-

---

[1] *Gareri R.* I Progetti di Agenda Digitale e nuovo Piano Smart City. URL: URL: https://www.comune.roma.it/web-resources/cms/documents/R._Gareri_I_Progetti_di_Agenda_Digitale_e_nuovo_piano_Smart_City_-_Roma_Capitale.pdf.

[2] *Rosano F.* Bologna, la «patente digitale» per i cittadini virtuosi: punti e premi. E un'app con tutti i servizi // Corriere di Bologna. 29.03.2022. URL: https://corrieredibologna.corriere.it/bologna/politica/22_marzo_29/bologna-patente-digitale-

полагает учет поведения горожан за пределами сферы правового регулирования, либо на границе правового регулирования. Пользование общественным, а не личным транспортом и активное посещение культурных мероприятий по специальной муниципальной карте, разумеется, не относятся к юридическим обязанностям гражданина. Однако уже сам факт того, что новый муниципальный проект затрагивает эти вопросы, свидетельствует о том, что, по крайней мере, для местных властей стимулирование определенного поведения граждан в таких делах является немаловажной задачей.

***

Внедрение социально-кредитного проекта в Италии, государстве-члене Европейского Союза, достаточно показательно. Социально-кредитные механизмы, не обязательно в тех же формах, что и в КНР, постепенно распространяются по миру, причем основным фактором их распространения, судя по всему, служит не идеология (правящих кругов), а сама технология (делающая учет и стимулирование поведения людей, поощрение ожидаемых от них поступков и ограничение их в определенных отношениях исключительно простыми функциями автоматизированных систем). Действительно, остается лишь в очередной раз повторить тезис Мелвина Кранцберга[1] о том, что технология не хороша и не плоха, но уж точно не нейтральна.

Все более широкое внедрение социально-кредитных механизмов в область публичного (да и частного, корпоративного[2]) управления, судя

---

cittadini-virtuosi-punti-premi-un-app-tutti-servizi-5a861258-af3a-11ec-9372-638361423a51.shtml.

[1] См. предисловие.

[2] В 2017–2018 годах СМИ сообщали о работе австралийского сервиса найма жилья Trustbond. Сервис предлагал собственнику жилого помещения при заключении договора аренды с нанимателем ориентироваться на рейтинг нанимателя (так называемый *«Trustbond social score»*), вычисляемый на основе данных из платформ Airbnb, Ebay, Uber, а также из открытых интернет-источников. Идея Trustbond заключалась в том, что при высоком рейтинге нанимателю не требовалось выплачивать собственнику жилья традиционный для таких отношений страховой депозит в обеспечение обязательств по договору аренды, либо размер страхового депозита мог быть существенно снижен. Гарантией должен был выступать не страховой депозит, а балльный рейтинг (*social score*). См.: *Duke J.* What home ownership and renting will look like in

по всему, является приметой нынешнего времени и отражает не специфически китайский (или азиатский), а общемировой тренд к *датафикации*[1] регулирования. Не зря европейские ученые Даити Мак Шифи и Матиас Симс замечают, что китайский подход к управлению через доверие должен внимательно изучаться на Западе, причем не в качестве образца или контрпримера, а в качестве иллюстрации становящегося все более популярным использования методов количественных вычислений и репутационных инструментов в различных сферах общественной жизни[2]. Китайский юрист Ю Цинсун вторит им:

> *«Несомненно, что система социального кредита, выстраиваемая в моей стране, знаменует собой новую форму цифрового управления, и страны западной либеральной демократии также движутся в схожем направлении. Иными словами, общая тенденция к основанному на анализе больших данных социально-кредитному управлению является глобальной и необратимой»*[3].

Если ССК и составляющие ее механизмы действительно является инновационной техникой управления, развивающейся и распространяющейся в мировых масштабах вместе с прорывными цифровыми технологиями, очевидно, что мы можем говорить о фундаментальных сдвигах в моделях регулирования общественных отношений, осуществления государственной и муниципальной административной деятельности. Возможно, речь даже может идти о существенных трансформациях в сложившейся ранее модели государственности, взаимодействия государства и гражданского общества, наконец – в нашем понимании права, юридической ответственности, вины и наказания.

Цифровое профилирование, социальное ранжирование, рейтингование – новые знаки времени. Вероятно, в дальнейшем они будут принимать разнообразные формы, охватывая уже не только субъектов (фи-

---

2027 // Domain. Sep. 26, 2017. URL: https://www.domain.com.au/news/what-home-ownership-and-renting-will-look-like-in-2027-20170926-gyh7yn/; *Malo J.* Black Mirror-style bond system set to revolutionise Australia's rental industry // Domain. Apr. 10, 2018. URL: https://www.domain.com.au/news/black-mirrorstyle-bond-system-set-to-revolutionise-australia8217s-rental-industry-20180410-h0ylbv/.

[1] От *datafication* – оцифровывание.

[2] *Mac Síthigh D., Siems M.* Op. cit. P. 1070.

[3] *虞青松 [Yu Qingsong]*. Op. cit.

зических и юридических лиц), но и объекты. Первые примеры уже есть. По сообщениям СМИ, в Казахстане с 2018 года разрабатывается система рейтингования источников информации, размещаемой в интернете[1]. Ученые планируют создать технологию автоматизированной (т.е. алгоритмической) категоризации источников информации на основе анализа данных, размещаемых этими источниками. При этом, как можно понять из публикуемых СМИ материалов, основной мишенью проектируемой системы должны стать «деструктивная критика, манипуляции и политизированность в текстах». По видимости, предполагается, что источники с недостоверной, подозрительной или даже просто критической по отношению к официальным властям информацией будут блокироваться, ограничиваться в поисковой выгрузке, а их владельцы, при необходимости, будут привлекаться к юридической ответственности. Пикантности ситуации придает то, что в соответствии с казахстанским законодательством к средствам массовой информации приравниваются интернет-ресурсы, не требующие постановки на учет, т. е. те, ведение которых осуществляют рядовые граждане (например, интернет-блоги)[2]. Начав с ранжирования объектов (сообщений СМИ и интернет-ресурсов), система, если ее удастся разработать и ей будет придан официальный статус, de facto должна будет ранжировать людей и их объединения.

Социально-кредитные механизмы открывают широкий простор для развития публичного контроля и надзора. С рассмотрения их воздействия на контрольно-надзорную деятельность государства, пожалуй, и следует начать анализ трансформирующих эффектов внедрения социального кредита в практику публичного управления.

---

[1] *Муканов Б.* Миллиард тенге выделили ученым на социальный рейтинг СМИ. Почему это касается всех? // InformBuro. 13.05.2019. URL: https://informburo.kz/stati/milliard-tenge-vydelili-uchyonym-na-socialnyy-reyting-smi-po-chemu-eto-kasaetsya-vseh.html.

[2] См.: Закон Республики Казахстан от 23 июля 1999 года № 451-I «О средствах массовой информации» (с изменениями и дополнениями по состоянию на 03.05.2022 г.). URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1013966.

2. ТРАНСФОРМИРУЮЩИЕ ЭФФЕКТЫ ВНЕДРЕНИЯ СОЦИАЛЬНО-КРЕДИТНЫХ МЕХАНИЗМОВ

2.1. ВОЗДЕЙСТВИЕ СОЦИАЛЬНО-КРЕДИТНЫХ МЕХАНИЗМОВ НА УПРАВЛЕНЧЕСКИЕ И ПРАВОВЫЕ ПРОЦЕДУРЫ

2.1.1. Социально-кредитные механизмы в контрольно-надзорной и разрешительной деятельности

Наиболее очевидной областью приложения социально-кредитных механизмов является контрольно-надзорная[1], а также разрешительная (лицензионная) деятельность государственных и муниципальных органов.

ССК строится на идее, согласно которой меры воздействия со стороны государства в отношении профилируемых лиц должны определяться ранее зафиксированными социально-кредитными записями о них в их цифровых профилях (т. е. записями из государственных, муниципальных и корпоративных баз данных, доступных посредством системы обмена кредитной информацией). За неодинаковые поступки в прошлом должны следовать различные административные меры. Политика в отношении различных категорий управляемых лиц должны быть дифференцирована. Чем выше доверие к профилируемому лицу, тем меньше к нему предъявляется требований. Чем ниже доверие, тем требования строже. Доверие – производная репутационной информации, подлежащей оцифровке, фиксации, хранению и анализу. Таким

[1] О применении в контрольно-надзорной деятельности более широкого спектра современных цифровых технологий см.: *Мартынов А.В.* Актуальные вопросы применения искусственного интеллекта при осуществлении контрольно-надзорной деятельности органов исполнительной власти // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2020. № 2. С. 175–186.

образом, управление посредством социально-кредитных механизмов есть, по сути, *управление рисками*. Если вероятность правонарушения со стороны лица, ранее не допускавшего нарушений в соответствующей сфере отношений, оценивается как низкая, значит, внимание контрольно-надзорных органов можно перенаправить с этого лица на тех, кто прежде не был столь законопослушен. Субъекты и их акты, которые могут быть сочтены подозрительными, требуют повышенной внимательности. Вовлечение репутационных (социально-кредитных) данных в контрольно-надзорную практику очевидным образом позволяет снизить затраты финансовых, человеческих и временных ресурсов.

Будучи одной из форм осуществления публичного управления в масштабах общества, контрольно-надзорная деятельность направлена на оценку эффективности деятельности подконтрольных лиц, пресечение и профилактику правонарушений, обеспечение государственной дисциплины в соответствующих сферах общественной жизни, выявление и отражение угроз безопасности государства, общества, личности[1]. Контрольно-надзорная деятельность может выражаться в проведении проверок, ревизий, осуществлении наблюдений, мониторинга. Контрольная функция присуща регистрационным, сертификационным, лицензионно-разрешительным мероприятиям уполномоченных органов.

В качестве объекта контрольно-надзорных мероприятий, как правило, выступает деятельность коммерческих и некоммерческих юридических лиц, индивидуальных предпринимателей, структурных элементов государственного аппарата, отдельных государственных служащих и, реже, рядовых граждан. Наиболее распространены проверки юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, т. к. именно они являются производителями потребляемой массами продукции, поставщиками услуг, они сосредоточивают в своих руках крупные объекты недвижимого имущества и объемы денежных средств. Некоммерческие организации, аккумулируя на своих банковских счетах нередко достаточно крупные суммы денег, могут представлять определенную угрозу интересам государства и общества, если финансируют и реализуют нежелательные для государства проекты, прилагают усилия к демонтажу существующего политического строя или пытаются неза-

---

[1] См., например: *Лапина М.А.* Сущность государственного контроля (надзора) и генезис его законодательного определения // Финансы: теория и практика. 2016. № 4 (20). С. 152–157.

конными способами оказать давление на принятие госорганами определенных решений. Профилирование лиц, находящихся в поле контрольно-надзорной деятельности государства, может быть эффективным способом купирования возможных угроз.

В КНР уже сейчас периодичность проведения проверок и их объем определяются содержанием социально-кредитных данных о поднадзорном лице: чем хуже социально-кредитные записи, тем чаще и глубже проверки. По крайней мере, установление такой зависимости предусмотрено уже упоминавшимся выше пунктом 37 Руководящих заключений Канцелярии Государственного Совета об ускорении строительства системы социального кредита и создании нового, основанного на кредите, механизма надзора. Административные органы КНР на всех уровнях обязаны учитывать социально-кредитные показатели организаций и граждан, в отношении которых осуществляются контрольно-надзорные мероприятия.

Аккумулирование больших массивов репутационной информации о гражданах, организациях и государственных органах в единых, доступных для различных ведомств, базах данных открывает перспективы более адресного и эффективного контроля за соблюдением законодательства в самых различных сферах правового регулирования. Создание платформ обмена данными и переход к их алгоритмической обработке делают возможным осуществление *автоматизированного и перманентного* (т. е. осуществляемого непрерывно) *пруденциального надзора в режиме управления рисками*. Такой режим управления предполагает, что те контрольно-надзорные задачи, которые можно реализовать посредством автоматизированного анализа имеющихся данных (материалов представляемой отчетности, истории прошлых проверок и иных взаимодействий поднадзорного лица с контролирующими органами), выполняются алгоритмами искусственного интеллекта, тогда как другая часть задач, требующая человеческого вмешательства, выполняется уполномоченными должностными лицами при помощи или без всякой помощи алгоритмических систем-ассистентов. В отношении предприятий, чья отчетность и иные показатели, доступные для машинного анализа, позволяют говорить о вероятном отсутствии нарушений, очные проверки могут не назначаться[1].

---

[1] О данном подходе к контрольно-надзорной деятельности см.: *Е Лань.* Этическое построение и управление рисками в области менеджмента социаль-

Впрочем, намечающийся под влиянием внедрения социально-кредитных механизмов сдвиг в осуществлении контроля и надзора таит в себе и «подводные камни», о которых также необходимо иметь представление.

Во-первых, создание цифровых профилей и превращение громадных массивов информации о субъектах, особенностях их поведения, об их доходах, платежах и социальных связях (в том числе о договорных отношениях, в которые субъекты вступают) ставит самих субъектов соответствующих персональных данных в крайне уязвимое положение, поскольку любая утечка таких данных может привести к катастрофическим последствиям для жизнедеятельности, репутации, коммуникации и будущего гражданина или организации. Формирование централизованных баз данных с возможностью обращения к информации о любом субъекте делает крайне актуальным вопрос о надлежащей защите соответствующих баз данных от атак извне, равно как и вопрос о пределах доступа тех или иных должностных лиц к содержимому баз данных.

Во-вторых, перспектива алгоритмической обработки юридически значимой информации о физических и юридических лицах заставляет задуматься о проблеме прозрачности механизмов алгоритмического оценивания такой информации и принятия соответствующих юридически значимых решений.

В-третьих, осуществление административной, в том числе разрешительной и контрольно-надзорной, деятельности с преимущественной опорой на социально-кредитные (репутационные) данные о лицах, выступающих объектами такой деятельности, неизбежным образом ведет к делению этих лиц на различные категории (законопослушные, недобросовестные и т. п.) с последующей дифференциацией государственной политики по отношению к различным категориям лиц. Субъекты, по той или иной причине допустившие правонарушение или оказавшиеся не в состоянии выполнить предписанную законом или договором обязанность, оказываются в положении лиц, от которых заведомо ожидается повторное нарушение и внимание к которым может стать чрезмерным. В таком случае повышенные требования и более

ного кредитования в эпоху больших данных // Цифровизация общества и система социального кредита: монография / под ред. И.А. Ветренко. СПб.: ИПЦ СЗИУ РАНХиГС, 2022. С. 153.

частые и глубокие проверки с большой вероятностью будут приводить к выявлению новых нарушений; выйти из замкнутого круга пристрастного отношения контрольно-надзорных органов будет крайне трудно. С другой стороны, показательно «законопослушные» и «добросовестные» субъекты в том или иной ситуации могут воспользоваться лакунами в государственном контроле для того, чтобы совершить нарушение, которое с высокой долей вероятности может остаться незамеченным.

Четвертая проблема в контексте рассматриваемых вопросов связана с возможностью ошибок при внесении репутационной информации в базы данных, а также при выгрузке из баз данных. Несмотря на то, что действующие в КНР нормативные правовые акты предусматривают возможность обжалования ошибочного включения в черный список, такая ошибка может дорого стоить субъекту: например, гражданину может быть отказано в выезде за рубеж, в устройстве на работу, или, допустим, организация не будет допущена к участию в торгах, вследствие включения в черный список с ней откажутся работать потенциальные контрагенты.

В лицензионно-разрешительной деятельности перспективы использования социально-кредитных данных также довольно-таки очевидны. Лицам, включенным в черные списки, может быть отказано в предоставлении лицензий и, тем самым, закрыт доступ на те или иные рынки. Напротив, субъектам с безупречными социально-кредитными записями могут быть предоставлены определенные преференции: снижение размера государственной пошлины за получение лицензии, предоставление лицензии на более долгий срок или бессрочно, возможность донести / подготовить недостающие документы в рамках процедуры лицензирования без принятия решения об отказе в выдаче разрешения (как уже говорилось выше, в КНР такая практика именуется политикой «зеленого коридора»).

По большому счету, не только китайское законодательство, но также и законодательства многих современных государств предусматривают запреты на получение отдельных видов разрешений либо руководство организациями, осуществляющими лицензируемые виды деятельности, гражданам с репутационными дефектами[1]. Китайский соци-

[1] Например, пункт 5 постановления Правительства Российской Федерации от 28 октября 2014 года № 1110 «О лицензировании предпринимательской

альный кредит, однако, делает учет репутационных данных – и отнюдь не только касающихся имевших место случаев уголовного преследования – краеугольным камнем государственной политики в области лицензирования. Репутационной оценке в рамках ССК в КНР подвергаются не только должностные лица соответствующих организаций, но и сами организации. Учет репутационных данных не ограничивается сведениями о привлечении лица к уголовной и административной ответственности, но также включает в себя учет сведений о качестве выпускаемой предприятием продукции (оказываемых услуг).

Переход к основанным на цифровых технологиях социально-кредитным механизмам предполагает комплексную оценку субъекта, выстраивание тонких границ допустимого и недопустимого, доступного и недоступного в зависимости от наличия тех или иных данных в цифровом профиле. Вероятно, дальнейшее развитие технологий профилирования и ранжирования (рейтингования) позволит отсекать от доступа к наиболее социально значимым или опасным видам деятельности лиц, которые к ним наименее пригодны, которые уже имели определенные нарушения в прошлом, либо чья продукция не соответствовала определенным стандартам качества. Развитие социально-кредитных механизмов также может вылиться в большей дифференциации выдаваемых лицензий (разрешений). Такая дифференциация могла бы исходить из учета и комплексного анализа множества параметров, характеризующих соискателя лицензии, и выражаться в предоставлении разрешений с различными сроками действия, перечнями допустимых операций, предельным количеством клиентов и т. д.

2.1.2. От частично автоматизированного принятия решений к алгоритмическому правосудию?

Социально-кредитные механизмы тесно взаимосвязаны с развитием систем автоматизированного (алгоритмического) принятия реше-

---

деятельности по управлению многоквартирными домами» содержит требование об отсутствии у должностного лица соискателя лицензии неснятой или непогашенной судимости за преступления в сфере экономики, преступления средней тяжести, тяжкие и особо тяжкие преступления.

ний. Как уже говорилось выше, одной из неотъемлемых составляющих таких механизмов является профилирование находящихся под управлением лиц. Оно же, в свою очередь, предполагает автоматизацию процедур принятия решений в отношении объектов профилирования. Так или иначе, когда речь заходит о внедрении социально-кредитных механизмов в сферу публичного управления, на повестку встает проблема изменения практики правоприменительной деятельности как властной деятельности, предполагающей принятие индивидуально-адресованных обязательных к исполнению предписаний для конкретных случаев.

Традиционно правоприменительная деятельность рассматривается юристами примерно следующим образом:

(1) это властная деятельность, осуществляемая уполномоченными органами и должностными лицами того или иного устойчивого социального института (обычно речь идет о государстве);

(2) эта деятельность связана с рассмотрением / разрешением конкретной юридически значимой ситуации (юридического дела) и имеет индивидуальный характер, т. е. осуществляется в отношении индивидуального определенного лица (лиц);

(3) эта деятельность направлена на возникновение конкретных правовых последствий (порождение, изменение, прекращение или подтверждение субъективных прав и юридических обязанностей, юридической ответственности субъектов правоотношений);

(4) эта деятельность имеет процедурный характер, иными словами – осуществляется в рамках установленной процедуры.

Правоприменительная деятельность подчиняется определенным требованиям, или принципам, в числе которых, как правило, называют законность, справедливость, обоснованность и целесообразность[1]. Если речь заходит о правоприменительной деятельности в рамках действия механизма юридической ответственности (т. е. о правоприменении в ходе рассмотрения и разрешения дел о преступлениях, административных и дисциплинарных правонарушениях, гражданско-право-

[1] См., например: *Ярковой С.В.* Законность и обоснованность административной правоприменительной деятельности // Сибирское юридическое обозрение. 2017. № 14 (1). С. 82–89; *Ярковой С.В.* О требованиях юридической справедливости административной правоприменительной деятельности // Сибирское юридическое обозрение. 2019. № 3 (16). С. 396–400.

вых деликтах), то такой перечень принципов дополняется принципами индивидуализации, гуманизма, неотвратимости[1]. В целом, даже вне рамок механизма юридической ответственности, представляется допустимым признать, что правоприменительные решения должны опираться на, по возможности, всесторонний анализ рассматриваемых юридически значимых ситуаций, должны носить индивидуализированный характер, т. е. учитывать и объективно существующие факты, и относящиеся к субъектам характеристики. Использование специальных технических средств автоматической фото- и видеофиксации административных правонарушений уже отразилось на понимании некоторых из принципов правоприменения, а также привело к отдельным изъятиям из действия презумпции невиновности[2]. Автоматизированная фиксация правонарушений означает, что роль человека в оценке определенных юридически значимых фактов становится минимальной.

Наиболее простой формой автоматизированной фиксации правонарушений, делающей, соответственно, возможной полностью или частично автоматизированное принятие правоприменительного акта, является фото- / видеофиксация транспортных средств. Системы автоматизированной фото- и видеофиксации нарушений правил дорожного движения действуют во многих странах мира. Камера фиксирует нарушение и отправляет на сервер службы обеспечения безопасности дорожного движения информацию о самом нарушении и данные государственного регистрационного номера транспортного средства. На основе регистрационных данных транспортного средства устанавливается личность его владельца, после чего создается проект постановления о назначении административного наказания, который затем проверяется уполномоченным должностным лицом и заверяется электронной цифровой подписью[3]. В контексте настоящего исследования сле-

---

[1] См.: *Иванов А.А.* О системе принципов юридической ответственности // Вектор науки ТГУ. 2009. № 5 (8). С. 37–40; *Мифтахов А.М.* Понятие и значение индивидуализации наказания в российском уголовном праве // Ученые записки Казанского государственного университета. Гуманитарные науки. 2009. Т. 151. Кн. 4. С. 153–159.

[2] См., например, примечание к статье 1.5 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях.

[3] Принципиальная схема работы систем автоматической фиксации нарушений правил дорожного движения описана, например, здесь: *Кузнецов В.* Штрафы с камер ГИБДД в 2022 году // КоммерсантЪ. 27.10.2021. URL: https://

дует обратить внимание на то, что автоматизированное (не важно, полностью или частично) принятие правоприменительных актов опирается на систему регистрации транспортных средств. Личность привлекаемого к административной ответственности гражданина определяется по транспортному средству, осуществляется идентификация именно транспортного средства, а не правонарушителя (с этим связано то, что постановление о назначении штрафа выписывается на имя собственника зарегистрированного транспортного средства, а не на имя непосредственного водителя, допустившего зафиксированное в автоматическом режиме правонарушение).

Более продвинутые и сложные системы автоматизированной фиксации правонарушений в настоящее время способны устанавливать не только принадлежность транспортных средств в рамках борьбы с нарушителями правил дорожного движения, но и идентифицировать граждан непосредственно, вне связи с транспортными средствами или какими-либо иными объектами подлежащего регистрации имущества. Таковы современные системы видеонаблюдения с функцией распознавания лиц, выступающие, как правило, в качестве составляющих современных проектов *«smart city»*[1]. Пионером в их массовом внедрении и использовании для целей борьбы с правонарушениями является, как ни странно, КНР, несмотря на то, что сама технология распознавания лиц (*facial recognition*) начала развиваться не в Китае, а на Западе – прежде всего, в США[2]. Если для фото-/видеофиксации дорожных пра-

---

www.kommersant.ru/doc/5040245; *Wijers P.* The automated enforcement chain // Making Traffic Safer. March 15, 2017. URL: https://making-traffic-safer.com/automated-enforcement-chain/.

[1] *Smart city* (букв. «умный город») – концепция управления городскими территориями и проживающим на них населением, опирающаяся на повсеместное внедрение информационно-коммуникационных технологий. Внедрение новейших технологий в управление городом призвано, по идее, обеспечивать больший контроль за событиями со стороны административных органов, с одной стороны, и безопасность и удобство для пользования объектами городской среды, с другой. См. подробнее: *Montes J.* A historical view of smart cities: Definitions, features and tipping points // SSRN Electronic Journal. 2020. URL: https://ssrn.com/abstract=3637617.

[2] Описание основных этапов разработки технологии распознавания лиц, а также существующих на данный момент систем распознавания содержится в: *Adjabi I. et al.* Past, present, and future of face recognition: A review // Electronics. 2020. Vol. 9, № 8. P. 1188–1239.

вонарушений необходима база данных зарегистрированных транспортных средств, то для фиксации правонарушений, совершаемых в общественных местах непосредственно гражданами, требуется система цифровой идентификации личности и репозиторий, содержащий регистрационные и биометрические данные индивидов.

Интеллектуальная система видеонаблюдения для фиксации правонарушений, совершаемых, допустим, пешеходами на улицах города или посетителями публичных учреждений, должна производить сверку полученных камерами видеоизображений с изображениями идентифицируемых индивидов, содержащимися в соответствующих базах данных. Иными словами, такая фиксация правонарушений предполагает идентификацию. Профилирование, как следующее за идентификацией звено в конструкции социально-кредитных механизмов, здесь не является необходимым, однако может предполагаться – по крайней мере, как перспективный план развития социального контроля. В конце концов, если технологическая инфраструктура, с помощью которой оснащены общественные места (дороги и тротуары, общественный транспорт, станции метро, стадионы и пр.), позволяет в массе людей выделять правонарушителя, распознавать его личность и в автоматизированном (полностью или частично) режиме формировать соответствующий правоприменительный акт (постановление о назначении административного наказания), значит, нет никаких препятствий к тому, чтобы аккумулировать и хранить записи о фактах правонарушений и случаях привлечения к юридической ответственности, относящиеся к данному лицу. Здесь мы подходим к чрезвычайно важному и интересному моменту: *в случае соединения правоприменения с цифровым профилированием физических и юридических лиц перед правоприменителем открывается возможность тем или иным образом учитывать данные профилей при принятии решений*.

Отчасти этой проблемы мы уже коснулись выше, рассматривая перспективы внедрения социально-кредитных механизмов в контрольно-надзорную и лицензионно-разрешительную практику государственных и муниципальных органов. Однако, как оказывается, последствия такого внедрения могут не ограничиться дифференциацией частоты и глубины проверок, а также гибкостью в лицензионных требованиях и процедурах. Из включения идентификации и профилирования в механизм правоприменительной деятельности следует – по крайней мере,

как логика дальнейшего развития существующих институтов, как заданная предшествующим развитием траектория – принятие автоматизированных решений лишь на основе алгоритмического анализа цифровых профилей соответствующих лиц.

Как это может выглядеть на практике? Смоделируем несколько возможных ситуаций:

(1) Система видеонаблюдения фиксирует факт девиантного, правонарушающего поведения гражданина. → Гражданин идентифицируется, данные о правонарушении поступают в ситуационный центр. → В ситуационном центре сведения о правонарушении обрабатываются, происходит анализ данных цифрового профиля правонарушителя. → Если в данных цифрового профиля выявляется запись об аналогичных правонарушениях, имевших место ранее, либо выявляются данные, позволяющие судить об общей недобросовестности гражданина / о сознательно противоправном характере его действий, то правонарушитель получает максимально строгое наказание. Если данные цифрового профиля демонстрируют, что правонарушение было совершено гражданином впервые, либо в целом индивид характеризуется с положительной стороны, наказание может быть смягчено (определено в минимальном размере), либо виновный и вовсе может быть освобожден от наказания.

(2) В суде или уполномоченном административном органе рассматривается та или иная юридическая ситуация: уголовное дело, административное дело, вопрос об избрании меры пресечения обвиняемому по уголовному делу, бракоразводный процесс со спором о несовершеннолетних детях, и т. д. Решение зависит от оценки судом (административным органом) личности того или иного индивида. В вопросе такой оценки правоприменитель полагается на выводы алгоритмической системы, анализирующей имеющиеся данные о соответствующем лице.

(3) Уполномоченный орган рассматривает вопрос о выдаче лицензии (разрешения), либо вопрос о подтверждении права заинтересованного лица на тот или иной объект недвижимости, либо вопрос о выделении субсидии (оказании иных мер господдержки), либо представление о награждении, либо принимает решение о выборе контрагента в рамках отношений по закупкам для государственных (муниципальных) нужд. Соискатель лицензии / права, претендент на заключение госкон-

тракта (это может быть как физическое, так и юридическое лицо) направляет соответствующее обращение (заявку) через специально предусмотренный веб-интерфейс. → Программный комплекс анализирует заявку, оценивает данные цифрового профиля соискателя и предоставляет решение, либо рекомендацию для должностного лица, уполномоченного принять окончательное решение по заявке. Аналогичным образом может осуществляться проведение конкурсов на замещение вакантных должностей государственной службы: анкетирование и предоставление необходимых документов, удостоверяющих личность, квалификацию и стаж работы могут быть организованы через электронные сервисы специально выделенного для этого сервера государственной информационной сети; анализ соответствия кандидатов предъявляемым требованиям, проверка кандидатов по государственным базам данных, оценка кандидатов и выделение лучших также могут производиться с опорой на алгоритмические системы. По крайней мере, если программы-рекрутеры уже используются в частном секторе[1], почему их не могут использовать органы публичной власти? Тем более что государству потенциально открыт доступ к значительно большему объему данных о каждом гражданине.

Во всех смоделированных выше ситуациях *содержание правоприменительного акта (т. е. конкретное индивидуальное предписание) определяется не одним только зафиксированным фактом (допустим, фактом-правонарушением, таким как превышение скорости или парковка в неположенном месте), а сочетанием факта с набором ранее сформированных данных о субъекте*. Решение правоприменителя, в случае соединения правоприменительного процесса с социально-кредитными механизмами, становится производной от тех записей, которые ранее были сделаны в цифровом досье (файле, профиле) лица, выступающего в качестве объекта правоприменения.

Насколько можно судить по распространенным в настоящее время научным публикациям зарубежных правоведов, основным препятствием во внедрении социально-кредитных механизмов и вообще в использовании технологий искусственного интеллекта в правоприменитель-

[1] См.: *Филипова И.А.* Правовое регулирование искусственного интеллекта. Нижний Новгород: Нижегородский госуниверситет, 2022. С. 165.

ной деятельности для западных либеральных демократий выступает латентная возможность заложенных в алгоритмы дискриминации и пристрастного отношения к отдельным категориям лиц[1]. Это вполне серьезная проблема: правоприменитель (т. е. то должностное лицо, чьей властью принимается окончательное решение, даже если шаблон этого решения полностью подготовлен компьютерной программой) может не знать, кто и каким образом создавал программу алгоритмической оценки данных, которую правоприменитель использует; ему неизвестно, каким обстоятельствам алгоритм «обучен» придавать большее или меньшее значение; в некоторых случаях даже сами разработчики программы могут быть не в состоянии объяснить сделанные такой программой выводы; при этом, от оценки, выданной алгоритмом, может зависеть судьба человека, в отношении которого должен быть вынесен правоприменительный акт. Алгоритмические системы принятия решений нередко уподобляют *черному ящику*[2]: зачастую использующие их люди лишь вводят в них данные, чтобы затем получить готовый результат (решение, вывод); мы видим только точку «входа» и точку «выхода», но не понимаем, что творится в промежутке между ними.

На Западе алгоритмические ассистенты, сопровождающие процесс правоприменения, уже успели наделать шуму, несмотря на то, что внедрение социально-кредитных механизмов в эту область юридической деятельность толком там еще даже не началось. Одним из примечательных случаев, иллюстрирующих неоднознач-

---

[1] Скрупулезное описание проблемы см., например в: *Kleinberg J. et al.* Discrimination in the age of algorithms // Journal of Legal Analysis. 2018. Vol. 10. P. 113–174; *Selmi M.* Algorithms, discrimination, and the law // Ohio State Law Journal. 2021. Vol. 82 (4). P. 611–651. Современная юридическая наука на Западе пытается выработать систему мер по минимизации риска включения в алгоритмы дискриминационных положений, см.: *Ebers M.* Regulating AI and robotics: Ethical and regulatory challenges // Algorithms and Law / ed. by M. Ebers and S. Navas. Cambridge University Press, 2020. P. 37–99; *Xenidis R.* Tuning EU equality law to algorithmic discrimination: Three pathways to resilience // Maastricht Journal of European and Comparative Law. 2020. Vol. 27, № 6. P. 736–758; *Yu R., Ali G.S.* What's inside the black box? AI challenges for lawyers and researchers // Legal Information Management. 2019. Vol. 19. P. 2–13.

[2] См.: *Pasquale F.* The Black Box Society: The Secret Algorithms that Control Money and Information. Cambridge, MA & London: Harvard University Press, 2015; *Yu R., Ali G.S.* Op. cit.

ность профилирования в целях правоприменения, является дело Эрика Лумиса (Eric Loomis)[1].

> *В 2013 году власти штата Висконсин (США) предъявили Эрику Лумису обвинения по пяти уголовным статьям в связи с инцидентом со стрельбой из автомобиля. Отвергнув три из пяти обвинений, Лумис признал вину по двум наименее тяжким и заключил сделку со следствием, отказавшись от рассмотрения дела судом присяжных. В целях содействия вынесению наиболее объективного приговора окружной суд заказал подготовку специального отчета о расследовании (pre-sentence investigation report[2]). При подготовке данного отчета был задействован программный комплекс COMPAS (сокр. от Correctional Offender Management Profiling for Alternative Sanctions), предусматривающий оценку риска повторного совершения преступления осужденным. Проанализировав материалы личного дела и протоколы допросов Эрика Лумиса, программа сделала вывод, что Лумис в высокой степени склонен к совершению насильственного рецидива и представляет серьезную опасность для общества. Основываясь на выводах программного комплекса COMPAS, окружной суд вынес приговор, предусматривающий максимальное наказание по двум признанным обвиняемым составам преступления: шесть лет лишения свободы с последующими пятью годами усиленного надзора. Лумис обжаловал приговор, ссылаясь на то, что проведение оценки риска рецидива нарушило его конституционное право на должную правовую процедуру (due process). Защита Лумиса настаивала на том, что принципы обработки информации про-*

---

[1] Подробный разбор дела см. в: *Liu H.W., Lin C.F., Chen Y.J.* Beyond State v Loomis: Artificial intelligence, government algorithmization and accountability // International Journal of Law and Information Technology. 2019. Vol. 27. № 2. P. 122–141.

[2] Отчёт о расследовании, предшествующий вынесению приговора – распространённый в правовых системах общего права инструмент индивидуализации приговоров по уголовным делам. По сути, выступает развёрнутой характеристикой личности преступника. См.: *Robinson G.* Pre-sentence reports: A review of policy, practice and research // Sentencing Academy. April 2022. URL: https://sentencingacademy.org.uk/wp-content/uploads/2022/04/Pre-Sentence-Reports.pdf.

граммным комплексом COMPAS, будучи коммерческой тайной компании-разработчика, имеют непрозрачный характер и потому не могут быть оценены на предмет объективности. Также было заявлено, что использование COMPAS нарушило право осужденного на учет судом индивидуальных особенностей его личности при вынесении приговора, поскольку программа использовала обобщенные групповые данные для оценки вероятности повторного совершения преступления осужденным. Третьим пунктом в позиции защиты являлось то, что программный комплекс неуместным образом учитывал данные о гендерной принадлежности осужденного, что также являлось нарушением его прав. Верховный суд штата Висконсин отверг доводы защиты, однако выступил с правовой позицией, согласно которой оценка риска рецидива с помощью программных средств может выступать лишь частью общей оценки личности осужденного и не должна иметь определяющее значение. Несмотря на решение Верховного суда Висконсина, дело Эрика Лумиса вызвало в кругах ученых и практиков острую дискуссию по вопросу о том, насколько объективны применяемые в судопроизводстве алгоритмические системы оценки риска и не могут ли они, учитывая этническую, расовую, гендерную, социальную принадлежность оцениваемого лица, вести к дискриминации представителей определенных групп общества.

Описанный выше пример наглядно показывает, что использование автоматизированных средств профилирования и оценки субъектов может вступать в противоречие с конституционными нормами и ценностями современных либерально-демократических обществ. Однако было бы близорукостью видеть во внедрении социально-кредитных механизмов в правоприменительную деятельность лишь риски дискриминации и необъективности. В конце концов, – справедливо возразит юрист-практик, – решения, принимаемые судьей-человеком, также не свободны от субъективизма, а процесс их принятия с еще большим правом можно уподобить черному ящику, ведь даже самим себе мы часто не можем признаться в том, что симпатизируем кому-то или, напротив, испытываем к кому-то беспричинную неприязнь. Не бывает абсолютно, на 100 % объективных решений, и алгоритмизация процес-

сов принятия решений обычно как раз таки преследует цель устранить, насколько это возможно, субъективный фактор, обеспечить максимальную беспристрастность решения[1].

Куда более существенной проблемой является постепенное и, судя по всему, имеющее хорошие шансы на дальнейшее развитие *превращение правоприменения в оценку рисков*, когда содержание правоприменительного акта в значительной степени может варьироваться в зависимости от содержащихся в официальных базах данных сведений о лице – адресате правоприменения. Пока в судебном или административном правоприменении используются лишь программы наподобие американской COMPAS (программы, включающие в свой анализ весьма ограниченный набор данных о субъектах), проблема эта может оставаться незаметной. Когда же программы-ассистенты, содействующие принятию решений, при анализе рисков и определении вероятных поведенческих траекторий субъектов будут обращаться к широкому спектру репутационных данных о них как в рамках, так и вне рамок рассматриваемых правовых отношений, в правоприменении наступит настоящая революция.

Сейчас это все еще кажется сюжетом из научно-фантастического романа, однако все более широкое распространение основанных на анализе репутационных данных систем управления, регулирования, оценки рисков и пр. позволяет спрогнозировать две важные тенденции:

(1) Данные о прошлом поведении и иных характеристиках лица, позволяющие предсказать траекторию его будущего поведения, в плане оценки его текущего поведения, определения его прав и обязанностей становятся как минимум не менее значимыми, чем само оцениваемое (текущее) поведение.

(2) Алгоритмизация оценки фактов и относящихся к личности субъекта характеристик ведет к постепенному снижению роли человека (судьи, должностного лица) и, наоборот, повышению роли машины в процессе правоприменения; эта тенденция, в свою очередь, заставляет задуматься о планомерном переходе к полностью алгоритмическому правоприменению, в том числе к алгоритмическому правосудию.

Надо сказать, что судопроизводство уже сейчас уверенно смещается в направлении алгоритмизации, а то, что казалось фантастикой

---

[1] *Selmi M.* Op. cit. P. 614.

еще сравнительно недавно, уже является реальностью (в этой связи стоит заметить, что научное осмысление явлений государственно-правовой действительности не опережает конкретно-историческое воплощение этих явлений, а почти всегда запаздывает). В качестве первых, но достаточно ясных свидетельств движения в сторону алгоритмического правосудия мы можем распознать эксперименты с созданием онлайн-судов, весь процесс документооборота в которых уже осуществляется в дистанционном режиме, посредством загрузки участниками судопроизводства необходимых документов на судебный сервер. С учетом всего рассказанного выше об ССК и иных инновационных китайских проектах в области социального управления, не вызывает удивления то, что эти эксперименты проводятся не где-нибудь, а в КНР[1]. Хотя судебные акты по-прежнему выносятся судьями-людьми, а не системами искусственного интеллекта, применение компьютерных программ-ассистентов не ограничивается приемом заявлений, составлением шаблонов документов и протоколированием судебных заседаний. Искусственный интеллект уже сейчас задействован в непосредственном рассмотрении судебных дел: алгоритмы извлекают из материалов дела и верифицируют доказательственную информацию, а также «предсказывают результаты рассмотрения дела»[2] (иными словами, формулируют для судьи рекомендации по разрешению дела).

Рано или поздно использование алгоритмических систем для целей правоприменения и учет такими системами широкого набора данных о субъектах, доступных через инфраструктуру их цифровых профилей, сделает возможным своего рода автоматизированное, или *самоисполняющееся судопроизводство*, которое должно будет заменить состязательный процесс. Искусство юридической аргументации и представления нужных

---

[1] В настоящее время в КНР действует три онлайн-суда (*smart courts*), учреждённых в 2017–2018 годах: в провинции Ханчжоу, в Пекине и в провинции Гуанчжоу. О работе китайских интернет-судов и нормативно-правовых основах их функционирования см.: *Guo M.* Internet court's challenges and future in China // Computer Law & Security Review. 2021. Vol. 40; *Shi C., Sourdin T., Li B.* The smart court – a new pathway to justice in China // International Journal for Court Administration. 2021. Vol. 12, № 1. Art. 4; *Sung H.-C.* Can online courts promote access to justice? A case study of the internet courts in China // Computer Law & Security Review. 2020. Vol. 39.

[2] *Cui Y.* Artificial Intelligence and Judicial Modernization. Springer Singapore, 2020. P. 26.

доказательств в таком случае уступит место автоматическому принятию решений на основе анализа данных цифровых профилей – данных, возможно, даже не относящихся напрямую к сути рассматриваемых дел. Вероятно, сначала новые процедурные формы затронут область административного процесса, чтобы затем распространиться на уголовное, гражданское и арбитражное судопроизводство.

***

Очевидно, что уже сегодня даже ограниченное внедрение отдельных социально-кредитных механизмов серьезным образом модифицирует многие управленческие и правовые процедуры, важнейшими из которых являются процедуры осуществления правосудия. Само собой разумеется, что дальнейшее внедрение социально-кредитных механизмов должно будет привести к еще более фундаментальным изменениям, так или иначе затрагивающим правовой статус субъектов права, основополагающие институты правовой системы и характер регулирования общественных отношений, наконец – саму модель государственности как определенной системы отправления власти и взаимоотношений между правящими и управляемыми. Мы переходим к, пожалуй, наиболее важной части данного исследования.

2.2. ВОЗМОЖНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ КЛЮЧЕВЫХ ПРАВОВЫХ ПОНЯТИЙ И ИНСТИТУТОВ

2.2.1. Возрождение практики остракизма: правонарушение и наказание в эру социально-кредитных механизмов

Начать рассмотрение трансформаций, которыми современным правовым системам (и прежде всего, правовым системам западного, европейского происхождения) грозит внедрение социально-кредитных механизмов в публичное управление, придется с вопросов понимания правонарушения и юридической ответственности, поскольку мы уже вплотную подошли к ним в рамках предыдущего параграфа.

Как уже отмечалось выше, возникновение Системы социального кредита в том виде, в котором она нам известна сейчас, было связано не в последнюю очередь с идеями укрепления общественного порядка, повышения предсказуемости социальных взаимодействий, безопасности личности, общества и, разумеется, государства в целом. В отличие от других проектов в области социального контроля (прежде всего, проекта по развертыванию интеллектуальных систем видеонаблюдения Xueliang), ССК сама по себе не поддерживает функций фиксации правонарушений и поиска виновных, однако делает кое-что не менее важное и, в плане правоохранительной деятельности, революционное. Что именно? Наиболее простой, лежащий на поверхности ответ, состоит в том, что ССК является эффективным средством правового воспитания и, в таком качестве, может рассматриваться как инструмент профилактики правонарушений: субъект знает, что в случае неправомерных или недобросовестных действий к нему будут применены определенные негативные меры воздействия. Это так, однако более важным можно считать то, что она, по сути, является ключом к развитию правоохранительной системы в направлении все более широкого использования *предиктивной аналитики*.

ССК не борется с правонарушениями напрямую, хотя предусматривает наложение запретов и ограничений на субъекта в случае совершения им социально вредного деяния и попадания его имени в тот или иной черный список. Таким образом, являющаяся частью ССК система объединенных поощрений и наказаний не является чуждой задачам борьбы с противоправным поведением. С некоторой натяжкой она может быть охарактеризована как расширенный механизм юридической ответственности, хотя в строгом смысле слова это не совсем так. В плане выявления возможных радикальных трансформаций правоохранительной практики принципиально важна, однако, не политика согласованных дисциплинарных мер, применяемых вне рамок и дополнительно к мерам юридической ответственности за правонарушение, и даже не то, что отдельные пилотные муниципальные проекты социального скоринга в КНР предусматривают учет судимости за преступления при расчете социального рейтинга (см. § 1.1.2). Принципиально важно то, что ССК, во-первых, подразумевает (и делает обязательным) цифровое профилирование, а во-вторых, делает осязаемо-реальной идею, прежде звучавшую в лучшем случае лишь как благое пожелание или несбыточной идеал:

прошлые поступки, даже поступки правомерные, определяют правовое положение и, возможно, наказание субъекта в будущем.

Внедрение социально-кредитных механизмов (не обязательно в форме китайской ССК), как уже отмечалось выше, означает постепенное и, скорее всего, необратимое движение к практике учета данных о подконтрольных лицах при определении видов и мер юридической ответственности, мер надзора и профилактики, при проведении служебных (дисциплинарных) и административных расследований, а также при расследовании преступлений. Возможность подвергнуть массив данных о миллионах людей и о ранее совершенных преступлениях машинному анализу означает невиданное ранее усиление роли прогнозирования в деле борьбы с преступностью. Незримый автоматизированный надзор, основывающийся на том, что каждый цифровой профиль (т. е. каждого индивида, каждую организацию) можно в любой момент подвергнуть анализу, сравнить с другими цифровыми профилями, знаменует собой дошедший до кульминационной точки бентамовский паноптизм.

Британские криминологи Рой Коулмэн и Майкл МакКаилл совершенно справедливо и, кстати, вне связи с китайской ССК, указывают на то, что с развитием современных систем социального контроля основной акцент в правоохранительной деятельности смещается от поимки преступников к предотвращению преступлений, от ретроспективных функций расследования уже совершенных преступлений, предъявления обвинений и заключения преступников под стражу к политике *«управления рисками»*[1].

Как уже отмечалось выше, цифровое профилирование позволяет в той или иной форме осуществлять социальное ранжирование и дифференцировать регуляторные и административные меры в отношении различных категорий субъектов. Прежде, указывая на этот момент, мы подразумевали в основном дифференциацию публичных услуг, однако подобная логика прекрасно может работать и в сфере борьбы с административными правонарушениями, и в области уголовно-правовой охраны. В таком случае кардинальным образом может измениться наше *понимание фигуры правонарушителя* (преступника): в условиях

---

[1] *Coleman R., McCahill M.* Surveillance & Crime. London: SAGE, 2011. P. 69–70, 75.

перехода к социально-кредитному управлению им de facto становится уже не только тот, кто совершил конкретное противоправное деяние, требующее государственного реагирования, но и тот, чьи прежние поведенческие акты и иные значимые характеристики (например, сведения о занятости, доходах и расходах, долговых обязательствах и т. д.) позволяют определенным образом настроенным алгоритмическим системам оценить его в качестве «опасного» / «представляющего угрозу» / «с высокой степенью вероятности готового совершить правонарушение». Иными словами, речь идет о фактической готовности признать лицо правонарушителем еще до совершения им каких-либо противоправных деяний, что, соответственно, должно вести к превентивному наложению на него определенных ограничений (пусть даже не равных по масштабу ограничениям, налагаемым на настоящего правонарушителя) и более агрессивному отношению к нему со стороны полиции. Нежелательность поведения, возможность или «намерение совершить соответствующие противоправные деяния»[1] в будущем, вероятная угроза – новый предиктивно-аналитический вокабуляр, вполне соответствующий датафикации регулирования и позволяющий распространить государственный контроль за пределами строгих процессуальных механизмов правового принуждения.

Как справедливо отмечают некоторые зарубежные ученые, переход к управлению рисками и предиктивной аналитике в области борьбы с правонарушениями опасен тем, что оценки лиц в качестве представляющих угрозу становятся своего рода «самоисполняющимися пророчествами»[2]: меры полицейского реагирования основываются не на свершившемся факте правонарушения, а на потенциальной возможности его совершения; субъект заранее вынужден терпеть некие правоограничительные меры, таким образом в действительности превращаясь в правонарушителя и совершая то, чего от него ждут[3]. Как уже го-

---

[1] Формулировка из Федерального закона от 30 декабря 2021 года № 462-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О физической культуре и спорте в Российской Федерации». Подробнее см. в § 3.1.1.5.

[2] Кинематограф уже давно осмыслил и проиллюстрировал данную проблему. Достаточно вспомнить фильм 2002 года «Особое мнение» («Minority Report»), снятый Стивеном Спилбергом по повести Филиппа К. Дика.

[3] См.: *Egbert S., Leese M.* Criminal Futures: Predictive Policing and Everyday Police Work. Routledge, 2021. P. 192; *Hamilton M.* Predictive policing through risk

ворилось в параграфе, посвященном использованию социально-кредитных механизмов в контрольно-надзорной деятельности, субъект попадает в замкнутый круг пристрастного отношения к себе со стороны органов государства. Негативно характеризующие субъекта социально-кредитные (репутационные) данные, связанные с однажды совершенным им проступком (это может быть деяние, формально даже не являющееся правонарушением) или отрицательным отзывом (рапортом, предупреждением, сведениями о занятии гражданином оппозиционной политической деятельностью) какого-то должностного лица, могут стать для субъекта настоящим «проклятием».

Если репутационные данные становятся «проклятием» для субъекта, а риск-ориентированная предиктивная аналитика бросает его в замкнутый круг пристрастного отношения, можно с уверенностью предположить, что такая, перестроенная под социально-кредитные механизмы правоохранительная система, снижая преступность до определенного уровня[1], в то же время способна привести к формированию сравнительно небольшой, но весьма устойчивой прослойки выброшен-

---

assessment // Predictive Policing and Artificial Intelligence / ed. by John L.M. McDaniel and Ken G. Pease. Routledge, 2021. P. 65; *Meijer A., Wessels M.* Predictive policing: Review of benefits and drawbacks // International Journal of Public Administration. 2019. Vol. 42, № 12. P. 1036.

[1] В 2020–2021 годах автором настоящей монографии совместно с Е.В. Царёвым была предпринята попытка найти корреляцию между внедрением ССК в публичное управление КНР, с одной стороны, и динамикой статистики преступлений и административных правонарушений, с другой стороны. Оказалось, что прямую взаимосвязь между построением ССК и динамикой статистики правонарушений обнаружить не так-то просто. Тогда как значение систем видеонаблюдения в раскрытии и пресечении преступлений не вызывает сомнения, роль более сложных систем, таких как ССК, в снижении преступности (и количества административных правонарушений) доказать сложнее. Причиной этого, судя по всему, является то, что эффект внедрения ССК не является прямым, хотя и может быть более глубоким, коль скоро данный масштабный проект способствует коренной трансформации институтов правонарушения, наказания и юридической ответственности. Так или иначе, следует признать, что в настоящее время непосредственно Система социального кредита в КНР препятствует не столько совершению преступлений, сколько неправомерному и аморальному поведению в гражданско-правовых и административно-правовых отношениях. Подробнее см.: *Рувинский Р.З., Царёв Е.В.* Борьба с правонарушениями в эпоху системы социального кредита: перспективы и риски // Всероссийский криминологический журнал. 2021. Т. 15, № 3. С. 282–294.

ных из жизни асоциальных элементов, когда-то оступившихся и, вследствие негативной оценки алгоритмами, оказавшихся вынужденными следовать ожидаемой от них модели противоправного поведения. Лицам, заведомо признанным опасными и, в силу этого, ограниченным во всем, не остается ничего другого, кроме как искать лазейки в социально-кредитной архитектуре цифрового надзора и использовать нелегальные способы выживания и заработка. Кстати, то, как может выглядеть жизнь людей, оказавшихся на обочине социально-кредитной архитектуры, достаточно наглядно показано в финале эпизода *«Нырок»* (*«Nosedive»*) популярного научно-фантастического телесериала *«Черное зеркало»* (*«Black mirror»*). Несмотря на то, что система социального кредита, показанная в кинофильме, организована совсем не так, как китайская ССК (члены общества сами рейтингуют друг друга, подобно пользователям платформ Uber и Яндекс.Такси), кинокартина достаточно убедительна в демонстрации облика тех, кто оказался на дне «ранжированного общества».

Использование инструментов предиктивной аналитики и управления рисками, основанных на анализе репутационных данных, меняет понимание фигуры правонарушителя, вернее – сближает с правонарушителем субъекта, не совершившего правонарушения, но имеющего дефекты репутации за какие-то прошлые поступки. Пожалуй, не является случайностью то, что используемый в нормативных актах партийных и государственных органов КНР эвфемизм *«подрывающее доверие лицо»* (失信被执人) весьма удачно (хотя, скорее всего, неосознанно) маскирует размывание понятия «правонарушитель» – понятия, которое традиционно обозначает лицо, совершившее виновное противоправное деяние. В конце концов, для того, чтобы оказаться среди «подрывающих доверие» лиц, не обязательно совершать виновные противоправные деяния. «Подрывающим доверие» может быть почти кто угодно: настоящий правонарушитель или даже преступник; оступившийся где-то и попавший в черные списки гражданин[1]; обладатель низкого рей-

[1] В Китае для исключения из черного списка может потребоваться не один год. Так, статья 2 постановления Верховного народного суда КНР от 28 февраля 2017 года устанавливает, что ограничения, связанные с включением лица, уклоняющегося от исполнения судебного решения, в соответствующий черный список, действуют в течение двух лет. В случае «бесчестного поведения» лица, включенного в черный список, период ограничений может быть

тинга в системе социального скоринга; индивид, чье повседневное поведение и потребительские привычки позволяют алгоритмам искусственного интеллекта сделать вывод о его «ненадежности», «нечестности» и т. п. Но если меняется фигура правонарушителя, значит, меняется и само понимание правонарушения.

Мы привыкли, что правонарушение есть не что иное, как виновное противоправное общественно вредное деяние, влекущее за собой меры юридической ответственности как негативную реакцию на него со стороны государства. Развитие социально-кредитных механизмов может сблизить с правонарушениями прямо не запрещенные законом деяния, а также отрицательные характеристики со стороны третьих лиц (например, служебные рапорты государственных должностных лиц о наличии риска совершения гражданином правонарушений, или результаты алгоритмической оценки некоего набора данных о подконтрольном лице). Если ключевым фактором публичного управления становятся репутационные данные, принудительные или правоограничительные меры властного характера могут опираться на них. Само правонарушение становится лишь *одним из* множества фактов, значимых для социально-кредитной оценки лица. Единственным основанием для применения к субъекту наказания оно быть фактически перестает.

Само собой, в этих условиях происходит беспрецедентное и вряд ли оправданное расширение (и, одновременно, размывание) конструкции наказания. Вопреки принципам *Nullum crimen sine lege*[1], *Nulla poena sine lege*[2] и *Nulla poena sine culpa*[3], требующим наказывать лишь за виновные деяния, которые запрещены законом, и лишь в той мере, ко-

---

продлен от одного года до трех лет. См.: 最高人民法院关于修改《最高人民法院关于公布失信被执行人名单信息的若干规定》的决定 [Zuigao renmin fayuan guanyu xiugai «zuigao renmin fayuan guanyu gongbu shixin bei zhixing ren mingdan xinxi de ruogan guiding» de jueding] (Решение Верховного народного суда о внесении изменений в «Некоторые положения Верховного народного суда об опубликовании списка бесчестных лиц, подлежащих принудительным мерам») // URL: http://www.court.gov.cn/fabu-xiangqing-37172.html.

[1] «Нет преступления без закона». В российском уголовном законодательстве принцип нашел отражение в статьях 3, 8, 15 Уголовного кодекса.

[2] «Нет наказания без закона». Принцип нашёл отражение в статье 3 и части 1 статьи 43 УК РФ.

[3] «Нет наказания без вины». Принцип также отражен в статье 5 и части 1 статьи 43 УК РФ.

торая предусмотрена законом, алгоритмическая социально-кредитная архитектура управления «освобождает» наказание от безусловной связи с правонарушением, виной, законной мерой и сколь-либо прозрачными процедурами, заставляя субъекта с повышенным вниманием относиться к своим повседневным занятиям и привычкам. Презумпция невиновности сжимается в юридическом дискурсе, подобно шагреневой коже. Таким образом, конструкция наказания отделяется от конструкции юридической ответственности, становясь размытой и безразмерной. Юридическая ответственность как ответственность за правонарушение никуда не исчезает, но *наказание перестает быть лишь элементом механизма юридической ответственности, превращаясь в относительно автономный охранительный институт права*. Вероятно, именно это имел в виду американский криминолог Грэм Ньюман, говоря о конце наказания в том виде, в каком мы его знали раньше, о «перераспределенном» наказании в эпоху массового наблюдения[1].

В каком-то смысле, в мире цифровой архитектуры допусков и ограничений, ранжирования субъектов и предсказания их вероятного поведения механизм юридической ответственности как ответственности за правонарушение становится даже излишним. В то время как для привлечения лица к юридической ответственности требуется, как правило, доказывание факта противоправного деяния и вины субъекта, а также следование определенной, зачастую довольно-таки сложной процедуре, блокирование допусков может осуществляться в автоматическом, алгоритмически заданном порядке, т. е. безусловно. Таким образом, данные из соответствующих источников (информационных систем, электронных реестров и т. п.) могут выступать не только в качестве доказательств противоправного поведения, но и в качестве самоисполняющихся оснований (элементов алгоритма) для применения рестрикций вне рамок механизма юридической ответственности. Вина, мотивы, вообще субъективная сторона того или иного поступка утрачивают прежнее значение. Достаточно того, что ваше поведение в настоящем или прошлом – даже если оно не нарушает формальных запретов – не соответствует заданным параметрам «допустимого» / «ожидаемого», либо позволяет спрогнозировать нежелательные по-

[1] *Newman G.R.* Civilization and Barbarism: Punishing Criminals in the Twenty-First Century. Albany: State University of New York Press, 2020. P. 167.

следствия ваших поведенческих актов в будущем: в таком случае вы просто оказываетесь отрезанным от определенных благ или областей общественных отношений.

Во всех этих изменениях, как может показаться, есть несомненный положительный эффект: массы становятся более законопослушными, наказание – все более строгим и неотвратимым, а противоправное поведение постепенно должно сделаться уделом узкой группы профессиональных преступников, открыто противопоставляющих себя правопорядку. С другой стороны, однако, за кажущимся укреплением режима законности и правопорядка нетрудно разглядеть и угрозы для этого самого правопорядка: разложение, трансформацию ценностей, принципов и институтов, лежащих в основе уголовного и административно-деликтного права развитых обществ, в основе правовых систем большинства современных стран.

Подытоживая обзор трансформирующих эффектов от внедрения социально-кредитных механизмов в практику публичного управления, следует признать, что развитие инструментов предиктивной аналитики и архитектуры допусков/ограничений рано или поздно должно будет поставить вопрос о внедрении в правоприменительную практику превентивных наказаний и профилактических ограничений, не связанных с уже совершенными правонарушениями. Теория перспективной юридической ответственности, являвшаяся своеобразным изобретением российской юридической научной школы[1], может неожиданным образом обрести подлинную актуальность. Если меры государственного принуждения, ограничения и запреты применяются к лицу еще до того, как он совершил правонарушающее деяние, только в силу того, что его социально-кредитные записи в государственных базах данных свидетельствуют о его подорванной репутации, значит, юридическая ответственность действительно превращается из ответственности за содеянное в нечто иное. Субъект постоянно должен держать в уме возможность того, что любой его проступок будет иметь для него более серьезные и долговременные последствия, нежели однократное наказание за него. Учитывая, что любые репутационные данные (даже не касаю-

[1] См.: *Куксин И.Н., Николаева Ж.А.* Позитивная и негативная ответственность как виды юридической ответственности // Теория государства и права. 2021. Т. 22, № 2. С. 120–129.

щиеся совершения противоправных деяний) могут быть истолкованы уполномоченными должностными лицами или оценены алгоритмами как данные, свидетельствующие об угрозе со стороны субъекта, последний вынужден с особым внимание относиться ко всем своим поведенческим актам, к повседневным привычкам, к кругу общения и т. д. Пока все это и вправду выглядит как сценарный фон к научно-фантастическому роману или фильму, но это та тенденция, которая может быть распознана уже сегодня и о которой уже сегодня следует размышлять совершенно серьезно, если, конечно, юридическая наука все еще способна *мыслить*, а не только фиксировать и оправдывать уже существующее.

Изложенные выше соображения относительно влияния социально-кредитных механизмов на институты правонарушения и юридической ответственности сформулированы с учетом общемировых тенденций и не должны пониматься в качестве характеристик, относящихся лишь к китайской Системе социального кредита. Тем не менее, и у самой ССК в Китае есть особенность, требующая внимания: благодаря системе согласованных поощрений и наказаний шлейф негативных принудительных мер, направленных на субъекта со стороны публичных органов власти, распространяется за пределы мер юридической ответственности, предусмотренных законом[1]. В этом, впрочем, следует ви-

[1] В КНР правоограничительные меры могут следовать за правонарушителем даже после применения к нему соответствующей меры юридической ответственности, предусмотренной санкцией законодательной нормы. Шлейф правоограничительных мер, как ни странно, может следовать за субъектом даже в том случае, если тот был привлечён к административной, а не к уголовной ответственности (привлечение к последней, как известно, влечёт возникновение у субъекта особого правового состояния – судимости). Характерным примером такого расширения негативных мер является случай, произошедший летом 2018 года в скоростном поезде, следовавшем по маршруту Цзинань–Пекин. Молодой мужчина занял чужое место и отказался его уступать несмотря на настойчивые требования другого пассажира – женщины; в итоге за своё некорректное поведение нарушитель был не только оштрафован на 200 юаней, но и внесен в черный список пассажиров железнодорожного транспорта, лишившись таким образом возможности покупать билеты на многие железнодорожные рейсы внутри страны. Подробнее см.: *Dai X.* Enforcing law and norms for good citizens: One view of China's Social Credit System project; 高铁霸座男被处治安罚款 200 元 记入铁路征信体系 [Gaotie ba zuo nan bei chu zhian fakuan 200 yuan ji ru tielu zheng xin tixi] (На скоростной железной дороге хулиган был

деть не более чем специфику китайской правовой культуры, тогда как значение социально-кредитных механизмов и трансформирующие эффекты от их внедрения имеют гораздо более широкую сферу приложения, выходящую далеко за пределы КНР. Так или иначе, применение негативных дисциплинарных мер в дополнение к мерам юридической ответственности и за их пределами является лучшим доказательством «разбухания» конструкции юридической ответственности, ее отделения от вины за совершение конкретного правонарушения.

Социально-кредитные механизмы, в особенности составляющая ССК система объединенных наказаний, de facto криминализируя «подрывающее доверие» лицо, способны оказывать косвенное воздействие и на третьих лиц, чье поведение не дает повода усомниться в их репутации. Это, прежде всего, члены семьи оказавшегося в черном списке гражданина, его несовершеннолетние дети. Как сообщает ряд источников, в Китае детям граждан, внесенных в черные списки, отказывают в возможности проходить обучение в платных частных школах[1]. Под ударом, следовательно, оказывается принцип индивидуальной юридической ответственности за совершенные противоправные деяния. На смену принципу индивидуальной ответственности за содеянное приходит некая разновидность круговой поруки, коллективной ответственности.

Разбухание конструкции юридической ответственности и отход от принципа индивидуальной ответственности за содеянное – прекрасные свидетельства того, что формирующаяся на наших глазах (прежде всего, в Китае, но также и во всем мире) социально-кредитная архитектура публичного управления de facto означает возврат к, казалось бы, давно изжитой *практике предания остракизму*. Механизмы допусков и ограничений, а также механизмы социального ранжирования являются неотъемлемой частью этой практики, воплощаемой в жизнь на новом уровне технологического развития. Формула нового, цифрового остракизма предельно лаконично выражена в четвертом

оштрафован за нарушение правил общественной безопасности на 200 юаней и внесён в список недобросовестных пассажиров) // URL: https://news.sina.com.cn/s/2018-08-24/doc-ihicsiaw3571000.shtml.

[1] См., например: *Xiuzhong X., Xiao B.* China's Social Credit System seeks to assign citizens scores, engineer social behaviour // ABC News. March 30, 2018. URL: https://www.abc.net.au/news/2018-03-31/chinas-social-credit-system-punishes-untrustworthy-citizens/9596204.

абзаце подпункта 1 пункта 5 Плана построения системы социального кредита на 2014–2020 годы:

> *«…обеспечьте, чтобы те, кто заслуживает доверия, получали выгоды во всех отношениях, а те, кто подрывает доверие, сталкивались бы с трудностями на каждом шагу»*[1].

***

Конечно, возможные трансформации институтов уголовного и административно-деликтного права, связанные с развитием социально-кредитных механизмов (цифрового профилирования, социального ранжирования, предиктивной риск-ориентированной аналитики), должны сделаться предметом отдельного и в разы более обстоятельного исследования. Приведенные выше тезисы следует рассматривать, скорее, как приглашение к дискуссии, как расчерчивание контуров и векторов для дальнейшего движения научной мысли. Примечательно, что в зарубежной криминологической науке, широко обсуждающей в том числе теневые стороны внедрения средств предиктивного контроля и аналитики для борьбы с преступностью (*predictive policing*), социально-кредитная проблематика находится практически вне рамок рассмотрения[2]. Китайская ССК рассматривается как инструмент социального контроля, слежки, однако возможность соединения полицейских алгоритмических систем предиктивного анализа с инфраструкту-

---

[1] Planning Outline for the Construction of a Social Credit System (2014–2020) // China Copyright and Media. URL: https://chinacopyrightandmedia.wordpress.com/2014/06/14/planning-outline-for-the-construction-of-a-social-credit-system-2014-2020/.

[2] Примечательным исключением является работа польской исследовательницы Доминики Дзивиш: *Dzivisz D.* Possibilities of applying the Chinese Social Credit System to combat terrorism // Politeja. 2020. No. 6 (69). P. 183–196. По мнению автора данной научной статьи, правительствам западных стран стоит присмотреться к опыту функционирования ССК в КНР и использовать анализ больших массивов данных для таких целей, как выявление террористических сетей и источников радикализации в онлайн-сообществах. Упоминание ССК в контексте рассмотрения проблем использования предиктивных средств борьбы с преступностью, без углубления в специфику социально-кредитных механизмов, можно встретить также в работе: *Sprick D.* Predictive policing in China: An authoritarian dream of public security // Naveiñ Reet: Nordic Journal of Law and Social Research. 2019. № 9. P. 299–324.

рой цифровых профилей почему-то не связывается с инновационным институтом *социального доверия*. По-видимому, зарубежные, да и российские коллеги оказались заложниками собственного эмпиризма: они рассматривают ССК в том виде, в котором она существует сегодня, не удосуживаясь задуматься о том, не содержит ли она в себе принцип или логику, позволяющую использовать хранилища репутационных данных о субъектах предельно широко.

Рассмотренные выше вопросы виновности и наказания напрямую затрагивают более широкую проблематику конституционных прав и свобод, которая, в свою очередь, непосредственно связана с динамикой развития конституционализма и моделей государственности.

2.2.2. Социально-кредитный конституционализм

Анализ трансформирующего влияния социально-кредитных механизмов на конституционализм необходимо предварить небольшим отступлением, без которого говорить о таком влиянии не имеет никакого смысла.

Вряд ли целесообразно рассматривать социально-кредитные механизмы как всего лишь нейтральные технические инструменты, объективные результаты научно-технологического прогресса, а китайскую ССК – как во многом случайный проект, выросший из специфически китайской потребности обеспечить стабильность и безопасность в условиях рыночных реформ. Учитывая, что социально-кредитные механизмы в настоящее время различными путями и в разных формах внедряются как в частную, так и в публичную сферы различных стран мира, в том числе стран Запада, нам следует более внимательно отнестись к вопросу об историческом значении и исторических же предпосылках рождения этих механизмов и технологий.

2.2.2.1. Социально-кредитные механизмы и кризис

Стоит отметить, насколько своевременным в условиях внезапно разразившейся пандемии коронавирусной инфекции оказалось внедрение в сферу публичного управления цифровых технологий вообще и

ССК, в частности. Давайте вспомним, что утвержденный Госсоветом КНР План построения ССК был рассчитан на период до 2020 года включительно, т. е. к 2021 году система в основе своей должна была сделаться полностью функциональной (пусть и продолжающей развиваться дальше). Коронавирусная инфекция начала распространяться в Китае в ноябре – декабре 2019 года, а глобальных масштабов достигла к весне 2020-го[1]. Очевидно, что к началу пандемии ССК и иные основанные на оперировании с большими данными механизмы социального контроля в КНР были уже достаточно хорошо развиты, а в период пандемии получили беспрецедентный импульс для дальнейшего, более ускоренного развития[2]. То же самое касается и цифровых механизмов социального контроля за пределами КНР, по всему миру. В период пандемического кризиса и во многом благодаря ему существовавшие наработки в сфере внедрения в публичное управление продвинутых технологий регулирования, учета и контроля поведения людей (системы городского видеонаблюдения с функцией распознавания лиц, средства мобильной геолокации, QR-коды и прочие достижения Четвертой промышленной революции, ранее являвшиеся предметом интереса лишь достаточно узкой прослойки специалистов и ученых) пережили свой звездный час и вошли в повседневную жизнь миллионов людей.

Стоит обратить внимание на то, что сама пандемия COVID-19 была воспринята многими влиятельными учеными и лидерами мнений как уникальный шанс радикальной перестройки общества и экономики, зашедших в своем развитии в тупик.

---

[1] См.: Хронология действий ВОЗ по борьбе с COVID-19 // Всемирная организация здравоохранения. URL: https://www.who.int/ru/news/item/29-06-2020-covidtimeline.

[2] В городе Аньшань китайской провинции Ляонин, а также в ряде других муниципальных образований к набору сведений о поведении индивидов, подлежащих учету в рамках системы цифрового профилирования и при включении в черные списки, были отнесены сокрытие симптомов вируса и фактов поездок, случаи отказа от лечения, контактирование с заражёнными, а также распространение заведомо ложной информации о ситуации с коронавирусом. О данных мерах, а также об ином применении механизмов ССК при борьбе с COVID-19 см.: *Knight A., Creemers R.* Going viral: The Social Credit System and COVID-19 // SSRN Electronic Journal. Jan. 20, 2021. URL: https://ssrn.com/abstract=3770208.

> *«В пандемии «цифровая трансформация»… нашла свой катализатор. Одним из главных последствий [пандемических] ограничений будет решительное, перманентное расширение и развитие цифрового мира».*

– писали в разгар ковидных локдаунов президент Всемирного экономического форума Клаус Шваб и футуролог Тьерри Маллере[1].

О том, что соответствующая эпохе модерна индустриальная парадигма общественного развития зашла в тупик, а вместе с ней зашли в тупик экономика капитализма и соответствующие политико-правовые институты, ученые и философы говорили давно[2]. Сегодня это тем более понятно, если взглянуть на карту вооруженных конфликтов, вспыхивающих в последние годы все чаще и распространяющихся на все более широкие территории.

Не вдаваясь в подробное рассмотрение причин, сценариев и последствий кризиса индустриальной цивилизации и капиталистической мир-системы, попытаемся лишь вкратце обозначить ключевые проблемы современного мира: без этого вряд ли удастся в полной мере понять историческое значение цифровых технологий публичного управления и, в частности, социально-кредитных механизмов. Итак, коренная причина современного кризиса, о чем неоднократно указывали исследователи, состоит в том, что капитализм требует постоянной максимизации прибыли, которая становится затруднительной в условиях, когда уже открыт и освоен весь земной шар, а новые рынки (например, рынок телекоммуникаций) не покрывают потребностей крупнейших корпораций в непрерывном росте и оказываются зачастую «мыльными пузырями». Развитие капиталистических предприятий требует обращения за заемными средствами, а рыночная конкуренция заставляет эти предприятия сдерживать рост цен на свою продукцию – в итоге норма прибыли не покрывает расходов на обслуживание кредитов, и, рано или поздно, наступает долговой кризис. К этому добавляются и сопутствующие проблемы: деградация окружающей среды, климатические изменения, расту-

---

[1] *Schwab K., Malleret T.* COVID-19: The Great Reset. Cologny / Geneva: Forum Publishing, 2020.

[2] Подробно на эту тему см.: *Рувинский Р.З.* Правопорядок в период глобального кризиса: трансформации, тенденции, угрозы. СПб.: Алетейя, 2020.

щие социальные запросы людей и, соответственно, растущие политическое недовольство и нестабильность[1].

Любой кризис – это задача для решения. Если задача решается, кризис открывает дорогу чему-то новому, новому качеству социальной системы. Если задача не решается, социальная система проваливается к более примитивному состоянию, происходит ее фрагментация. Нынешние кризисные условия (долговой кризис, невозможность максимизации прибыли крупнейшими рыночными игроками, растущие экологические проблемы, социальная нестабильность) также требуют поиска решения. Так цифровые технологии и социально-кредитные механизмы оказываются, возможно, подходящими инструментами для обеспечения решения проблем, стоящих перед современными обществами и, прежде всего, их элитами.

Так называемая «цифровая трансформация», о которой стало модно говорить в последние годы[2], позволяет максимально упростить процесс управленческой деятельности, снизить управленческие издержки (финансовые, кадровые, временные), сократить штат госслужащих, при этом повысив эффективность управленческих

---

[1] Подробный разбор этих проблем см. в: *Calhoun C.* What threatens capitalism now? // Does Capitalism Have a Future? / ed. by I. Wallerstein et al. Oxford: Oxford University Press, 2013. P. 131–161; *Wallerstein I.* Structural crisis, or why capitalists may no longer find capitalism rewarding // Does Capitalism Have a Future? / ed. by I. Wallerstein et al. Oxford: Oxford University Press, 2013. P. 9–35.

[2] Комичным, но характерным фактом является то, что даже в администрациях российских провинциальных городов появились отделы, управления и департаменты цифровой трансформации. Наименования в данном случае необязательно отражают какую-то новую качественную сущность работы муниципальных органов власти, еще недавно именовавшихся отделами и управлениями информационного обеспечения. Скорее, следует говорить о повальной моде, отражающей действительно важные изменения в сознании управленцев и демонстрирующей примечательную синхронность развития одних и тех же трендов в абсолютно, казалось бы, не похожих друг на друга странах, по всему миру: в каком-нибудь городе Нижегородской области и, например, в Австралии или Италии. См.: Управление цифровой трансформации // Официальный сайт администрации городского округа города Дзержинск Нижегородской области. URL: https://адмдзержинск.рф/struktura/glava-goroda/upravlenie-tsifrovoy-transformatsii/; Digital Transformation Agency. URL: https://www.dta.gov.au/; Conception, goals and organisation of the Department for Digital Transformation // Ministro per l’innovazione tecnologica e la transizione digitale. URL: https://innovazione.gov.it/dipartimento/en/structure/.

мероприятий, сделав их более адресными и оперативными. Социально-кредитные механизмы, являющиеся частью современных цифровых (основанных на работе с данными) технологий публичного управления, служат тем же целям, однако способны выполнять и еще одну немаловажную функцию: они могут выступать *инструментами ограничения потребления*. Именно ограничение потребления как функция имплицитно заложено в работу допусков и ограничений, являющихся неотъемлемой составной частью социально-кредитных механизмов. Здесь можно вспомнить тот факт, что китайская ССК предусматривает запреты на приобретение предметов роскоши, приобретение авиабилетов и билетов на скоростные поезда для граждан, попавших в черные списки. Это и есть ограничение потребления, становящееся, очевидно, все более актуальным в условиях пандемических угроз и роста цен на энергоносители.

Если социальный кредит оказывается принципиально важным инструментом перестройки публичного управления в период кризисов и социальной турбулентности, логичным образом напрашивается вопрос: не способен ли он в то же время стать базисом для новой модели государственности и новой модели конституционализма, не переформатирует ли он до неузнаваемости институт конституционных прав и свобод граждан?

Соотношение социально-кредитных механизмов с институтом прав и свобод человека рассматривается учеными за пределами КНР в качестве наиболее острой проблемы внедрения ССК-подобных проектов. Представляется, однако, что данная, несомненно важная, проблема имеет на самом деле два измерения, одно из которых широко обсуждается, тогда как другое почти полностью игнорируется. Попытаемся рассмотреть оба этих измерения.

2.2.2.2. Китайские социально-кредитные техники и права человека

ССК – китайский проект, а поэтому актуальный облик данного проекта определяется особенностями политической и правовой культуры современной КНР, среди которых следует назвать инструментальную роль права в решении партийно-государственных политиче-

ских задач[1], а также примат государственных интересов над интересами личности, государственной безопасности – над неприкосновенностью частной жизни[2]. Эти особенности во многом упрощают внедрение социально-кредитных механизмов в повседневную жизнь, однако не являются настолько принципиальными, чтобы выступать в качестве необходимых условий для последних. Подобно тому, как технология видеонаблюдения с функцией распознавания лиц, получив широкое распространение в Китае, практически моментально перестала быть исключительно китайским феноменом и внедряется в настоящее время практически по всему земному шару, социально-кредитные механизмы, зародившиеся в КНР, имеют все шансы получить распространение даже в странах с давними традициями либерально-демократического конституционализма[3].

Как только из Китая стали поступать сведения о практическом внедрении ССК в публичное управление и повседневную жизнь общества, проект стал предметом серьезной озабоченности среди западных исследователей и наблюдателей, усмотревших в нем возрождение тоталитаризма и угрозу правам человека[4].

Действительно, первое, что бросается в глаза при рассмотрении китайского опыта внедрения социально-кредитных механизмов – это весьма вольное обращение властей КНР с персональными данными граждан. Содержание черных списков раскрывается на публично до-

---

[1] Об этом см., например: *Wang J., Liu S.* Ordering power under the Party: a relational approach to law and politics in China // Asian Journal of Law and Society. 2019. № 1 (6). P. 1–18.

[2] Об особенностях китайской правовой культуры и присущем ей коллективизме см.: *Ren X.* Tradition of the Law and Law of the Tradition: Law, State, and Social Control in China. Westport: Greenwood Press, 1997. P. 54, 128, 143.

[3] *Рувинский Р.* Система социального кредита в Китае: модель конституционализма для кризисной эры // Сравнительное конституционное обозрение. 2021. № 3 (142). С. 63–85.

[4] См.: *Kildiş H.P.* Digital totalitarianism: China's Social Credit System // ANKASAM. Apr. 27, 2019. URL: https://www.ankasam.org/en/digital-totalitarianism-chinas-social-credit-system/; *Mosher S.W.* China's new «social credit system» is a dystopian nightmare // New York Post. May 18, 2019. URL: https://nypost.com/2019/05/18/chinas-new-social-credit-system-turns-orwells-1984-into-reality/; *Vinayak V.* The human rights implications of China's Social Credit System // Oxford Human Rights Hub. Sep. 6, 2019. URL: https://ohrh.law.ox.ac.uk/the-human-rights-implications-of-chinas-social-credit-system/.

ступных интернет-сайтах. По мысли создателей ССК, раскрытие информации о недобросовестных физических и юридических лицах должно помочь их потенциальным контрагентам в принятии решений о сотрудничестве и, соответственно, снизить риски неисполнения договорных обязательств. Такая *политика изобличения и общественного порицания* в отдельных случаях может принимать даже достаточно экзотические формы: так, в городском округе Хэншуй провинции Хэбэй районные суды использовали практику демонстрации сведений о злостных должниках, уклоняющихся от исполнения судебных постановлений, перед показами фильмов в кинотеатрах[1], а в рамках эксперимента в провинциях Чжэцзян и Хэнань операторы связи устанавливали на телефонные номера оказавшихся в черных списках должников гудок с предупреждением о недобросовестном поведении абонента[2].

По меркам западных стран либеральной демократии, да и по российским меркам, такое обращение с персональными данными вряд ли может считаться допустимым. В КНР, однако, действуют несколько иные стандарты защиты персональных данных. Несмотря на то, что в последние годы в этой стране практически с нуля была создана достаточно серьезная нормативная база для регулирования операций с персональными данными, положения действующих нормативных актов концентрируются в основном на защите персональных данных *потребителей* товаров и услуг, тогда как в качестве *граждан* индивиды не пользуются сопоставимым уровнем защиты[3].

---

[1] 衡水：影院电影放映前播放 110 名“老赖”信息 [Hengshui: yingyuan dianying fangying qian bofang 110 ming «lao lai» xinxi] (Хэншуй: 110 сводок о попавших в чёрный список злостных неплательщиках будет показано перед началом фильмов)] //Credit China. 09.07.2018. URL: https://www.creditchina.gov.cn/home/dianxinganli1/201807/t20180706_119891.html.

[2] См.: *Ohlberg M., Ahmed S., Lang B.* Central planning, local experiments: The complex implementation of China’s Social Credit System // MERICS China Monitor. Dec. 12, 2017. URL: https://merics.org/sites/default/files/2020-04/171212_China_Monitor_43_Social_Credit_System_Implementation.pdf. P. 12; *Ma A.* In China you get a special warning before you call people who owe money, telling you to get them to pay up // INSIDER. May 20, 2019. URL: https://www.businessinsider.com/china-phones-have-dial-tone-encouraging-you-to-make-debtors-pay-up-2019-5.

[3] *Pernot-Leplay E.* China’s approach on data privacy law: A third way between the U.S. and the E.U.? // Penn State Journal of Law & International Affairs. 2020. No. 1 (8). P. 54.

Статьи 38, 39 и 40 Конституции КНР 1982 года содержат довольно общие положения, гарантирующие неприкосновенность чести и достоинства, жилища граждан, свободу и тайну переписки[1], однако эти положения вряд ли являются чем-то большим, чем декларациями, поскольку, как уже справедливо отмечалось зарубежными авторами[2], китайская конституция представляет собой, скорее, фасадную конструкцию, слабо связанную с реальными механизмами правоприменения. Статья 111 Гражданского кодекса КНР 2020 года устанавливает требование, согласно которому сбор, хранение, использование и передача персональных данных о физическом лице организацией или индивидом допускаются только на основании закона. При этом в соответствии с данной статьей, незаконное приобретение, продажа, предоставление или опубликование персональных данных третьих лиц запрещается[3]. Нетрудно заметить, что данные положения адресованы частным лицам и ничего не говорят об использовании персональных данных граждан государственными органами, которое, очевидно, презюмируется правомерным по определению. Статья 253(I) Уголовного закона КНР 1979 года, включенная в закон поправкой от 28 февраля 2009 года[4], предусматривает уголовную ответственность для должностных лиц организаций и государственных органов за незаконную (то есть не санкционированную соответствующими предписаниями правовых актов) продажу или предоставление персональных данных граждан, полученных в связи с исполнением должностных обязанно-

---

[1] Конституция КНР (в редакции 2018 года) // URL: https://chinalaw.center/constitutional_law/china_constitution_revised_2018_russian.

[2] См.: *Zhang Q.* A constitution without constitutionalism? The paths of constitutional development in China // International Journal of Constitutional Law. 2010. No. 4 (8). P. 952; *Kuo M.-S.* «The place of the constitution is empty»: Chinese political aesthetics of commanding constitutional faith // Verfassungsblog. Mar. 23, 2018. URL: https://verfassungsblog.de/the-place-of-the-constitution-is-empty-chinese-political-aesthetics-of-commanding-constitutional-faith/.

[3] Civil Code of the People's Republic of China. 28 May 2020. URL: https://pkulaw.com/en_law/aa00daaeb5a4fe4ebdfb.html. Точно такая же статья содержалась и в ранее действовавших Общих положениях гражданского права КНР 2017 года (см.: General Provisions of the Civil Law of the People's Republic of China. 15 March 2017. URL: https://www.pkulaw.com/en_law/c6f2d80ee8c0c709bdfb.html).

[4] Amendment (VII) to the Criminal Law of the People’s Republic of China. 28 February 2009. URL: https://pkulaw.com/en_law/e9381f0afa80a487bdfb.html.

стей[1]. Однако ни один из действующих в КНР законодательных актов не содержит гарантий нераспространения информации о гражданах самим государством, так что любое опубликование даже весьма нелицеприятной информации о гражданине, если оно предусмотрено одним из многочисленных подзаконных нормативных актов госорганов КНР[2], может считаться априори правомерным. В этом, судя по всему, и кроется объяснение довольно-таки жестких практик изобличения и общественного порицания должников, правонарушителей и иных «подрывающих доверие» лиц в Китае.

Казалось бы, напрашиваются очевидные выводы: социально-кредитные техники являются специфически китайским (или «азиатским») феноменом; нормальные в контексте китайской авторитарной культуры, они не применимы в демократических обществах. Эти выводы были бы чрезмерным упрощением, особенно с учетом того, что, как уже было доказано выше по тексту, социально-кредитные механизмы по своей сути шире китайского проекта (в котором они, конечно, нашли наиболее яркое свое воплощение), могут принимать различные формы и внедряться за пределами КНР, в странах с любой политической и правовой культурой.

Здесь нужно провести мыслительный эксперимент. Представить: если бы ССК не предполагала практик изобличения и общественного порицания, если бы информация о недобросовестных лицах была доступна только уполномоченным лицам (государственным служащим в рамках выполнения ими своих задач, сотрудникам банков, страховых компаний и т. д.) и не распространялась бы на общедоступных сайтах в сети Интернет, если бы каждый мог в любой момент ознакомиться с любой информацией о себе, содержащейся в государственных базах данных, если бы каждому были доступны прозрачные процессуальные механизмы обжалования и

---

[1] Criminal Law of the People's Republic of China (2017 Amendment PKULAW Version). 4 November 2017. URL: https://pkulaw.com/en_law/703dba7964330b85bdfb.html.

[2] Одним из таких актов являются Некоторые положения Верховного народного суда об опубликовании списка бесчестных лиц, подлежащих принудительным мерам (URL: https://www.creditchina.gov.cn/lianhejiangcheng/yzsxdxglzdhz/202201/t20220104_285444.html). Пункт 5 данного документа предписывает судам КНР обнародовать информацию о «бесчестных лицах», не исполняющих судебные решения.

устранения (изменения) некорректной информации в этих базах данных, разве тогда социально-кредитные механизмы (профилирование, социально-кредитная оценка, архитектура допусков и ограничений, дифференциация управленческих мер в зависимости от содержимого профилей субъектов, оценка рисков и пр.) перестали бы быть самими собой, потеряли бы социально-кредитную составляющую (допуск к определенным благам в обмен на ожидаемое, лояльное поведение)? Представляется, что ответ на данный вопрос однозначен: нет.

Китайские практики работы с персональными данными нужно рассматривать как практики, определяемые особенностями китайской правовой и политической культуры. При встраивании социально-кредитных механизмов в систему публичного управления общества с иной правовой культурой законодателю и правительству, несомненно, пришлось бы учесть нормы работы с персональными данными, определенные действующим законодательством и особенностями правовой культуры данного общества. Следование европейским, например, стандартам защиты персональных данных вовсе не отменяет возможности внедрения социально-кредитных механизмов персональной идентификации, профилирования, оценки рисков, допусков и ограничений. Другое дело, что в условиях действия таких стандартов облик данных механизмов будет отличаться от облика китайской ССК. Но сущность явления определяется не внешним обликом, не формой, а функционалом, возможностями, направленностью, логикой. Может статься, что социально-кредитные механизмы уже внедряются в России и странах Европейского Союза, в Великобритании и США, в других странах мира, но мы не определяем их в таком качестве, потому что привыкли к специфике внешнего облика китайской ССК.

2.2.2.3. Социально-кредитные механизмы и права личности

Как ни странно, обозреватели на Западе и в России не замечают (или делают вид, что не замечают) очевидной социально-кредитной составляющей тех процедур допуска граждан на рабочие места, в рестораны, музеи, театры, концертные залы, а нередко также – в образовательные, медицинские и правительственные учреждения, – которые

были распространены практически по всему миру в условиях коронавирусной пандемии, после регистрации вакцин от COVID-19[1]. Вакцинация экспериментальными медицинскими препаратами, прошедшими сертификацию в ускоренном порядке, в обмен на допуск в общественные места, – это тоже реализация социально-кредитного механизма, социально-кредитной логики, когда определенное поведение становится условием для осуществления права, ранее не требовавшего от субъекта совершения каких-либо поведенческих актов, при этом для подтверждения их совершения используются цифровые технологии обработки данных. Требование предоставить содержащий QR-код сертификат о вакцинации от коронавируса является, по сути, социально-кредитным требованием[2]. Хотя юристу или IT-специалисту может показаться наивной позиция миллионов обывателей, обрушивших свое недовольство новым порядком допуска в общественные места на QR-коды[3], являющиеся на самом деле нейтральным инструментом идентификации предметов (изначально – товаров, документов и т. п.), эта позиция оказывается на самом деле более глубокой, чем может показаться на первый взгляд, ведь за QR-кодами обыватель сумел разглядеть наступление нового режима управления, новой *постправовой*[4] логики.

---

[1] Хороший обзор ограничительных мер для невакцинированных граждан см. в: *Bardosh K. et al.* The unintended consequences of COVID-19 vaccine policy: Why mandates, passports and restrictions may cause more harm than good // BMJ Global Health. 2022. № 7, art. e008684.

[2] Попытка узаконить эти требования, основывавшиеся на сомнительной нормативно-правовой базе и опиравшиеся преимущественно на указы губернаторов российских регионов, была предпринята в ноябре 2021 года, когда в Государственную думу Правительством РФ были внесены два законопроекта: № 17357-8 (URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/17357-8) и № 17358-8 (URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/17358-8). По неизвестным причинам оба законопроекта, первый из которых Госдума даже приняла в первом чтении, были сняты с рассмотрения.

[3] О протестах против введения системы допуска к общественным местам по предъявлению сертификатов о вакцинации см.: По России прокатилась волна протестных акций и обращений против QR-кодов // Octagon. 08.11.2021. URL: https://octagon.media/istorii/po_rossii_prokatilas_volna_protestnyx_akcij_i_obrashhenij_protiv_qr_kodov.html; *Степанова А.* QR-коды превратят граждан в заложников системы, сделанной кривыми ручками // ИА REGNUM. 23.11.2021. URL: https://regnum.ru/news/economy/3430112.html.

[4] О феномене «постправа» см.: *Рувинский Р.З.* Правопорядок в период глобального кризиса. С. 316–339; *Rouvinsky R.* Law in the age of the 4th industrial

Почему мы можем охарактеризовать работу социально-кредитных механизмов как работу в постправовой логике? Одной из очевидных причин является то, что эти механизмы устраняют понимание юридических прав и свобод, характерное для современной (относящейся к модерну) эпохи, а также предшествующих ей исторических периодов. Если прежде (как в эпоху модерна, так и в период премодерна) установленное законом право предполагало действительную возможность лица на совершение определенных деяний или получение определенных благ (хотя в рамках авторитарных, тоталитарных и деспотических режимов это право могло быть в какой-то момент отнято у него в интересах властителя, либо могло изначально являться чистой формальностью, декларацией, подобно правам, гарантированным сталинской конституцией 1936 года), сегодня гарантированное законом право может выступать в качестве лишь базового условия для реализации соответствующего правомочия. Архитектура обработки данных о субъектах надстраивается над зданием законодательно признанных прав и свобод: вам не достаточно иметь возможность сослаться на положение конституции или иного закона для того, чтобы воспользоваться своими свободами или получить доступ к необходимым вам благам, – вы должны также соответствовать требованиям, предъявляемым к вам новыми цифровыми средствами контроля. *Внедрение социально-кредитных механизмов в практику публичного управления ведет в конечном итоге к формированию разрыва между формально закрепленными правами и фактической способностью их реализовывать, между правосубъектностью индивида и реализацией правосубъектности в конкретных правовых отношениях* (как вертикальных, возникающих между государством и гражданами, так и горизонтальных, возникающих между гражданами и/или их частными ассоциациями).

Попытаемся проиллюстрировать вышеизложенный тезис. Допустим, за индивидом формально закреплена свобода передвижения[1],

---

revolution: Between the impersonal technology and shadow orders // Russian Law Journal. 2021. Vol. 9, Issue 1. P. 4–33.

[1] Конституция КНР не содержит указания на свободу передвижения граждан, однако китайское руководство неоднократно заявляло о своем уважении Всеобщей декларации прав человека и других документов о правах человека, принятых на уровне ООН (см.: *Kinzelbach K.* Will China's rise lead to a new normative order? An analysis of China's statements on human rights at the United

однако с ее фактической реализацией возникают трудности: если проживающий в КНР гражданин внесен в один из черных списков, тогда транспортные организации отказывают ему в приобретении билетов на самолеты и скоростные поезда; если говорить о мире за пределами КНР, то невозможность реализовать свободу передвижения мы могли наблюдать в России, Евросоюзе, США и других странах в период пандемии COVID-19, когда для выезда в соседний регион, а то и для выхода из дома требовалось специальное разрешение. Другой пример, также из китайской практики регулирования общественных отношений: закон позволяет гражданам приобретать имущество в собственность, но фактическая реализация данного права гражданином с «плохой репутацией» стеснена действующими запретами на приобретение такими (имеющими низкий рейтинг, оказавшимися в одном из черных списков) лицами недвижимого имущества, предметов роскоши. Законодательно закрепленные, даже конституционные права и свободы de facto оказываются сведенными на нет многочисленными актами более низкого порядка, якобы дополняющими и развивающими положения законов.

Внедрение социально-кредитных механизмов в практику публичного управления ведет к тому, что содержимое государственных баз данных, реестров и черных списков, не говоря уже о рейтинге в системах социального скоринга, приобретает большее значение для правореализации, чем объем законодательно признаваемых за гражданином прав и свобод. Законодательно, в том числе конституционно закрепленные права и свободы становятся мало значащими абстракциями. Не только личные права и свободы, такие как свобода передвижения и право иметь имущество в собственности, но также и социально-экономические права, и прежде всего, право на труд оказываются под

Nations (2000–2010) // Netherlands Quarterly of Human Rights. 2012. Vol. 30. № 3. P. 307). Статья 13 Всеобщей декларации прав человека закрепляет за каждым право свободно передвигаться в пределах одного государства, а также право покидать любую страну, включая свою собственную (см.: Всеобщая декларация прав человека: принята резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 года // URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml). Право на свободу передвижения также гарантировано статьёй 12 Международного пакта о гражданских и политических правах, подписанного КНР 5 октября 1998 года (*Kent A.* China, the United Nations, and Human Rights: The Limits of Compliance. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1999. P. 195).

вопросом. Низкий рейтинг в системе социального скоринга, нахождение в черном списке или недостаточно хорошие социально-кредитные записи в цифровом профиле гражданина могут послужить основаниями для отказа в приеме гражданина на работу, либо для приема на менее оплачиваемую должность по сравнению с иными, равными в остальном, претендентами. Возможна и иная дискриминация в сфере труда и занятости.

Немаловажным является и то, как социально-кредитные механизмы, основывающиеся на анализе и оценке репутационных данных, в долгосрочной перспективе способны сказаться на повседневном правовом поведении индивидов. Нетрудно представить, что индивид, опасаясь появления в базах данных нежелательной информации о себе, которая впоследствии может быть негативно интерпретирована соответствующими ведомствами и предприятиями в процессе трудоустройства, при выдаче займов, субсидий и административных разрешений, с большой долей вероятности будет вынужден не только внимательно следовать обязывающим и запрещающим предписаниям законодательства, но и ограничивать себя в совершении деяний, формально не являющихся противоправными: например, будет ограничивать себя в высказывании мнений о политической ситуации в стране и деятельности правительства, в участии в не инспирированных властями публичных мероприятиях. Правопорядок, основанный на перманентном анализе и оценке репутационных данных о субъектах права, предполагает фактическое урезание свободы выражения гражданином своего мнения, право на которое относится к разряду фундаментальных и закреплено в статье 19 Международного пакта о гражданских и политических правах[1].

Можно и дальше приводить примеры актуальных случаев, в которых проявляется отступление от принципа прямого действия законодательно закрепленных за субъектами прав и свобод. Смоделировать же можно еще большее количество подобных ситуаций. Но важно то, что все эти ситуации являются не причинами, а следствиями: следствиями новой управленческой логики и того принципиально нового положения, которое обретают находящиеся в управляемом (контролируемом) контуре физические, юридические и должностные лица.

---

[1] Международный пакт о гражданских и политических правах: принят резолюцией 2200 A (XXI) Генеральной Ассамблеи от 16 декабря 1966 года // URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml.

2.2.2.4. Конец правосубъектности

Социально-кредитное, основанное на оперировании с данными управление de facto ставит субъекта (будь то физическое, юридическое или должностное лицо) в положение *объекта*. Эта подмена совершается в несколько этапов. Сначала субъект, т. е. участник правоотношений / актор / действующее лицо, сводится к своему цифровому дублю, т. е. к цифровому профилю как набору определенных значимых данных из различных источников. На основе системы идентификации и цифрового профилирования выстраивается система допусков и ограничений, осуществляется социальное ранжирование (т. е. дифференциация государственно-властных мер в зависимости от содержимого профилей) в той или иной форме. В такой среде актуальные возможности субъекта по реализации своих правомочий определяются данными цифрового профиля, а не законодательно закрепленным объемом прав и свобод. Ранжирование является ключевым, самым важным этапом в превращении субъекта в объект: набор профилей (=лиц), оцениваемых в том или ином отношении схожим образом, получает примерно равный объем возможностей правореализации; тем самым, создается проницаемое (т. е. доступное как к включению, так и к исключению из него) множество, состоящее не из отдельных лиц, а из управляемых *единиц*.

Социально-кредитные механизмы как средства публичного управления, таким образом, имеют дело не с участниками публично-правовых (прежде всего, административно-правовых) отношений, не с *лицами*, а с *единицами* – представителями поднадзорного *множества*, подлежащими перманентной классификации и ранжированию[1].

Поскольку в рамках социально-кредитной архитектуры публичного управления реальные возможности правореализации, как уже говорилось выше, должны определяться содержимым баз данных, а не объемом законодательно гарантированных прав и свобод, правосубъектность как одна из ключевых конструкций юридического дискурса

[1] Ср.: «…появление профилированного гражданина на месте свободного гражданина. Переход от уважения к человеку и его личности к [пониманию] личности как объекта перманентного генерализованного подозрения» (*Rodota S.* Renforcement et développement de nouvelles applications informatiques de surveillance et de contrôle // Terminal. 2011. № 108–109. P. 15).

утрачивает свой смысл. Сведения о долгах, зафиксированных правонарушениях, вакцинации, доходах и расходах, перемещениях индивида рано или поздно должны стать напрямую доступными через инфраструктуру цифровых профилей и, будучи связанными воедино, анализироваться и оцениваться алгоритмами искусственного интеллекта. Тогда формальные, в том числе конституционно закрепленные, права и свободы потеряют всякий смысл.

Лицо, сведенное к набору данных о нем и выступающее для институтов публичного управления в качестве некоего цифрового профиля или файла, не просто так перестает являться субъектом права. Формально, конечно, никто не отнимает у него качества юридического субъекта, наделенного правоспособностью, однако это качество, с сущностной стороны, теряет значительную долю своего смысла. Единица, сведенная к набору данных, не является активным действующим лицом, актором публичных правоотношений, но становится лишь тем, кем (вернее, *чем*) управляют. Эта единица еще по большей части остается субъектом частноправовых отношений, потребителем товаров и услуг, либо их поставщиком, однако в области публичного права ее статус de facto сведен к статусу управляемого объекта.

Можно было бы возразить на это, что гражданин как субъект права всегда являлся адресатом регуляторных мер, индивидуальных и нормативных предписаний, всегда был обязан подчиняться законным предписаниям носителей власти. Это действительно так, но он всегда также служил исходной величиной государственно-организованного правопорядка, его предпосылкой, и в этой связи являлся не только носителем обязанностей по отношению к властным институциям, но и обладателем гарантированных прав. Сегодняшний «субъект», если о нем еще допустимо говорить таким образом, не может похвастаться тем, что ему что-либо гарантировано, и что он сам является сколь-либо значимой величиной складывающегося на наших глазах правопорядка. У него есть конституционные права и свободы, но достаточно какого-нибудь правительственного декрета или даже решения местных / региональных властей, как он не может сделать ни шага без сертификата о вакцинации от нового опасного вируса, мультипасса или «паспорта болельщика». Достаточно постановления уполномоченного министерства, и ему будет отказано в приобретении определенных, не изъятых из гражданского оборота товаров, выезд за ру-

беж или пользование объектами общественной инфраструктуры. Апелляция к праву и отстаивание своих свобод перед судом также становится все менее перспективным занятием, учитывая то, что все чаще внеконституционные запреты и ограничения, а также делегирование регуляторных и правоприменительных функций алгоритмическим системам обосновываются хитроумными отсылками к неким чрезвычайным или околочрезвычайным обстоятельствам (разумеется, без введения режимов чрезвычайного или военного положения), а также жонглированием максимально невнятными по содержанию законодательными нормами, якобы допускающими принятие правоограничительных подзаконных актов. Если в условиях превращения кризиса и чрезвычайного положения в господствующую управленческую парадигму нормативно-правовое регулирование все в большей степени тяготеет к исключительным, чрезвычайным по своей сути установлениям[1], то оно одновременно также открывает дорогу новым, основанным на работе с большими данными способам и формам воздействия на членов общества. Хроническая чрезвычайщина идет рука об руку с цифровизацией, профилированием и социальным ранжированием.

Мы продолжаем употреблять понятия «субъект права», «презумпция невиновности», «юридическая ответственность», но смысл этих конструкций оказывается подточен инновационными управленческими режимами, основанными на оперировании данными. Самое трудное время – время, когда люди вынуждены использовать понятия ушедшей эпохи, более не отражающие сути обозначаемых ими явлений, при том, что новых понятий, которые были бы более адекватны изменившейся действительности, еще не изобретено, либо употребление их пока еще кажется чрезмерно скандальным.

Так или иначе, проблематизация правосубъектности, фактическое обесценивание закона как регулятора общественных отношений и иные отмеченные выше симптомы глубинных трансформаций логичным образом должны поставить вопрос о том, как и в какую сторону меняются современная государственность и гражданское общество.

---

[1] См.: *Рувинский Р.З.* Правопорядок в период глобального кризиса. С. 197–211. *Rouvinsky R.* Lawmaking in times of domestic and foreign-policy instability (the Russian experience) // The Theory and Practice of Legislation. 2021. Vol. 9, № 1. P. 117–139.

2.3. ИЗМЕНЕНИЕ СИСТЕМЫ СОЦИАЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ И РАДИКАЛЬНАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

2.3.1. Платформенное государство

Внедрение социально-кредитных механизмов в публичное управление ведет отнюдь не только к изменению управленческих практик, понимаемых в их техническом аспекте. Речь надо вести не о повышении удобства оказания публичных услуг, противодействия правонарушениям и повышения уровня государственной дисциплины, но, прежде всего, об изменении самого характера взаимоотношений государства и гражданина, об изменении характера отправления государственной власти, о месте гражданина в рамках новой государственности. Внедрение новых технологий, разумеется, не производит моментальной революции в устройстве управленческих институтов, но постепенно ведет к ней. Постепенное накопление изменений зачастую не позволяет нам осознать подлинный масштаб трансформаций, и поэтому мы зачастую продолжаем относиться к новым технологиям управления как к всего лишь нейтральным инструментам, позволяющим где-то что-то улучшить, сделать более доступным, быстрым, дешевым. Если ССК и подобные ей проекты еще не видоизменили до неузнаваемости современные государства и правовые системы, то лишь потому, что они начали внедряться сравнительно недавно. Они в самом начале пути, но модус их действия можно распознать уже сейчас.

2.3.1.1. От электронного правительства к цифровому Левиафану

Наверное, стоит еще раз повторить, что китайская ССК, а вместе с ней – социально-кредитные механизмы в других странах мира, генетически связана с проектами электронного правительства, взлет популярности которых пришелся на период конца 1990-х – начала 2000-х годов[1]. Уже упоминавшиеся выше по тексту система маркировки каче-

[1] Об истории развития проектов электронного правительства и содержательной составляющей этих проектов см.: *Grönlund Å., Horan T.A.* Introducing

ства продукции «Золотое качество», система налогового учета «Золотое налогообложение» и система электронного таможенного декларирования «Золотая таможня», связанные с китайской ССК, представляют собой проекты, реализуемые в рамках программы создания электронного правительства в КНР. Сам проект электронного правительства тесно связан с механизмами ССК. Как следует из содержания пункта 4.18 Руководящих заключений Госсовета КНР о создании и совершенствовании системы объединенных стимулов за сохранение верности и объединенных наказаний за утрату доверия, а также об ускорении развития социального кредита, основой для построения национальной платформы обмена кредитной информацией должны были послужить ресурсы сети электронного правительства[1].

Китайская ССК, равно как и социально-кредитные механизмы в других странах, вырастает на фундаменте электронного правительства (прежде всего, на системах межведомственного информационного обмена), но, строго говоря, отождествлять ее с электронным правительством неверно. Обычно под словосочетанием *«электронное правительство»* принято понимать использование информационно-коммуникационных технологий в целях упрощения документооборота и ускорения предоставления государственных услуг гражданам[2]. Инструменты электронного правительства, по идее, должны сделать взаимодействие граждан с органами государства более удобным, интересы и потребности гражданского общества – более понятными для правительства, а деятельность различных структурных элементов госаппарата – более прозрачной для населения. Социально-кредитные механизмы выходят за рамки задач оптимизации документооборота и предоставления государственных услуг населению. В то время как идея электронного правительства в основном исчерпывается задачами

---

e-Gov: History, definitions, and issues // Communications of the Association for Information Systems. 2005. Vol. 15. P. 713–730.

[1] 国务院关于建立完善守信联合激励和失信联合惩戒制度加快推进社会诚信建设的指导意见 国发 // URL: http://www.gov.cn/zhengce/content/2016-06/12/content_5081222.htm.

[2] См.: *Kamolov S., Konstantinova A.* E-Government: Way of modernization and efficiency enhancement of public governance // Право и управление. XXI век. 2017. № 1 (42). С. 13–21; *Трахтенберг А.Д.* Идеологический концепт электронного правительства: как работает риторика разрыва? // Научный ежегодник ИФиП УрО РАН. 2017. № 2 (17). С. 41–58.

оптимизации деятельности госаппарата по предоставлению услуг и совершению отдельных юридических значимых действий в интересах граждан и организаций, социально-кредитные механизмы, нацеленные в конечном счете на оценку поведения и ранжирование подконтрольных объектов, представляют собой принципиально новый подход к реализации управленческих задач. Основная функция социально-кредитных механизмов – контроль, причем контроль над подвластными. Работа с данными управляемых лиц является краеугольным камнем социально-кредитных механизмов, т.к. именно на их основе осуществляется воздействие на поведение этих лиц, на их основе определяются допуски и ограничения, дозволения и запреты, осуществляется надзор. В рамках проектов электронного правительства данные в большей степени еще остаются своего рода побочным продуктом, благодаря переводу общения граждан с госорганами в цифровую среду они накапливаются в государственных базах данных, но через них еще не осуществляется управление. В рамках традиционных (изначальных) проектов e-government цифровизация и датафикация – вопросы повышения удобства; для социально-кредитных механизмов – это sine qua non, необходимые условия.

Функциональное различие электронного правительства и ССК порождает и различное отношение двух проектов к фигуре гражданина. Тогда как в системах электронного правительства граждане и организации выступают в качестве *субъектов*, т.е. полноправных участников правовых отношений с государством, в рамках которых реализуются их права и обязанности (право на получение социальных выплат, обязанность по предоставлению отчетности, обязанность по уплате налога, и т. д.), в рамках ССК физические, юридические и должностные лица являются вовсе не субъектами, а именно *объектами* – объектами осуществления контроля. Социально-кредитные механизмы, таким образом, как уже говорилось выше, имеют дело не с *лицами*, а с *единицами* – представителями поднадзорного *множества*, подлежащими перманентной классификации и ранжированию.

Если ССК в КНР изначально создавалась параллельно структурам электронного правительства, а само электронное правительство уже на этапе разработки содержало в себе элемент контроля[1], в других стра-

[1] Тогда как в США и других либеральных демократиях проекты электронного правительства первоначально предполагали определённую децентра-

нах все было иначе. И тем поразительнее тот факт, что со временем безобидные, казалось бы, проекты электронного правительства разрослись в разветвленные экосистемы цифровых платформ, позволяющие отслеживать перемещения людей, контролировать их поведение в общественных местах, учитывать исполнение наложенных властями карантинных ограничений, собирать данные о кредитных обязательствах, доходах и расходах. Проекты наподобие аппаратно-программного комплекса «Безопасный город»[1] (ср. с *smart city*), системы видеоанализа событий с функцией распознавания лиц, социально-кредитные мобильные приложения наподобие итальянского Smart Citizen Wallet, системы идентификации и допуска в общественные места наподобие российской системы FAN ID, сертификаты о вакцинации и так называемые европейские *«green pass»* («зеленые паспорта») – все, как это ни странно, являются составными частями в мозаике электронного правительства и поддерживаются соответствующими органами исполнительной власти, уполномоченными в области цифровизации (в России это Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций, в Италии – Министерство технологической инновации и цифрового перехода). Почти незаметный для обывателя транзит от электронного правительства как инфраструктуры документооборота к настоящему цифровому управлению как комплексной интеллектуальной системе, способной выполнять все основные управленческие функции, уже осмысляется зарубежными учеными[2]. Как можно понять из актуальной

лизацию управленческих структур и придание административным органам дружелюбного облика в глазах граждан, при внедрении проекта электронного правительства в КНР основное внимание было направлено не на коммуникацию государства с гражданами, а на проведение административной реформы с прицелом на повышение слаженности госаппарата и централизацию осуществления управленческих функций. См.: *Ma L., Chung J., Thorson S.* E-government in China: Bringing economic development through administrative reform // Government Information Quarterly. 2005. № 22. P. 24.

[1] См.: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 3 декабря 2014 года № 2446-р «Об утверждении Концепции построения и развития аппаратно-программного комплекса «Безопасный город» // СЗ РФ. 2014. № 50. Ст. 7220.

[2] См.: *González-Zapata F., Piccinin-Barbieri M.* Making the leap from e-government to digital government // Development Co-operation Report 2021: Shaping a Just Digital Transformation. OECD, 2021. P. 138–146; *Koo E.* Digital transformation of Government: From E-Government to intelligent E-Government // The-

литературы по данной теме, разница между ранними проектами электронного правительства и современным цифровым управлением состоит в том, что ранние проекты были направлены преимущественно на перевод аналоговых процессов в онлайн-формат и выступали лишь вспомогательными средствами в руках бюрократических институтов государства, в то время как нынешние комплексные системы меняют сам характер публичного управления, сокращая бюрократию и снижая роль традиционных госорганов в непосредственном осуществлении административной деятельности.

Удобство взаимодействия с государственными органами через цифровые платформы электронного правительства, как оказалось, имеет свою цену: распространение цифровизации и расширение областей общественной жизни, опосредуемых системами сбора и обработки данных, делает субъекта все более предсказуемым и, при этом, зависимым от государства.

2.3.1.2. Народный суверенитет – в прошлом!

Развитие систем риск-ориентированной оценки поведения индивидов и организаций, основывающейся на анализе репутационных данных, ведет к упрощению регулирования и контроля, снижению управленческих издержек. Субъекты права, как уже говорилось, предстают в качестве цифровых профилей, файлов, т. е., если использовать слова бельгийской ученой Антуанетт Рувруа, *homo juridicus* (человек юридический) постепенно растворяется в *homo numericus* (человеке цифровом)[1]. Людьми и их ассоциациями так проще управлять: анализ поведения (деятельности) в прошлом делает их поступки (деятельность) в будущем все более предсказуемыми; их можно специально ставить в определенные условия, в которых они вынуждены будут поступать безальтернативным образом; тех, кто оценен как представляющий угрозу или просто не заслуживающий доверия,

---

sis: S.M. in Engineering and Management, Massachusetts Institute of Technology, System Design and Management Program, 2019. URL: https://hdl.handle.net/1721.1/121792.

[1] *Rouvroy A.* Homo juridicus est-il soluble dans les données? // Law, Norms and Freedoms in Cyberspace (Droit, Normes et Libertés dans le Cybermonde) / ed. by Cécile de Terwangne et al. Bruxelles: Larcier, 2018. P. 442.

можно отрезать от определенных благ, общественных пространств, рынков, отношений; управление может быть дифференцированным, если анализ больших данных позволяет проводить социальное ранжирование. В таких условиях государство как организация управления из системы многочисленных ведомств трансформируется в систему цифровых платформ, аналитических алгоритмов, допусков и ограничений под кураторством сохраняющейся, но все более сжимающейся и уходящей в тень бюрократии.

Платформенное государство (*platform state, Government-as-a-Platform, GaaP*)[1] – не отдаленное будущее, а уже почти повседневность, наступающая прямо на наших глазах, меняющая наши представления и заставляющая пересматривать устоявшиеся понятия. Идея платформенного государства состоит в том, что на смену государственному аппарату как системе ведомств, продвигающих каждое свой стандарт электронных инструментов[2] и использующих цифровые технологии лишь для содействия выполнению текущих бюрократических задач, должна прийти экосистема цифровых платформ публичного управления с едиными стандартами, с максимальной заменой чиновников алгоритмами искусственного интеллекта, со сведением человеческого фактора к минимуму. Как отмечают исследователи из российского Института стратегических разработок, создание государства-платформы потребует внедрения в публичное управление подходов и наработок, реализуемых в настоящее время крупнейшими IT-компаниями[3]. Судя по всему, от государства ожидают еще большего сближения с моделью коммерческой корпорации[4], и, очевидно, это сближение должно затронуть отнюдь не только внешнюю форму

---

[1] На эту тему см.: *Петров М., Буров В., Шклярук М., Шаров А.* Государство как платформа: (кибер)государство для цифровой экономики. М.: Институт стратегических разработок, 2018; *Alauzen M.* The platform state and digital identification of users: The FranceConnect design process // Réseaux. 2019. Vol. 213, Issue 1. P. 211–239.

[2] Явление, метко охарактеризованное обозревателем РБК как «цифровой феодализм». См.: *Лаврова И.* Бюрократия в ускоренном режиме // РБК+. 18.04.2018. URL: https://plus.rbc.ru/news/5acf361a7a8aa94d5cd56109.

[3] *Петров М., Буров В., Шклярук М., Шаров А.* Указ. соч. С. 11.

[4] О современных тенденциях корпоратизации государств и этатизации корпораций см.: *Рувинский Р.З.* Правопорядок в период глобального кризиса: трансформации, тенденции, угрозы. СПб.: Алетейя, 2020. С. 127–156.

управленческой деятельности, ведь уже сегодня многие технологические решения в области цифровизации госсектора разрабатываются и воплощаются в жизнь частными коммерческими компаниями: однажды может наступить момент, когда будет не ясно, кто занимается регуляторной и административной деятельностью – государство или корпорации. Впрочем, неясным будет, по-видимому, и то, что представляет собой государство, какой смысл мы должны будем вкладывать в это понятие.

Стоит обратить внимание на то, что новые социально-кредитные и алгоритмические системы публичного управления предполагают вымывание человеческого фактора, человеческой субъектности сразу в двух плоскостях, с двух сторон: с одной стороны, это уменьшение роли госслужащего / судьи в принятии решений[1], с другой – превращение гражданина из субъекта публичного права в объект администрирования, утрата прежних позиций в рамках государственно-организованного правопорядка. В чем выражается такая утрата позиций гражданина? Для ответа на этот вопрос необходимо провести краткий экскурс в историю государственности.

Понятия государства и государственности имеют достаточно сложную теоретическую и историческую подоплеку, вдаваться в кото-

[1] Судя по всему, бюрократия сохраняется, но преимущественно на верхних этажах власти, т. е. там, где принимаются принципиальные решения стратегического плана; на нижних же этажах она постепенно сводится к IT-специалистам, призванным обеспечивать бесперебойную работу цифровых систем и сред, и мелким чиновникам, все еще вынужденным проштамповывать / подписывать официальные документы, к определению содержания которых сами имеют при этом все меньшее отношение. Данная тенденция не опровергается тем фактом, что в нынешний переходный период размеры бюрократического аппарата могут даже расти: очевидно, что это необходимо для решения задач перехода, после совершения которого чиновничий класс должен будет попасть под масштабные сокращения. Между прочим, то, что в КНР ССК направлена в том числе на оценку работы госслужащих и структурных элементов госаппарата, а в России, например, вводится в действие система «Посейдон» (см. § 3.1.4), предполагающая анализ деятельности, доходов и расходов госслужащих, красноречивым образом свидетельствует о том, что на самых верхах (а не только внизу, что было бы логично) доверия к чиновничеству более нет. Сегодняшняя бюрократия – это класс, который должен выступить в роли собственного могильщика, но, прежде чем он утратит свое былое влияние, ему следует подготовить функционирование цифровых платформ публичного управления. В этом его миссия на XXI век.

рую нет никакой возможности в рамках данного исследования. С одной стороны, то, что мы привыкли понимать под государством (суверенное территориально-замкнутое политико-правовое образование, конструирующее нацию из населяющих соответствующую территорию людей), является несомненным порождением эпохи Нового времени, эпохи модерна. Об этом следует помнить, если мы, рассуждая о государственных институтах, не желаем впасть в анахронизм. Хорошо это или плохо, но мы до сих пор меряем государство меркой эпохи модерна, ожидая, что оно будет вести себя соответствующим образом, подобно государствам XVI–XX столетий. С другой стороны, государственность может быть представлена в более широком смысле и расположена на гораздо более широкой временной шкале: в таком случае, следуя за английским государствоведом Бобом Джессопом, мы можем охарактеризовать государство как «общую трансисторическую форму политической организации»[1]. Если следовать этому, более широкому, подходу, логичным будет вывод, согласно которому фундаментальные типы и модели государственности исторически изменчивы, и для каждого такого типа (модели), которые возникали ранее и, очевидно, будут возникать в будущем, характерны различные режимы управления. Что же характеризует тот тип или ту модель государственности, которая возникла с началом Нового времени и является для нас наиболее понятной и знакомой? – на этот вопрос придется ответить, если мы хотим понять, какие трансформации претерпевает государственность в результате внедрения социально-кредитных механизмов и повсеместной датафикации. Не уяснив для себя специфики уходящей модели, невозможно понять сущность изменений, увидеть качественную новизну в той управленческой модели, которая еще только формируется на наших глазах.

Несмотря на то, что «современный» (т.е. относящийся к эпохе модерна) тип государственности вбирает в себя достаточно разноплановые по форме правления и территориального устройства, идеологии и политическим режимам государственные образования, для государств, к нему относящихся, в целом характерен ряд объединяющий черт: территориальная замкнутость, суверенитет, тесная связь с понятием

[1] *Джессоп Б.* Государство: прошлое, настоящее, будущее. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2019. С. 364.

нации, различение власти и собственности, а также противопоставление правящих и управляемых (т. е. государства и граждан) друг другу. В качестве наиболее известных и ярких государственных моделей в рамках современного типа государственности могут быть названы модели полицейского государства (*Polizeistaat*), правового государства (*Rechtsstaat*), социального государства (*Sozialstaat* или *welfare state*). Каждая из этих моделей обладает своей спецификой и происходит из специфических социальных условий, однако что объединяет их всех, что объединяет либерально-демократические и авторитарные режимы, государства социалистической ориентации и теократии, республики и даже монархии, так это опора на идею народного суверенитета. В данном случае речь не идет о том, что органы власти всех государств, относящихся к указанного нами типу, обязательно должны формироваться посредством выборов и действовать прозрачно для избирателей. Речь идет лишь о том, что нация официально или полуофициально, фактически или лишь формально ставится в роли источника учредительной власти в государстве, в качестве источника существующего правового порядка, главного адресата и причины всех государственных усилий и действий, обосновывающего любые, даже самые спорные правительственные инициативы внутри страны и на международной арене.

Эпоха модерна поставила «духовную идентичность нации», если говорить в терминах Майкла Хардта и Антонио Негри[1], в сердце государственности; отправление государственной власти сделалось имманентным обществу, тогда как до эпохи модерна ситуация была принципиально иной: власть средневековых королей, античных римских императоров и древневосточных деспотов или обожествлялась, или обосновывалась отсылкой к некоему трансцендентному порядку[2], а появление современного государства-нации в XVI–XVIII веках превратило саму национальную общность, нацию, в обоснование и внутренний движитель осуществления государственной власти. К настоящему дню мы привыкли к тому (и часто не задумываемся об этом, принимая как должное), что «народное благо», как бы абстрактно и лицемерно порой ни звучало это словосочетание, выступает в качестве принципиального императива и обоснования функционирования государства:

---

[1] *Хардт М., Негри А.* Империя. М.: Праксис, 2004. С. 98.

[2] Идея империи, представления о Respublica Christiana и т. п.

закрепление такого понимания государственности мы можем встретить в текстах конституций, в государственных доктринах или, по крайней мере, в самой политической практике (ни один даже самый авторитарный правитель государства современного типа никогда не признает публично, что его политика преследует сугубо частный интерес и что его решения не связаны с интересами всего общества). Каким бы странным это ни казалось на первый взгляд, но опора на дискурс народного суверенитета присуща как либеральным, так и нелиберальным государственным режимам эпохи модерна, не исключая режимы социалистические [1] и теократические. Традиция говорить от имени народа, разумеется, легко может быть объяснена желанием правительств легитимировать свою деятельность перед самими гражданами и международными акторами, однако на самом деле она значит куда больше. Выступление от имени народа отражает часто недооцениваемый факт: современное государство теснейшим образом связано с гражданским обществом и «является всего лишь одной из частей сложного социального порядка»[2]. Не бог, не царь и даже не какой-то отдельный социальный класс или этнос, а гражданин – или, более правильно, граждане как обобщенное множество – является отправной точкой и наиболее значимой фигурой на поле современной государственности.

В мире государственности эпохи модерна (т. е. той государственности, которая только и известна нам, и признаки которой мы привыкли экстраполировать на другие эпохи и типы) нация служит воображаемым телом государства. Отсюда – парадоксальное, но вполне логичное следствие: в рамках такого государственно-организованного порядка граждане являются одновременно и объектами управления, и носителями прав по отношению к государству. Именно в эту часть порядка цифровая трансформация публичного управления и, в особенности, внедрение социально-кредитных механизмов привносят необратимые изменения.

С одной стороны, как уже отмечалось выше, использование средств алгоритмического управления, цифровое профилирование и

---

[1] См.: *Pay V.N.* Comparative constitutionalism: Challenges of constitutional sovereignty in Iran and Iraq // Asian Journal of Middle Eastern and Islamic Studies. 2019. Vol. 13, № 1. P. 123–141.

[2] *Джессоп Б.* Указ. соч. С. 181.

социальное ранжирование ведут к постепенному превращению субъектов права в объекты контроля. Индивид из гражданина превращается в пассивного получателя команд, требующих исполнения: важнее оказываются не законодательно закрепленные за ним права и не его качества гражданина (т. е. единицы в обладающем учредительной властью множестве), а то, какая информация о нем зафиксирована в официальных базах данных и как эта информация может быть оценена соответствующими алгоритмическими системами. Над зданием законодательно гарантируемых прав и свобод надстраиваются конструкции дополнительных (чаще всего, обременительных для индивида) требований, обязанностей и запретов: пройти вакцинацию, получить разрешение для посещения футбольного матча, самоизолироваться у себя дома, раздельно сортировать мусор, и т. д.

С другой стороны, в мире социального ранжирования, дифференцирования управленческих мер, дифференциации перечня и объема публичных услуг в зависимости от социального ранга (или рейтинга) *исчезает само гражданское общество как общество равноправных*. Если объем правомочий лица определяется в большей степени данными его цифрового профиля, нежели положениями равным образом действующих для всех законов, если для реализации индивидом своих прав и законных интересов ключевое значение приобретает то, к какому множеству (классу, грейду и т. д.) его отнесли алгоритмы искусственного интеллекта, тогда и ценность каждого индивида в рамках государственно-организованного правопорядка не может быть даже формально одинаковой. На смену гражданскому обществу приходит *ранжированное общество*[1], которое уже никак не может выступать даже в качестве воображаемого фундамента государства. Государство (т. е. аппарат публичного управления) окончательно отделяется от гражданского общества, нации; народ перестает (сначала фактически, затем – даже формально) обладать учредительной властью. Сильный или слабый, институционально развитый или «фасадный» демократический конституционализм сменяется системой, при которой гражданского общества как такового больше нет, а на месте гражданского об-

[1] О концепте ранжированного общества, или ранжированного гражданства (*graduated citizenship*) см.: *Yu K.* Towards graduated citizenship: A study of social credit systems in China // Critique: a worldwide student journal of politics. 2020, Spring. P. 28–55.

щества остаются лишь множества подвластных: индивиды, коммерческие и некоммерческие организации, и т. п. – они по-прежнему могут реализовывать свои потребительские интересы, но лишены политической субъектности.

> *Здесь можно было бы поспорить с указанием на гражданское общество как характерный элемент государственно-организованного правопорядка эпохи модерна и вспомнить историю дискриминации отдельных категорий граждан со стороны тоталитарных режимов XX века, однако данная аналогия не является подходящей в контексте обсуждения последствий цифровой трансформации: тогда как тоталитарные режимы прошлого были склонны к исключению отдельных групп населения из тела нации (т. е. из состава гражданского общества), новые режимы датафицированного управления никого не исключают, но нацелены на перманентное ранжирование и перманентную (пере)оценку объектов регулирования и контроля. Вместо категоричных бинарных оппозиций («арийцы» / «неарийцы», «трудящиеся» / «враги народа» и т. п.) в цифровую эпоху, судя по всему, приходит разделение на потенциально бесконечное количество прозрачных и проницаемых множеств. Modus operandi нового режима управления – не исключение, а, напротив, включение всех и вся (в «цифровой контур», цифровую среду) с последующим ранжированием.*

Социально-кредитное управление, опирающееся на цифровые платформы и базы данных, внешне предстает перед нами как управление обезличенное, нейтральное. Гражданин реже сталкивается с чиновником, а общается с государством все чаще через специальные электронные интерфейсы. Принимаемые алгоритмическими системами правоприменительные решения полагаются на как-бы беспристрастный анализ данных, а не на усмотрение (=произвол) того или иного должностного лица. Все это кажется удобным и прогрессивным, однако неожиданной перспективой перехода к такому, датафицированному, управлению может стать фактическая невозможность для граждан доносить свои требования до носителей власти. Датафикация и платформизация публичного управления делают

непонятным, к кому требования граждан должны быть обращены, кого винить в провалах и неудачах государственной политики, против чьих решений протестовать. Какая-либо связь между правящими и управляемыми пропадает, а остается лишь кажущийся объективным посредник. По сути, отправление публичной власти становится анонимным: в то время как физические, юридические и остающиеся на нижних этажах властной вертикали должностные лица должны быть максимально прозрачны и предсказуемы для правящей элиты, сама эта элита, будучи скрытой в тени цифровых платформ и ассистентов, делается совершенно недоступной для какого-либо контроля снизу. Граждане, фактически переставшие быть гражданами, оказываются в положении бессловесных единиц в поголовье скота: их по-прежнему может что-то не устраивать, они могут заявлять о своих законных правах, но их шансы получить на свои заявления какую-либо положительную реакцию постепенно сводятся к нулю.

Возможно, это именно то, к чему стремятся правящие круги как на Востоке, так и на Западе, в странах социалистической ориентации и либеральных демократиях: обеспечить максимальную предсказуемость действий управляемых, лишить их политической субъектности, получить возможность навязывать им любые требования, сделать любой серьезный социальный протест заведомо обреченным на провал. Если смотреть на современные управленческие инновации под таким углом, социальное ранжирование приобретает новый смысл: в стратегии увековечивания власти современных элит оно оказывается практически незаменимым средством, призванным гарантировать невозможность социальной революции, тщетность любых попыток цифровизованного охлоса проявить свою субъектность, объединиться, вернуть себе качество учредительной власти. *«Разделяй и властвуй»* – возникающие на наших глазах практики социального ранжирования (и даже рейтингования) вновь придают этой древней фразе буквальный смысл. Как ответ на данную формулу, каждый раз при обсуждении вопроса о необходимости внедрения тех или иных социально-кредитных механизмов, тех или иных цифровых технологий воздействия на поведение людей следовало бы задаваться вопросом: *«Cui prodest?» – «Кому выгодно?»*

2.3.2. «Правоэтика» и расширенный комплаенс

Внедрение социально-кредитных механизмов, предполагающих осуществление публичного управления с опорой на учет и анализ данных о гражданах и организациях, в долгосрочной перспективе способно оказать серьезнейшее трансформирующее воздействие на известный нам облик государственности. Впрочем, облик права, или, вернее – всей системы регуляции поведения членов общества, эти механизмы трансформируют в еще более удивительном темпе. Тогда как в области функционирования государственного механизма датафикация меняет, прежде всего, характер взаимоотношений между управляющими (элитами) и подвластными, в сфере регулирования связанные с датафикацией изменения потенциально способны вылиться в замену права некоей новой системой регулирования, опирающейся на институты публичной власти.

2.3.2.1. Регулирование через социальный дизайн

Как можно было понять по вышеизложенному разбору логики работы социально-кредитных механизмов, правительственные проекты, предполагающие сбор, анализ, учет и оценку поведенческих данных о физических и юридических лицах, либо служащие, как кажется на первый взгляд, лишь средствами идентификации, планомерно помещают индивида или любую ассоциацию индивидов (т. е. юридическое лицо) в своего рода *«цифровой контур»* – пространство взаимодействия с органами власти, а также с другими частными лицами, доступное для машинного считывания и алгоритмического анализа[1]. Логика таких проектов кажется предельно простой: как можно большая часть поведенческих актов субъекта должна осуществляться в цифровом формате, с помощью соответствующих программных средств (мобильных приложений, интернет-порталов и т. д.); поведенческие акты, осуществляемые в реальном, материально-осязаемом мире, т. е. в «аналоговом» формате, должны быть преобразованы в формат цифровой – тогда регулировать поведение людей можно будет не столько посред-

[1] См.: *Рувинский Р.З.* Замыкание в «цифровой контур»: возможные последствия для современных правовых систем // Lex russica (Русский закон). 2022. Т. 75, № 9. С. 108–120.

ством предписывания, вменения обязанностей и прав, сколько через цифровое посредничество.

Как уже отмечалось выше, одним из наиболее важных последствий датафикации регулирования и управления и, одновременно, одним из наиболее значимых звеньев в цепочке выстраивания новой системы публичного управления является создание системы *допусков и ограничений,* предполагающей предоставление неодинаковых возможностей и принятие различных управленческих мер (неодинаковых по объему и содержанию публичных услуг, правоограничительных мер, мер принуждения) по отношению к различным категориям лиц, цифровые профили которых содержат различные данные и различным образом могут быть оценены органами публичной власти или находящимися в их распоряжении алгоритмическими инструментами. При описании принципа работы системы допусков и ограничений уже отмечалось, что тот, кто оказался в пространстве, опосредуемом системами интеллектуального анализа данных, вынужден действовать в соответствии с установленными для него разрешениями и запретами, и, таким образом, созданными для него фактическими условиями раз за разом направляется к следованию ожидаемой модели поведения. Такое регулирование, при котором органы власти могут меньше предписывать в форме писанных позитивно-правовых установлений, в зарубежной научной литературе именуется труднопереводимым словосочетанием – *«regulation by design»*[1], т. е. регулирование посредством проектирования определенных фактических условий, посредством социальной инженерии, создания определенного социального дизайна. Очевидно, что данный феномен представляет собой кульминацию развития инструментов и методов управления, которые французский философ Мишель Фуко описывал как *«устройства безопасности»* (*dispositifs de sécurité*): тогда как «дисциплинарность все время указывает вам на то, что вы должны делать», а «в системе закона все, что не подверглось определению, является разрешенным», определяющей чертой работы устройств безопасности является «регуляция в пространстве самой реальности»[2].

---

[1] См.: *Yeung K.* ‘Hypernudge’: Big Data as a mode of regulation by design // Information, Communication & Society. 2017. Vol. 20, № 1. P. 118–136.

[2] *Фуко М.* Безопасность, территория, население: курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1977–1978 учебном году. СПб.: Наука, 2011. С. 72–75.

Если государственные органы владеют актуальной базой данных о подконтрольных им миллионах физических и юридических лиц и имеют возможность просеивать эти данные через аналитические алгоритмы, значит, они в состоянии устанавливать критерии и пределы допуска к тем или иным услугам, площадкам, местам и общественным отношениям. Благодаря выстраиванию системы допусков, в рамках которой какие-то возможности для субъекта могут быть блокированы, поставлены под условие или ограничены периодом времени, становится доступным наделение правомочиями и ограничение правомочий без вынесения индивидуально-адресованных правоприменительных актов, лишь в рамках ранее принятого одиночного нормативного решения. Так в период коронавирусной пандемии московская мэрия блокировала действие транспортных карт жителей столицы старше 60 лет и москвичей с хроническими заболеваниями; разблокировка карт осуществлялась в автоматическом режиме после поступления из Единой медицинской информационно-аналитической системы сведений о прохождении гражданином вакцинации[1]. Принцип допусков, напрямую связанных с данными цифровых профилей (причем не только физических, но и юридических лиц), может быть распространен практически на любую сферу общественных отношений: получение пособий и льгот, лицензирование, участие в госзакупках, банкинг, страхование, выезд за рубеж, приобретение авиа- и железнодорожных билетов, бронирование гостиниц, поступление в учебные заведения, трудовые отношения и т. д.

Внедрение социально-кредитных механизмов, т. е. основанных на работе с данными инструментов управления и контроля, серьезным образом меняет привычный подход к регулированию поведения субъектов. Если прежде основным способом регулирования являлось нормативное предписывание определенных моделей поведения, которое осуществлялось преимущественно посредством нормотворческой деятельности, закрепления соответствующих поведенческих моделей в официальных письменных источниках (нормативных правовых актах), сегодня, мы видим, центр тяжести в регулировании начинает планомерно смещаться с написания текстов (законов, подзаконных актов) к

[1] См.: Как будут работать карты москвича у людей из групп риска: отвечаем на основные вопросы // URL: https://www.mos.ru/news/item/98510073/.

созданию фактических условий, в которые должно быть заранее вписано поведение субъектов. Кстати, стоит обратить внимание на то, что *социально-кредитное регулирование* (т. е. управление будущим поведением физических, юридических и должностных лиц посредством создания допусков и ограничений, опирающихся на анализ их прошлых поступков, биографических характеристик и т. п. значимых параметров) может быть осмыслено как частный случай или проявление *технологической нормативности* – регулирования поведения людей посредством определенных «технологических артефактов», т. е. технологий, способных допускать и блокировать соответствующие поведенческие акты субъектов в автоматическом режиме[1].

2.3.2.2. Право ли это?

Внедрение социально-кредитных механизмов в практику публичного управления и выстраивание экосистемы цифровых платформ на месте государственного аппарата, как уже отмечалось выше, сильнейшим образом видоизменяют облик современной государственности. Если мы продолжаем говорить о государстве, имея в виду социально-кредитное платформенное управление наступающего будущего, то, очевидно, речь должна идти о новой модели, или даже о новом типе государства. Государства как организации власти в масштабах всего общества, на разных этапах человеческой истории принимавшей различные формы (восточная деспотия → античная греко-римская гражданская община, полис, республика → империя → средневековое королевство / царство → современное централизованное территориальное государство → датафицированное платформенное государство постсовременности (?)). Но можем ли мы провести такую же мыслительную операцию, когда рассуждаем о праве и его трансформации в условиях внедрения тех же самых социально-кредитных механизмов? Возможно, стоит посмотреть на проблему датафикации регулирования более широко, чем принято до сих пор? Говорить не о популярных сегодня темах формирования новой отрасли «платформенного», «цифро-

[1] Подробнее см.: *Hildebrandt M.* Legal and technological normativity: More (and less) than twin sisters // Techné: Research in Philosophy and Technology. 2008. Vol. 12, № 3.

вого» права, «права искусственного интеллекта»[1] и т. п., и даже не о том, как наилучшим образом законодательно регламентировать применение новейших цифровых технологий в управлении, образовании, трудовых отношениях? Возможно, самым важным (поскольку самым фундаментальным) вопросом является не то, *как*, а то, *куда* движется система социального регулирования в эпоху достижения тотального совершенства техники? Развитие законодательства, касающегося применения в публичном управлении алгоритмических систем, автоматизированной обработки персональных данных и технологий социального ранжирования, несомненно, важно, однако куда более глубокую, при этом не столь заметную, проблему, представляет вопрос о том, является ли, собственно, формирующееся датафицированное регулирование проявлением права. Является ли регулирование на основе данных *правовым* регулированием, относится ли оно к элементам правовой системы? Если мы не ответим на эти вопросы, то так и будем обречены принимать уже заданный курс развития как должное, подстраивать юридические понятия и категории под явления внеправовые, а то и антиправовые, обосновывать сущее всегда как необходимое, должное.

Нужно в очередной раз повторить (как бы банально это ни звучало), что право представляет собой по-своему уникальный культурный феномен человеческой цивилизации. Оно очевидным образом затрагивает поведение людей и их объединений, границы их свободы, и при этом связано с возможностью внешнего принуждения[2]. Немецкий философ Гегель в качестве исходной точки права определял свободную волю, характеризуя систему права как «царство осуществленной свободы, мир духа»[3]. Будучи по своей сути принудительным порядком,

---

[1] См., например: *Кашкин С.Ю., Алтухов А.В.* Роль искусственного интеллекта в становлении платформенного права и его эволюции в направлении концепции права экосистем // Lex russica. 2022. Т. 75. № 1. С. 94–108; *Мишина Н.В.* Право искусственного интеллекта как новая сфера правового регулирования или новая отрасль права // Евразийский союз ученых. 2020. Т. 72. № 3. С. 62–65; *Рожкова М.А.* Является ли цифровое право отраслью права и ожидать ли появления цифрового кодекса? // Хозяйство и право. 2020. Т. 519. № 4. С. 3–12.

[2] Ср.: *Бибихин В.В.* Введение в философию права. М.: Институт философии РАН, 2005. С. 19; *Кельзен Г.* Чистое учение о праве. СПб.: Издательский дом «Алеф-Пресс», 2015. С. 48–50.

[3] *Гегель Г.В.Ф.* Философия права. М.: «Мысль», 1990. С. 67.

право исторически отграничивается от морали, для которой основным средством обеспечения действенности служит внутреннее психическое отношение человека к своим поступкам. Поскольку право связано с внешним (государственным) принуждением, мы привыкли, что юридические нормы регламентируют не все, а лишь наиболее значимые общественные отношения.

Исходя из того, что современные системы регулирования на основе данных опосредуют поведенческие акты субъектов, находящиеся в сфере правового регулирования (например, исполнение судебных решений, уплата налогов и сборов, нарушение общественного порядка, осуществление лицензируемых видов деятельности, соблюдение ограничений и запретов при прохождении гражданской службы), и предполагают применение принудительных мер в тех или иных формах, они очевидным образом имеют юридический характер и значение. В то же время следует обратить внимание на то, каким образом такие системы функционируют и насколько далеко простираются их регуляторно-управленческие возможности.

Системы социально-кредитного типа, учитывающие информацию репутационного характера относительно физических и юридических лиц – объектов управления, опираются, прежде всего, на уже существующие официальные писанные предписания, содержащиеся в законодательстве, а сами не предписывают, но *подталкивают* (*nudge*, *nudging* – удачные в семантическом плане обозначения данного явления, используемые в англоязычной литературе[1]), стимулируют к выбору надлежащих моделей поведения. Такое «подталкивание» реализуется через допуски и ограничения, дифференциацию (ранжирование, грейдирование) подконтрольных единиц и применение адресных поощрительных, либо, напротив, дисциплинарных мер. Круг возможных правореализационных действий индивида или организации с «подмоченной» репутацией оказывается сужен, доступ к определенным благам и участие в определенных отношениях могут быть превентивно

[1] *Catanzariti M.* Algorithmic law: Law production by data or data production by law? // Constitutional Challenges in the Algorithmic Society / ed. by H.-W. Micklitz et al. Cambridge University Press, 2021. P. 78–81; *König P.D.* Dissecting the algorithmic Leviathan: On the socio-political anatomy of algorithmic governance // Philosophy & Technology. 2020. Vol. 33. P. 471; *Yeung K.* Op. cit.

ограничены, если корреляционный анализ[1] прошлого противоправного поведения субъекта и иных значимых характеристик субъекта ведет к выводу о наличии той или иной угрозы со стороны субъекта, о риске совершения им правонарушения, о возможном неисполнении обязательств и т. д.

Надстраиваясь над нормами законодательства, системы регулирования на основе репутационных данных способны создавать *регуляторные эффекты за рамками отношений, охватываемых правом*. Пользование общественным транспортом вместо личного транспорта, своевременное добровольное прохождение медицинских осмотров и вакцинации, раздельный сбор отходов, экономное потребление электроэнергии и газа, волонтерство и донорство легко могут быть включены в перечень оцениваемых видов деятельности индивида без необходимости закрепления в нормативных правовых актах соответствующих юридических обязанностей. Стоит, например, обратить внимание на то, что упоминавшийся в § 1.2.3 итальянский проект Smart Citizen Wallet предполагает учет поведения граждан едва ли не за пределами сферы правового регулирования. Конечно, в тех случаях, когда государственные или муниципальные проекты цифрового учета поведения индивидов включают в предмет своей оценки деяния, не являющиеся обязательными с точки зрения действующего законодательства, оцениваемые данными проектами виды социально-полезного поведения должны становиться основаниями для предоставления соответствующим лицам тех или иных преимуществ, преференций, ведь следование поощряемым моделям поведения предполагает добровольность. Может статься, однако, что преимуществом, предоставляемым за участие в социально-кредитных проектах и следование надлежащим поведенческим моделям, со временем станет доступ к социальным благам и общественным пространствам, прежде не обусловленный совершением каких-либо действий сверх законодательно закрепленных обязанностей. Социально-кредитные, основанные на анализе данных, системы на деле могут оказаться не средствами поощрения, предоставляющими отдельным категориям лиц более широкий спектр возможностей при условии наличия определенной информации в их цифровых профилях,

[1] О корреляционном анализе см.: *Das S.R.* Data Science: Theories, Models, Algorithms, and Analytics. URL: https://srdas.github.io/Papers/DSA_Book.pdf. P. 37–40.

а, напротив, средствами ограничения субъектов в том, что безусловно доступно уже сейчас. *Цифровая надстройка над позитивным правом опасна для права тем, что его нормы теряют прямое действие, а реализация закрепленных в нормах правомочий ставится в зависимость от дополнительных условий.*

Следует также обратить внимание еще на два момента. Как отмечал бельгийский теоретик права Марк ван Хук, «право занимается в первую очередь не человеческим поведением и индивидуальными человеческими действиями как таковыми, а *человеческим взаимодействием*, межличностным поведением, человеческой коммуникацией»[1]. Системы регулирования на основе данных, напротив, насколько можно судить, имеют дело с отдельными поведенческими актами, а также отдельными социально-юридическими, финансово-экономическими, медицинскими и иными характеристиками оказавшихся в поле их внимания лиц. Коммуникативный элемент оказывается de facto изъят из области регулирования. Новые системы регулирования и контроля воздействуют на общество и социальные связи не как на общественные отношения, а как на *дискретные действия и характеристики дискретных объектов*.

2.3.2.3. Социально-кредитная этика и комплаенс

В основе китайского проекта ССК – о чем свидетельствует уже его название – лежит идея *доверия, хорошей репутации, доброго имени* (信用 *xinyong*), понимаемых в самом широком смысле и предполагающих соблюдение субъектом предписаний правовых и моральных норм, исполнение обязанностей по сделкам, следование принятым в народе практикам[2]. Следование правовым предписаниям, содержащимся в законах и подзаконных нормативных актах, имеет важное, первостепенное значение, однако замысел ССК вовсе не исчерпывается задачей обеспе-

---

[1] *ван Хук М.* Право как коммуникация. СПб.: Издательский дом С.-Петерб. гос. ун-та, 2012. С. 31. Ср.: «правовое регулирование не сводится лишь к вопросу воздействия на поведение населения или контроля за поведением» (*Hildebrandt M.* Algorithmic regulation and the rule of law // Philosophical Transaction of the Royal Society A. 2018. Vol. 376, № 2128. P. 9).

[2] *Wu J.* Preface // Social Credit Rating: Reputation und Vertrauen beurteilen / ed. by O. Everling. Wiesbaden: Springer Gabler, 2020. P. X.

чить режим законности в его понимании, типичном для советской и российской юридической науки[1]. В одном из важнейших нормативных документов по созданию ССК, Плане построения системы социального кредита на 2014–2020 годы, неоднократно встречаются отсылки к моральному воспитанию граждан и государственных служащих как одной из первоочередных задач внедрения социально-кредитных механизмов в практику публичного управления. Обеспечение соблюдения норм общественной морали и профессиональной этики, воспитание семейных добродетелей определены в качестве ориентиров для функционирования систем сбора, раскрытия и использования социально-кредитной информации провинции Хэбэй и муниципалитета Шанхай[2].

С 2010–2011 годов в городском уезде Цинчжэнь китайской провинции Гуйчжоу действует интересный проект, направленный на стимулирование жителей сельской местности соблюдать моральные нормы и нормы общежития. В рамках данного проекта каждая деревня уезда проводит экспертную оценку поведения отдельных граждан в соответствии с заранее публикуемыми «деревенскими нормами»[3]; наиболее «честные» фермеры поощряются бонусными баллами, зачисляемыми на специальную банковскую карту, и получают приоритет в обслуживании административными органами и финансово-кредитными учреждениями[4]. Предусмотрен и механизм наказания за недобросовестное поведение, однако подробности этой, штрафной, составляющей проекта не раскрываются.

Как можно понять по заявлениям итальянских чиновников, в Болонье и Риме власти также пытаются запустить проект, который бы

---

[1] См., например: *Старилов Ю.Н.* От правильного понимания и уважения законности к ее верховенству // Вестник ВГУ. Серия: Право. 2017. № 3. С. 18–40.

[2] См.: 河北省社会信用信息条例 [Hebei sheng shehui xinyong tixi tiaoli] (Положение о социальном кредите провинции Хэбэй). URL: http://hbrb.hebnews.cn/pc/paper/c/201710/01/c25267.html; Shanghai Municipal Social Credit Regulations // China Law Translate. URL: https://www.chinalawtranslate.com/en/shanghai-municipal-social-credit-regulations/.

[3] *Dai X.* Toward a reputation state: A comprehensive view of China's Social Credit System project. P. 150.

[4] 贵州清镇市诚信农民建设成效显著 [Guizhou qing zhen shi chengxin nongmin jianshe chengxiao xianzhu] (Замечательные достижения в строительстве проекта «Честные фермеры» в Цинчжэнь, Гуйчжоу). URL: http://www.wenming.cn/syjj/dfcz/gz/201503/t20150327_2527223.shtml.

стимулировал поведение граждан на границе права и социальной этики. Хотя, на первый взгляд, подобные проекты несут лишь пользу их участникам и обществу в целом, необходимо понимать, что с их помощью государственные органы приобретают возможность незаметно расширить пределы своего влияния, распространить свой контроль на ранее неподконтрольные им сферы жизни. Что объединяет в конечном счете и китайскую ССК с входящими в нее муниципальными пилотными проектами балльно-рейтинговой оценки, и итальянские эксперименты с «умным кошельком гражданина», так это присущая им направленность на слияние права, морали, обычаев, общесоциальной и профессиональной этики.

По сути, распространение систем, основанных на анализе репутационных данных и иных значимых характеристик физических и юридических лиц, ведет к постепенному вытеснению механизма правового регулирования *комплаенсом*.

Обычно о комплаенсе (от англ. *compliance* – согласие, соответствие), подразумевающем соблюдение правовых, корпоративных, этических и иных норм, принято говорить в контексте внутреннего корпоративного (зачастую – банковского) контроля: в этом смысле комплаенс предстает в качестве одного из методов в арсенале менеджмента организации[1]. Однако, данное явление можно рассматривать и более широко, как систему средств обеспечения соответствия поведения субъектов действующим правовым и морально-этическим нормам, профессиональным и отраслевым стандартам, нормам обычаев и деловых обыкновений в публично-правовых и частноправовых отношениях, внутри и вне отдельных корпоративных образований, в самых разных, в том числе лежащих за пределами правового регулирования, областях жизни.

Судя по всему, движение в сторону слияния позитивного права с этикой в рамках расширенных систем комплаенса началось с практики закрепления в законодательстве обязанности отдельных категорий лиц следовать стандартам и правилам профессиональной деятельности, а также кодексам деловой этики, разработанным соответствующими со-

---

[1] См.: *Nelson J.S.* Compliance as management // The Cambridge Handbook of Compliance / ed. by B. van Rooij, D.D. Sokol. Cambridge University Press, 2021. P. 104–122.

обществами: государственными служащими, нотариусами, арбитражными управляющими, страховщиками, аудиторами и др. Несмотря на многочисленность отраслевых документов, содержащих такие правила, они затрагивали до сих пор относительно немногочисленный круг лиц; сами же нормы деловой этики и стандарты профессиональной деятельности всегда утверждались в рамках надлежащих процедур компетентными выборными органами соответствующих отраслевых и профессиональных сообществ. Включение уже не только профессиональной этики, но и этики социальной в находящиеся в руках государства и основанные на анализе данных техники регулирования, учета и контроля поведения субъектов означает *формирование принципиально новой, синкретической системы социальной регуляции, основанной на праве и этике, но в действительности подменяющей собой и то, и другое*. Очевидно, именно такую систему попытались описать ученые, провозглашающие рождение режима верховенства так называемого «мета-права» и изображающие схему нового типа регулирования как единство императивных правовых норм (hard law), стандартов, лучших практик, рекомендательных норм (soft law), регуляторных политик, программ, стратегий и этики[1].

Базирующиеся на продвинутых цифровых технологиях системы стимулирования, «подталкивания» нужного поведения позволяют ввести в действие нормы, которые не были установлены в рамках прозрачных процедур и источники которых неочевидны. Как известно, позитивное право может быть дурным и несправедливым, однако мы всегда можем с определенностью сказать, кто и для чего инициировал принятие того или иного закона или подзаконного акта, принимался ли этот нормативный акт в рамках надлежащих процедурных правил, кто ответственен за его содержание и кому выгодно его действие. Традиционные системы морали и этики формируются в рамках длительных исторических периодов и отражают текущее состояние общества в его тотальности; опять же – следование морально-этическим нормам может обеспечиваться внутренним совестливым отношениям субъекта к своим деяниям, порицанием со стороны других членов общества или

[1] *Casanovas P., de Koker L., Hashmi M.* Law, socio-legal governance, the Internet of Things, and Industry 4.0: A middle-out/inside-out approach // Multidisciplinary Scientific Journal. 2021. Vol. 5, № 1. P. 77–78.

коллектива, но чаще всего не предполагает ограничения в доступе к социальным благам, невозможность реализации предусмотренных законом прав и свобод. С социально-кредитными системами комплаенса все иначе: они способны оценивать поведение субъектов за рамками правового регулирования, применяя к ним прямо не предусмотренные законодательством поощрительные и правоограничительные (в том числе штрафные!) меры; они могут предполагать повышенные, по сравнению с законодательными, требования к поведению; через них государство получает возможность навязывать обществу произвольные поведенческие модели в качестве некой «новой этики», «охраняемого обычая», «защищаемых ценностей» и т. п. Опять же немаловажно, что имплементация определенным образом подобранных норм права и этики в цифровые системы регулирования и контроля делает фактически возможным наказание вне рамок законных механизмов юридической ответственности; это возможно через блокирование доступа к определенным благам и общественным пространствам.

Хотя пока такая перспектива может казаться весьма отдаленной, если не фантастической, развитие социально-кредитных механизмов ведет, судя по всему, к необратимой трансформации системы нормативного регулирования. В рамках этой новой системы право (в форме позитивного права, т. е. законодательство) если не исчезает полностью, то становится лишь одним из ее элементов, причем из него практически полностью должна быть исключена ценностная составляющая. С внедрением систем воздействия на поведение членов общества, основанных на работе с данными, право все более должно тяготеть к тому, чтобы служить лишь формальным прикрытием функционирования технологической архитектуры допусков и ограничений, регулирования через социальный дизайн: сегодня в законодательство вносится какая-нибудь размытая (лучше всего – бланкетная) норма, устанавливающая некую новую обязанность или вводящая новое ограничение, либо позволяющая определенным ведомствам вводить такие обязанности и ограничения на свое усмотрение, а завтра цифровая инфраструктура платформенного государства отрежет вас от очередных социальных благ или направит вас по безальтернативному пути исполнения новых обязанностей. Закон неопределенным образом (и, скорее всего, через подзаконный акт) отсылает к возможности воздействовать на ваше поведение путем применения инструментов профилирования и ранжи-

рования, путем реализации системы допусков и ограничений → вам не остается ничего другого, как быть лояльным всем этим механизмам; вы вынуждены действовать так, чтобы ваше поведение, ваши характеристики были наиболее благоприятным для вас образом оценены цифровой архитектурой публичного управления; если вы желаете воспользоваться определенными социальными благами, вам следует покорно исполнять то, чего от вас ждут… Какими бы ни были ваши законодательно закрепленные права, возможности правореализации оказываются стеснены социально-кредитной надстройкой над зданием позитивного права. Позитивное право перерождается, но не для того, чтобы уступить место праву естественному или божественному, а для того, чтобы предстать в рамках новой, исходящей от государства (или того, что себя выставляет в этом качестве) *правоэтики* – вездесущего комплаенса, опирающегося на принуждение.

Эту новую систему социальной регуляции, «правоэтику» или расширенный комплаенс, можно представить в виде схемы, изображенной на рисунке 12. Здесь позитивное право стоит в одном ряду с иными социальными регуляторами, в числе которых можно увидеть нормы социальной этики (морали), локальные обычаи, корпоративные правила, нормы профессиональной этики и так называемые «защищаемые ценности» (т. е. аморфные идеологемы, которые в разное время можно по-разному расширительно толковать, без какой-либо связи с действующим законодательством). Социально-кредитные механизмы выступают своего рода «надстройкой» над нормами: они призваны оценивать поведение индивидов и деятельность коллективных субъектов с точки зрения соответствия или несоответствия всем этим нормам (значительная часть которых, стоит повторить, весьма расплывчата, но зато идеально подходит для расширительного толкования). На основе оценки поведения реализуется система допусков и ограничений. И поведенческий анализ, и оценка поведения, и включение/выключение допусков и ограничений функционируют на основе современных цифровых технологий. Для управляемых лиц, находящихся в контуре действия данной системы регуляции, они должны представляться в качестве нейтральных инструментов, решения и оценки которых вполне объективны. Что почти всегда должно оставаться вне поля зрения управляемого лица, так это *управленческий штаб*, т. е. те лица, которые принимают стратегически важные решения относительно разра-

ботки и внедрения социально-кредитных механизмов, а также те круги, которые должны быть в выигрыше от работы данных механизмов. Управленческий штаб должен, по возможности, быть анонимен.

Рис. 12. Примерная схема формирующейся синкретической системы регулирования

***

Если обобщить симптомы происходящих изменений, можно заметить, что все эти изменения, по-видимому, являются кульминацией процессов *«моторизации права»*, о которых отдельные европейские ученые говорили еще столетие назад[1] и за которыми, по большому счету, скрывается отношение к праву как к технике (нейтральному инструменту), а не как к ценности. Сегодня, когда развитие технологий вычислений и обработки данных делает принципиально возможным

[1] *Schmitt C.* Die Lage der europäischen Rechtswissenschaft. Tübingen: Internationaler Universitäts-Verlag, 1950. S. 18–19.

постоянный надзор и прогнозирование поведения практически каждого, а также таргетированное регуляторно-репрессивное воздействие на ранжированные множества, для права как «искусства доброго и справедливого» не остается места. Наиболее драматичным и самым важным здесь, пожалуй, является то, что описанные тенденции так или иначе связаны с процессами устранения волевого компонента из механизма регулирования общественных отношений. Индивиду, переставшему быть гражданином и сведенному к набору записей в базах данных, не остается ничего другого, кроме как послушно выполнять новые, в том числе абсурдные, указания уполномоченных инстанций, перестраивать свое поведение под вводимые на ходу «морально-этические» стандарты, мимикрировать, исполнять заведенный социальный ритуал.

Поскольку в мире социально-кредитных механизмов постепенно становится неважным, какими правами и свободами обладает субъект согласно конституции, на каком основании архитектура допусков и ограничений отрезает его от тех или иных социальных благ, общественных пространств и рынков, насколько законны эти основания, можно сделать очевидный вывод: на место верховенства права приходит нечто, напоминающее, скорее, программы корпоративной лояльности. Интересно (и это полностью подтверждает ранее сделанные нами выводы о социально-кредитных трансформациях государственности) то, что *в мире программ лояльности само государство в том виде, в котором мы привыкли его знать, перестает быть нужным*. Коль скоро поведение индивида определяется в большей степени сформированной социальной привычкой, своего рода ритуалом, а не актом нормативного волеизъявления, *модели поведения для членов общества могут навязываться из любого центра*. Современное государство, связанное демократическими процедурами с волеизъявлением населения и ответственное перед населением, оказывается пережитком ушедших времен, а потому и преобразуется в экосистему как-бы-нейтральных цифровых платформ, за интерфейсами которых невозможно разглядеть подлинных властителей и выгодоприобретателей отправления власти.

Как можно судить по протекающим на наших глазах кризисным процессам, как следует из вышеприведенного обзора пределов и тупиков современной модели управления, модель правового государства с четким кодексом должного и запретного, с прозрачными демократическими процедурами установления общеобязательных норм, с широки-

ми правами и свободами членов общества становится сегодня избыточно затратной и сложной, превращаясь из решения в проблему. Проблема состоит в том, что в одночасье отказаться от многих свобод, изменить потребительские привычки, заставить людей делать больше того, чем они привыкли делать, достаточно трудно. Мы видели и продолжаем наблюдать, как парламенты и правительства по всему миру реформируют законодательства, вводя новые обязанности, устанавливая все больше запретов, однако такое реформирование всегда требует немалых политических усилий и нередко сопряжено со значительным недовольством граждан, предпринимателей, владельцев коммерческих компаний. Цифровые средства регулирования и контроля оказываются в этих условиях «палочкой-выручалочкой» для глобальных и национальных элит, вынужденных встречать вызовы новой эпохи: ускоряющуюся деградацию окружающей среды, перенаселение, дефицит ресурсов, невозможность поддерживать рост прибыли капиталистических предприятий обычными экономическими способами, и т. д. Благодаря системам, способным на основе анализа данных о физических и юридических лицах ранжировать объем и качество публичных услуг, открывать допуски и устанавливать ограничения в доступе к социальным благам, становится возможным ограничивать и запрещать, не предписывая новых обязанностей и запретов напрямую или предписывая их по минимуму. Становится возможным более эффективный, требующий минимального человеческого вмешательства, контроль за соблюдением запретов и исполнением обязанностей. Видимо, в этом подлинный смысл и причина выстраивания социально-кредитных проектов и механизмов, распространения элементов китайской ССК по всему миру.

3. СИСТЕМА СОЦИАЛЬНОГО КРЕДИТА И РОССИЯ

3.1. ПРЕДПОСЫЛКИ И УСЛОВИЯ ВНЕДРЕНИЯ СОЦИАЛЬНО-КРЕДИТНЫХ МЕХАНИЗМОВ В РОССИИ

В отличие от КНР, руководство которой в свое время четко продекларировало цель построения системы социального доверия, в России на официальном уровне планы по внедрению в публичное управление многофункционального проекта, подобного китайской ССК, никогда не озвучивались. Необходимо понимать, однако, что принципиальное значение имеют не названия, символизирующие собой те или иные тенденции в публичном управлении, а сами эти тенденции, способные в различных национальных условиях принимать различные формы и воплощаться в проектах и институтах с различными наименованиями. Может статься, что многие составляющие ССК уже существуют или разрабатываются в России. Чтобы понять, действительно ли это так, необходимо исследовать организационно-правовые, институциональные предпосылки, а также конституционно-правовые условия реализации социально-кредитных механизмов в Российской Федерации.

3.1.1. Инфраструктура цифрового профилирования и учета поведения граждан в России

3.1.1.1. Черные списки и межведомственное информационное взаимодействие

Как уже было сказано ранее, в § 1.2.1, китайский проект ССК объединяет целый ряд вполне традиционных для государственного управления инструментов контроля на базе современных технологий сбора, обработки и обмена данными. Одним из таких традиционных управ-

ленческих инструментов являются черные списки и стоп-листы. Хотя само понятие черных списков не употребляется в официальным российских документах, в России к таковым можно отнести: банк данных исполнительных производств Федеральной службы судебных приставов (ФССП) с информацией о задолженностях физических и юридических лиц по неисполненным судебным постановлениям[1]; ведущиеся Федеральной налоговой службой реестр дисквалифицированных лиц[2] и база данных с информацией о лицах, в отношении которых факт невозможности участия в организации установлен в судебном порядке[3]; реестр лиц, уволенных в связи с утратой доверия[4]; реестр недобросовестных поставщиков и подрядных организаций[5]; ведущийся Федеральной антимонопольной службой Реестр юридических лиц, привлеченных к административной ответственности за отказ или уклонение от заключения контракта по государственному оборонному заказу[6]; Единый федеральный реестр сведений о банкротстве[7]; перечни Росфинмониторинга с информацией об экстремистах и террористах[8]; ведущийся Министерством внутренних дел (МВД) черный список футбольных болельщиков[9]; реестры некоммерческих организаций[10],

---

[1] Банк данных исполнительных производств. URL: https://fssp.gov.ru/iss/ip.

[2] Поиск сведений в реестре дисквалифицированных лиц. URL: https://service.nalog.ru/disqualified.do.

[3] Сведения о лицах, в отношении которых факт невозможности участия (осуществления руководства) в организации установлен (подтвержден) в судебном порядке. URL: https://service.nalog.ru/svl.do.

[4] Реестр лиц, уволенных в связи с утратой доверия. URL: https://gossluzhba.gov.ru/reestr.

[5] Сведения из реестра недобросовестных поставщиков (подрядчиков, исполнителей) и реестра недобросовестных подрядных организаций. URL: https://zakupki.gov.ru/epz/dishonestsupplier/search/results.html.

[6] Реестр юридических лиц, привлеченных к административной ответственности за отказ или уклонение от заключения контракта по ГОЗ. URL: https:fas.gov.ru/pages/activity/reestr-uridicheskih-lic.

[7] Единый федеральный реестр сведений о банкротстве. URL: https://bankrot.fedresurs.ru/.

[8] Перечень террористов и экстремистов (действующие). URL: http://www.fedsfm.ru/documents/terrorists-catalog-portal-act.

[9] Список лиц, которым запрещено посещение мест проведения официальных спортивных соревнований. URL: https://мвд.рф/bannedfans.

[10] Сведения реестра НКО, выполняющих функции иностранного агента. URL: http://unro.minjust.ru/NKOForeignAgent.aspx.

средств массовой информации[1] и физических лиц[2], выполняющих функции иностранного агента.

Если присмотреться, становится понятно, что все это – репутационные инструменты, аналогичные китайским черным спискам злостных должников и нарушителей общественного порядка. По сути, каждый из таких реестров, списков и перечней представляет собой набор репутационных данных об индивидах и организациях, т.е. юридически значимых сведений об их предшествующем поведении.

Включение лица в один из вышеуказанных ведомственных реестров влечет наложение на него определенных юридических ограничений (запрет на посещение футбольных матчей для граждан из соответствующего списка МВД, невозможность выезда за рубеж при наличии неисполненных судебных постановлений) или возложение дополнительных обязанностей (например, обязанности указывать статус иностранного агента в распространяемых информационных материалах). В настоящее время каждый из таких реестров функционирует фактически автономно: включение в один из списков, как правило, не предполагает наложения ограничений вне сферы деятельности уполномоченного ведомства, ведущего соответствующий перечень. В отличие от Китая с его системой согласованных поощрений и наказаний и принципом непропорциональной санкции, в России применение мер государственного принуждения осуществляется в соответствии с принципами пропорциональности и экономии[3]. Это, однако, не означает отсутствия системы межведомственного взаимодействия, обеспечивающей информационный обмен между государственными органами и реализацию мер принуждения в отношении поднадзорных лиц. Так, например, реализация ограничений на выезд должников за рубеж осу-

---

[1] Реестр иностранных средств массовой информации, выполняющих функции иностранного агента. URL: https://minjust.gov.ru/ru/documents/7755/.

[2] Список физических лиц, выполняющих функции иностранного агента. URL: https://minjust.gov.ru/ru/activity/directions/942/spisok-lic-vypolnyayushih-funkcii-inostrannogo-agenta/.

[3] Подробнее см.: *Подмарев А.А.* Соразмерность как конституционный принцип ограничения прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2021. № 1(21). С. 83–91; *Штода И.С.* Государственное принуждение в современной России: теоретико-правовое исследование: дисс. канд. юрид. наук. М., 2017. С. 49.

ществляется в порядке, установленном совместным приказом ФССП и ФСБ России[1]. С 2011 года в России действует и постоянно совершенствуется система межведомственного информационного взаимодействия при предоставлении государственных и муниципальных услуг[2].

Согласно Положению о единой системе межведомственного электронного взаимодействия, утвержденному Правительством Российской Федерации[3], система (далее также – *СМЭВ*) предназначена в том числе для обмена реестрами информации между органами и организациями, к ней подключенными. Единая система межведомственного электронного взаимодействия объединяет подключаемые к ней региональные системы межведомственного электронного взаимодействия, а ее архитектура предполагает возможность предоставления и получения информации о физических и юридических лицах не только органами государственной власти и местного самоуправления, но и представителями частного сектора: организациями финансового рынка, иными организациями, индивидуальными предпринимателями. Таким образом, *аналогичная существующей в КНР платформа обмена в том числе репутационной информацией о лицах, выступающих в роли пользователей публичных услуг и в качестве объектов управленческой деятельности, в России уже наличествует*. На данный момент, судя по всему, она используется в большей степени для оказания публичных услуг и упрощения документооборота между различными ведомствами и организациями, нежели для целей контроля и надзора, а тем более применения ограничительных мер к кому бы то ни было. Тем не менее, техническая возможность обмена данными из ведомственных и корпоративных (например, ведущихся банками и авиаком-

---

[1] Приказ ФССП России № 100, ФСБ России № 157 от 10 апреля 2009 года «Об организации взаимодействия Федеральной службы судебных приставов и Федеральной службы безопасности Российской Федерации при установлении (отмене) временного ограничения на выезд должников из Российской Федерации» // Бюллетень Федеральной службы судебных приставов. 2009. № 4.

[2] Федеральный закон от 1 июля 2011 года № 169-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2011. № 27. Ст. 3880.

[3] Постановление Правительства Российской Федерации от 8 сентября 2010 года № 697 «О единой системе межведомственного электронного взаимодействия» (ред. от 13.07.2022). URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102141235.

паниями) черных списков с последующим применением согласованных мер принуждения одновременно несколькими участниками системы межведомственного электронного взаимодействия существует.

3.1.1.2. Системы идентификации

Вообще функционирование системы, подобной китайской ССК, возможно лишь при достаточно высоком уровне информатизации управленческой деятельности государственных органов. Россия в этом отношении относится к передовым странам, что подтверждается достаточно высокой оценкой внедрения ИКТ в российское государственное и муниципальное управление со стороны экспертов ООН[1] и Всемирного Банка[2]. Управление посредством учета и анализа репутационных данных о поведении субъектов (в том числе в рамках СМЭВ) с необходимостью предполагает наличие системы идентификации. Как уже отмечалось в § 1.2.1.3, без идентификации невозможно профилирование, а следовательно, и применение дифференцированных мер к различным категориям субъектов. Тогда как идентификация организаций может осуществляться при помощи соответствующих регистрационных данных (идентификационный номер налогоплательщика, государственный регистрационный номер в реестре юридических лиц), установление личности индивида требует более сложной цифровой инфраструктуры.

В России значительная часть взаимоотношений между гражданами и органами государства опосредуется через Единый портал государственных и муниципальных услуг (ЕПГУ), действующий под брендом *«Госуслуги»*. Портал работает на базе Единой системы идентификации и аутентификации (ЕСИА), обеспечивающей интеграцию различных источников информации о субъектах, а также их идентифика-

---

[1] E-Government Survey 2020: Digital Government in the Decade of Action for Sustainable Development. URL: https://publicadministration.un.org/egovkb/Portals/egovkb/Documents/un/2020-Survey/2020%20UN%20E-Government%20Survey%20(Full%20Report).pdf.

[2] Digital Government 2020: Prospects for Russia. April 2016. URL: https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/24402/Digital0govern0prospects0for0Russia.pdf.

цию. В ЕСИА уже зарегистрирована бóльшая часть населения России[1]. В последнее время к ЕСИА подключают Единую биометрическую систему (ЕБС), что должно обеспечить возможность идентификации физических лиц при получении ими государственных и муниципальных услуг в электронной форме, а также при обращении в банки и иные аккредитованные организации[2]. ЕСИА и ЕБС тесно связаны с единой системой межведомственного электронного взаимодействия: очевидно, что именно цифровая идентификация пользователей публичных услуг и лиц, являющихся объектами контрольно-надзорной деятельности, делает возможным моментальный обмен данными о них между различными властными органами и аккредитованными организациями.

Как презентует ЕБС один из ее разработчиков, ПАО «Ростелеком», создаваемая архитектура идентификации личности предполагает ее использование различными организациями не только в рамках публично-правовых отношений, но и в рамках широкого спектра частноправовых отношений, от сферы финансовых услуг до здравоохранения, образования и электронной торговли[3]. Удобства и преимущества, которые сулит рядовому гражданину такое расширение сферы применения публичных по своей сути управленческих инструментов, очевидны: это и снижение риска столкнуться с мошенниками, и возможность обращения за соответствующими услугами в упрощенном порядке. У биометрической идентификации, однако, есть и проблематичная сторона, выступающая для государства, по всей видимости, основной причиной долгосрочного интереса к данному инструменту: идентификация индивида вне сферы его взаимоотношений с публично-правовыми институтами позволяет государству, контролирующему систему идентификации, получать широкий спектр сведений о расходах индивида, а при необходимости – блокировать соответствующие

---

[1] К июню 2021 года количество учетных записей на портале «Госуслуги» достигло 135 млн (порядка 93 % от общей численности населения России), из них 78,5 млн имеют статус подтвержденных. См.: Число учетных записей на портале госуслуг достигло 135 млн // ТАСС. 04.06.2021. URL: https://tass.ru/ekonomika/11564097.

[2] См. статью 3 Федерального закона от 29 декабря 2020 года № 479-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2021. № 1 (Часть I). Ст. 18.

[3] О единой биометрической системе. URL: https://bio.rt.ru/about/.

операции. Это именно тот момент, который, как уже отмечалось, является источником тревоги индийских правозащитников, причиной их критического отношения к системе биометрической идентификации Aadhaar. И именно посредством такого инструмента, как ЕБС, становится принципиально осуществимой идея ограничения потребления для лиц с дефектами социальной репутации, являющаяся частью практик, объединенных брендом ССК в КНР.

3.1.1.3. Возможность профилирования

Создание эффективно работающей системы идентификации граждан делает возможным решение задачи цифрового профилирования. Ряд мероприятий в этом направлении уже предпринят российскими властями. Так, в рамках реализации федерального проекта «Цифровое государственное управление», являющегося частью национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации», до 2024 года запланировано создание цифровых профилей гражданина и юридического лица[1]. Создание инфраструктуры цифрового профиля является также частью проводимого с 1 июля 2019 года по 31 декабря 2022 года эксперимента по повышению качества и связанности данных, содержащихся в государственных информационных ресурсах[2]. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 30 мая 2020 года предусматривает «создание государственной информационной инфраструктуры, необходимой для обеспечения функционирования создаваемых миграционных правил, электронных сервисов и механизмов контроля»[3], при этом среди компонентов проектируемой инфраструктуры назван «цифровой профиль иностранного гражданина».

---

[1] Паспорт федерального проекта «Цифровое государственное управление». URL: https://digital.ac.gov.ru/poleznaya-informaciya/material/Паспорт-федерального-проекта-Цифровое-государственное-управление.pdf.

[2] Постановление Правительства Российской Федерации от 3 июня 2019 года № 710 «О проведении эксперимента по повышению качества и связанности данных, содержащихся в государственных информационных ресурсах» // СЗ РФ. 2019. № 23. Ст. 2963.

[3] Распоряжение Правительства Российской Федерации от 30 мая 2020 года № 1452-р «О внесении изменений в распоряжение Правительства РФ от 22 февраля 2019 г. № 265-р» // СЗ РФ. 2020. № 23. Ст. 3728.

Несмотря на то, что отдельные подзаконные акты, действующие в Российской Федерации, уже используют такие понятия, как «цифровой профиль» и «инфраструктура цифрового профиля», российскому законодательству до сих пор не знакомо понятие цифрового профилирования (или профилирования вообще, в том смысле, который вкладывается в него Общим регламентом ЕС по защите данных). Судя по всему, в нормативных правовых актах органов государственной власти Российской Федерации цифровые профили рассматриваются до сих пор с сугубо технической точки зрения, в качестве одной из ИКТ, позволяющих связывать данные, используемые в работе различных ведомств и учреждений. Процессуальный аспект формирования цифровых профилей урегулирован в недостаточной мере, что, вероятнее всего, связано с неразвитостью в России инструментария цифрового профилирования.

Важным шагом в направлении формирования полноценной инфраструктуры цифрового профилирования в России является создание *единого федерального информационного регистра, содержащего сведения о населении Российской Федерации* (*федерального регистра сведений о населении*). Вопросы формирования данного регистра урегулированы федеральным законом № 168-ФЗ от 8 июня 2020 года[1]. Согласно положениям закона, федеральный регистр сведений о населении должен объединить сведения о гражданах (в том числе об иностранных гражданах и лицах без гражданства, временно или постоянно проживающих в России, либо признанных беженцами или получивших временное убежище на территории Российской Федерации, а также об иностранных гражданах, временно пребывающих в Российской Федерации и осуществляющих в установленном порядке трудовую деятельность), содержащиеся в государственных информационных системах органов государственной власти Российской Федерации и органов управления государственными внебюджетными фондами. Статья 7 федерального закона дает представление о том, какие сведения должны включаться в регистр: сведения о фамилии, имени и отчестве гражданина, о дате и месте его рождения, дате и месте смерти, о половой принадлежности и изменении пола, сведения о семейном положении, о

[1] Федеральный закон от 8 июня 2020 года № 168-ФЗ «О едином федеральном информационном регистре, содержащем сведения о населении Российской Федерации» // СЗ РФ. 2020. № 24. Ст. 3742.

гражданстве, идентификаторы удостоверяющего личность документа, сведения о регистрационном и миграционном учете, о постановке на налоговый и воинский учет, о регистрации в качестве индивидуального предпринимателя, о постановке на учет в органах службы занятости, данные документов об образовании, идентификатор учетной записи в ЕСИА. Ведение регистра возложено на Федеральную налоговую службу. В соответствии с частью 8 статьи 8 федерального закона № 168-ФЗ сведения об одном физическом лице, включаемые в федеральный регистр сведений о населении, образуют одну запись федерального регистра сведений о населении. На МВД России, Минобороны, Министерство цифрового развития, Минобрнауки, Рособрнадзор, ФНС России, Федеральное агентство морского и речного транспорта, Федеральную службу по труду и занятости, Пенсионный фонд Российской Федерации и Фонд социального страхования Российской Федерации, а также на территориальные фонды обязательного медицинского страхования законом возложены обязанности по предоставлению в федеральный регистр соответствующей информации о гражданах.

Фактически, формируемый в настоящее время федеральный регистр сведений о населении – это база данных, включающая официальные сведения о каждом находящимся в России гражданине. Несомненно, данный регистр может служить и, скорее всего, послужит основой для создания полноценных цифровых профилей граждан. Однако, чтобы говорить о цифровом профилировании в значении, придаваемом ему законодательством стран ЕС, необходимо расширение перечня сведений, отражаемых в цифровом профиле физического лица, соединение с инфраструктурой федерального регистра сведений о населении большего количества государственных информационных систем. На данный момент через инфраструктуру цифрового профиля, формируемую в ходе эксперимента по повышению качества и связанности содержимого государственных информационных ресурсов, осуществляется раскрытие и обмен данными, имеющими преимущественно регистрационный, анкетный характер. Как видно из содержания федерального закона № 168-ФЗ, федеральный регистр сведений о населении также предполагает объединение записей лишь регистрационного характера. Данные о правовом поведении, за исключением разве что сведений из электронной трудовой книжки гражданина, а также сведений о доходах и налоговых выплатах, в инфраструктуру цифрового

профиля и в федеральный регистр сведений о населении не попадают, однако нет принципиальных препятствий для того, чтобы расширить перечень учитываемых в цифровых профилях сведений. Для того, чтобы использовать профили пользователей платформы «Госуслуги» для автоматизированного принятия решений, применения средств предиктивной аналитики и социального ранжирования в той или иной форме, необходимо сделать так, чтобы в них отражалась информация о допущенных лицом административных правонарушениях, наличии или отсутствии судимости за преступления, исполнении воинской обязанности, иммунизации, своевременности оплаты жилищно-коммунальных услуг, налоговых платежей, штрафов, банковских кредитов и микрозаймов. Перспектива наполняемости цифровых профилей практически неисчерпаема.

Часть репутационных данных, позволяющих характеризовать правовое поведение субъекта, уже фактически связана с ЕПГУ: сведения о штрафах, долгах (в том числе налоговых и судебных задолженностях), об иммунизации COVID-19 подгружаются к профилю гражданина на платформе «Госуслуги» автоматически, однако до сих пор не используются государственными органами и учреждениями для автоматизированного принятия решений. Отдельные виды персональных данных (например, сведения о наличии или отсутствии судимости, а также наказаний за употребление наркотиков) могут быть раскрыты через ЕПГУ по запросу гражданина.

В целом следует отметить, что СМЭВ, ЕПГУ, ЕСИА, ЕБС и федеральный регистр сведений о населении вместе составляют инфраструктуру, которая вполне позволяет осуществлять цифровое профилирование субъектов в целях дальнейшего автоматизированного принятия решений. На сегодняшний день, однако, эта инфраструктура используется преимущественно для решения задач, составляющих традиционное (присущее периоду конца 1990-х – начала 2000-х годов) понимание электронного правительства: упрощение документооборота, обеспечение связанности разрозненных баз данных, ускорение предоставления публичных услуг гражданам. Для того чтобы российская инфраструктура цифрового публичного управления стала частью управленческой системы нового поколения, частью платформенного государства, необходимо сделать так, чтобы через нее выполнялись задачи совершенно иного плана: ведение риск-ориентированного предиктивного

анализа социальных событий, автоматизированное принятие правоприменительных решений, категоризация адресатов государственной контрольно-надзорной деятельности и деятельности по оказанию публичных услуг на множества, выстраивание иерархий и реализация дифференцированной правовой политики для различных категорий лиц. По большому счету, использованию российской инфраструктуры идентификации и информационного обмена для целей именно профилирования и автоматизированного принятия решений препятствует вовсе не технологическая или институциональная отсталость, а, скорее, отсутствие политической воли и необходимых нормативных правовых актов, которые бы узаконили соответствующие управленческие и правоприменительные практики. К слову, *действующая в настоящее время редакция статьи 16 Федерального закона от 27 июля 2006 года № 152-ФЗ «О персональных данных»*[1] *запрещает принятие решений, порождающих юридические последствия в отношении субъекта персональных данных или иным образом затрагивающих его права и законные интересы, на основании исключительно автоматизированной обработки персональных данных. Принятие таких решений возможно лишь с письменного согласия гражданина, либо в силу указания федерального закона, однако на сегодняшний день законодательство Российской Федерации не предусматривает условий, при которых такие практики носили бы правомерный характер.*

Осторожность федерального законодателя и правительства в вопросах перехода к режиму управления, при котором юридически значимые решения в отношении граждан принимаются на основе анализа их цифровых профилей, не означает отсутствия планомерной работы в данном направлении. Одной из значимых инициатив, приближающих цифровое профилирование в полном значении данного понятия, является проект по внедрению *электронных паспортов*[2]. Замена привычных бумажных удостоверений личности на пластиковые карты, содержащие электронный носитель с внесенными в него биометрическими

---

[1] СЗ РФ. 2006. № 31 (ч. 1). Ст. 3451.

[2] См.: Проект указа Президента Российской Федерации «О паспорте гражданина Российской Федерации, содержащем электронный носитель информации» (по состоянию на 19.03.2021) (подготовлен Минцифры России, ID проекта 04/14/03-21/00114294) // СПС «Консультант плюс».

данными владельца документа, вероятно, позволит в перспективе «привязать» к новому удостоверению личности широкий круг источников информации о гражданине. Идентификация с использованием удостоверений личности нового образца сделает возможным моментальный доступ к данным цифрового профиля индивида и анализ этих данных со стороны любого должностного лица, уполномоченного на проверку документов.

3.1.1.4. Отслеживание поведения граждан в сети «Интернет»

Жизнь современного человека уже невозможно представить без всемирной сети «Интернет». В сети или через сеть человек выполняет работу, проводит досуг, выражает мнения по общественно значимым вопросам, приобретает товары и общается с другими людьми. Активность индивида в интернете порой может иметь более значимые последствия для окружающих, чем его активность на улице. Тогда как ЕПГУ, СМЭВ, ЕСИА и ЕБС в рамках единой инфраструктуры позволяют отслеживать и фиксировать взаимодействия гражданина с государственными и муниципальными органами, финансово-кредитными учреждениями и иными аккредитованными субъектами, сетевая активность гражданина в виртуальном пространстве, вне официальных государственных порталов, оказывается вне поля зрения государства. Восполнение данного пробела и, одновременно, обеспечение потенциальной возможности (по крайней мере, в долгосрочной перспективе) профилирования индивида по цифровым следам, оставляемым им в сети «Интернет», может быть реализовано посредством введения института обязательной регистрации пользователей интернет-сервисов под реальными именами. Начало данному процессу положило введение в 2018 году обязательной идентификации абонентов мобильной связи[1] и принятие в 2021 году постановления Правительства Российской Федерации, обязывающего организаторов сервисов обмена мгновенными сообщениями (мессенджеров) осуществлять идентификацию пользователей путем установления сведений о принадлежащих им

[1] Федеральный закон от 29 июля 2017 года № 245-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О связи» // СЗ РФ. 2017. № 31 (ч. 1). Ст. 4794 (вступил в силу с 01.06.2018).

абонентских номерах мобильной связи[1]. По сути, речь идет и об идентификации пользователей социальных сетей Telegram и VK, поскольку в них интегрированы сервисы обмена мгновенными сообщениями. Любопытно, что и в части введения обязательной идентификации пользователей Интернет-сервисов российское правительство идет по тропе, ранее проложенной властями КНР[2].

3.1.1.5. FAN ID

В одном ряду с электронными паспортами и идентификацией в интернет-мессенджерах стоит и инициатива по использованию персонифицированных карт в виде электронных документов (паспортов болельщиков, *FAN ID*) для допуска зрителей на спортивные соревнования[3]. По сути, FAN ID и информационная система идентификации болельщиков, предназначенная для ведения реестра персонифицированных карт, – это социально-кредитные механизмы в самом непосредственном смысле этого словосочетания. Они позволяют контролировать посещение гражданами спортивных соревнований и запрещать гражданину такое посещение при наличии определенных сведений, подрывающих его репутацию: например, если имеется информация о фактах нарушения зрителем общественного порядка при проведении публичных, спортивных, зрелищных или иных массовых мероприятий, в том числе за пределами территории Российской Федерации.

---

[1] Постановление Правительства Российской Федерации от 20 октября 2021 года № 1801 «Об утверждении Правил идентификации пользователей информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» организатором сервиса обмена мгновенными сообщениями» // СЗ РФ. 2021. № 43. Ст. 7291.

[2] Система регистрации в интернет-сервисах под реальными именами, введённая в КНР в 2011 году, также направлена на борьбу с анонимностью в глобальной сети и позволяет органам власти учитывать активность пользователей в интернете с целью их последующей социально-кредитной оценки (см.: *Creemers R.* Op. cit.; *Lee J.-A., Liu C.-Y.* Real-name registration rules and the fading digital anonymity in China // Washington International Law Journal. 2016. Vol. 25, № 1. P. 1–34).

[3] Федеральный закон от 30 декабря 2021 года № 462-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2022. № 1 (Часть I). Ст. 31.

Для того, чтобы было понятно, что представляет из себя паспорт болельщика и связанная с ним информационная архитектура, приведем ряд выдержек из федерального закона «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» в редакции федерального закона от 30 декабря 2021 года № 462-ФЗ:

> *Статья 2. Основные понятия, используемые в настоящем Федеральном законе*
>
> *9.3) персонифицированная карта для посещения спортивного соревнования (далее – персонифицированная карта) – электронный документ, оформляемый по итогам идентификации зрителя, участника официального спортивного соревнования, иного лица, задействованного в проведении такого соревнования, для аутентификации указанных лиц, осуществляемой в целях обеспечения безопасности государства, общественной безопасности и общественного порядка при проведении официальных спортивных соревнований;*
>
> <…>
>
> *Статья 20.5. Особенности осуществления идентификации и аутентификации зрителей, участников официальных спортивных соревнований, иных лиц, задействованных в проведении таких соревнований*
>
> *1. При оформлении персонифицированной карты или приобретении входных билетов на официальные спортивные соревнования, определенные решением Правительства Российской Федерации в соответствии с частью 2.2 статьи 20 настоящего Федерального закона, иных документов, предоставляющих право на посещение таких соревнований, и при входе в места их проведения зрители, участники официальных спортивных соревнований, иные лица, задействованные в проведении таких соревнований, в целях обеспечения безопасности государства, общественной безопасности и общественного порядка обязаны проходить соответственно идентификацию и аутентификацию, которые осуществляются на основе информации, полученной из информационной системы идентификации болельщиков.*
>
> *2. Информационная система идентификации болельщиков является информационным элементом инфраструктуры, обес-*

печивающей информационно-технологическое взаимодействие информационных систем, используемых для предоставления государственных и муниципальных услуг в электронной форме, и с ее использованием ведется реестр персонифицированных карт.

3. В информационной системе идентификации болельщиков обрабатываются сведения, предоставляемые зрителями, участниками официальных спортивных соревнований, а также сведения, поступающие от организаторов официальных спортивных соревнований, в том числе об иных лицах, входящих в перечень, предусмотренный частью 2.2 статьи 20 настоящего Федерального закона, необходимые для их идентификации и аутентификации в соответствии с порядками, предусмотренными частью 4 настоящей статьи и частью 17.1 статьи 20 настоящего Федерального закона.

<…>

Статья 20.6. Персонифицированная карта

1. Заявление на оформление персонифицированной карты направляется лицом оператору информационной системы идентификации болельщиков с использованием федеральной государственной информационной системы «Единый портал государственных и муниципальных услуг (функций)».

2. В случае принятия решения об оформлении персонифицированной карты оператор информационной системы идентификации болельщиков вносит соответствующую запись в реестр персонифицированных карт информационной системы идентификации болельщиков. Доступ зрителей, участников официальных спортивных соревнований, иных лиц, задействованных в проведении таких соревнований, к реестровым записям о персонифицированных картах осуществляется в том числе с использованием федеральной государственной информационной системы «Единый портал государственных и муниципальных услуг (функций)».

<…>

4. Решение об отказе в оформлении персонифицированной карты или о приостановлении ее действия принимается:

1) в случае, если это необходимо в целях обеспечения обороноспособности или безопасности государства либо обще-

ственного порядка либо если имеется полученная в соответствии с законодательством Российской Федерации или на основании международных договоров Российской Федерации информация о фактах нарушения зрителем, участником официального спортивного соревнования или иным лицом, задействованным в проведении такого соревнования, общественного порядка при проведении публичных, спортивных, зрелищных и (или) иных массовых мероприятий, в том числе за пределами территории Российской Федерации, или о намерении совершить соответствующие противоправные деяния;

2) в случае, если в отношении лица вступило в законную силу решение суда об административном запрете на посещение мест проведения официальных спортивных соревнований в дни их проведения, – до истечения срока такого административного запрета;

3) в случае, если в отношении лица вступило в законную силу решение суда об установлении административного надзора и судом в отношении данного поднадзорного лица установлено административное ограничение в виде запрещения посещения мест проведения массовых и иных мероприятий и участия в указанных мероприятиях, – до истечения срока такого административного ограничения.

3.1.1.6. Видеонаблюдение

Описанные выше управленческие мероприятия и инициативы позволяют составить достаточно подробный портрет (или профиль) индивида на основании цифровых следов, оставленных им в государственных информационных системах, но практически не позволяют отслеживать поведение индивида в режиме реального времени. Данные инициативы ретроспективно фиксируют статичную биографическую информацию о субъекте, но не позволяют наблюдать за его поведением в динамике. Индивид, не обращающийся за получением публичных услуг или банковских кредитов, не посещающий спортивных соревнований, не имеющий официальных доходов и не осуществляющий расходы в безналичной форме, может оказаться практически «невиди-

мым» для государства. Нарушения административного законодательства (особенно в части специфически новых требований соблюдения обязательного карантина и ношения средств индивидуальной защиты) с его стороны останутся безнаказанными во всех случаях, когда на его пути не окажется сотрудников правоохранительных органов. Для того, чтобы контрольно-надзорная деятельность государства, а также предотвращение преступлений были максимально эффективны, правительства во всем мире внедряют современные системы видеонаблюдения. В России такой системой является *аппаратно-программный комплекс «Безопасный город»*, функционально предназначенный в том числе для автоматической регистрации и видеоанализа событий, идентификации и распознавания лиц[1]. Уже сегодня АПК «Безопасный город» активно используется для целей социального контроля, в том числе для привлечения к юридической ответственности лиц, нарушивших карантинные ограничения и законодательство о проведении массовых мероприятий[2].

***

Насколько можно судить, инновации последних лет в российском административном праве и практиках публичного управления направлены на обеспечение всестороннего учета информации о гражданах со стороны государственных и муниципальных органов, учреждений и уполномоченных негосударственных организаций. Описанные выше мероприятия и инициативы делают *принципиально возможным* моментальный межведомственный обмен информацией об индивидах, формирование полноценных цифровых профилей граждан с данными об их прошлом поведении и их поведенческих склонностях.

Возможно, государство знает о нас уже слишком много – гораздо больше, чем мы можем представить себе; просто, имея огромный мас-

---

[1] Распоряжение Правительства Российской Федерации от 3 декабря 2014 года № 2446-р «Об утверждении Концепции построения и развития аппаратно-программного комплекса «Безопасный город» // СЗ РФ. 2014. № 50. Ст. 7220.

[2] См.: Постановление Южно-Сахалинского городского суда от 13.04.2020 по делу № 5-385/20; Как власти используют камеры и распознавание лиц против протестующих // ОВД-Инфо. 17.01.2022. URL: https://ovdinfo.org/reports/kak-vlasti-ispolzuyut-kamery-i-raspoznavanie-lic-protiv-protestuyushchih.

сив данных о каждом индивиде, оно все еще не выработало действенных механизмов использования этих данных для проведения дифференцированной правовой политики в отношении лиц с определенной репутацией, склонностями и т. п. Даже механизмы видеофиксации и распознавания лиц, составляющие один из модулей АПК «Безопасный город», хотя и связаны непосредственно с процессом принятия правоприменительных актов, в настоящее время, судя по всему, не используются для формирования многомерных профилей индивидов. Возможно, Российское государство, обладая эффективными средствами сбора и накопления информации, все еще не откалибровало инструменты интеллектуального анализа данных (*data mining*) и перевода проанализированных данных в конкретные индивидуально-адресованные решения. Способствовать усовершенствованию аналитики персональных данных, относящихся к цифровым профилям индивидов, могут проекты, направленные на развитие технологий искусственного интеллекта.

3.1.2. Научно-технологические условия для внедрения в России интеллектуального анализа персональных данных, предиктивной аналитики и социального ранжирования

Профилирование делает возможным интеллектуальный анализ данных, на основе которого могут осуществляться социальное ранжирование и принятие определенных управленческих / правоприменительных решений. Чтобы такая интеллектуальная деятельность стала возможной, необходимо развивать технологии искусственного интеллекта и анализа больших массивов данных.

В последние три года в России был принят ряд нормативных правовых актов, призванных создать благоприятные регуляторные условия для работы в данном направлении. В октябре 2019 года Президентом Российской Федерации была утверждена Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года[1], содер-

[1] Указ Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 года № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2019. № 41. Ст. 5700.

жащая описание основных ориентиров для совершенствования существующих прорывных технологий. Помимо прочего, стратегия предусматривает обеспечение технических и правовых условий для доступа к данным (включая персональные данные) в целях обучения систем искусственного интеллекта, а также делегирование функционирующим на основе искусственного интеллекта информационным системам возможности принятия отдельных решений, в том числе при исполнении государственными органами своих функций. В утвержденной год спустя Концепции развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники до 2020 года[1] обозначена необходимость адаптации действующего законодательства к потребностям совершенствования новых технологий, в том числе – необходимость снятия законодательных барьеров для обработки обезличенных персональных данных. Также отмечена потребность в расширении практики раскрытия данных, содержащихся в информационных ресурсах органов и организаций государственного сектора. Отдельный раздел (III.2) Концепции посвящен нормативно-правовому регулированию использования технологий искусственного интеллекта в государственном и муниципальном управлении, в том числе в контрольно-надзорной и разрешительной деятельности. С 1 июля 2020 года на территории Москвы введен экспериментальный правовой режим, направленный на создание необходимых условий в целях разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта[2].

Перечисленные правовые инициативы служат доказательствами того, что и необходимость развития технологий интеллектуального анализа данных, и неизбежность трансформации законодательства, наибольший массив которого был написан в русле совершенно иной

---

[1] Распоряжение Правительства Российской Федерации от 19 августа 2020 года № 2129-р «Об утверждении Концепции развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники до 2024 года» // СЗ РФ. 2020. № 35. Ст. 5593.

[2] Федеральный закон от 24 апреля 2020 года № 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации – городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных» // СЗ РФ. 2020. № 17. Ст. 2701.

общественной парадигмы, вполне ясно осознаются российским руководством. При этом можно заметить, что в вопросах использования новейших технологий для принятия юридически значимых решений авторы названных нормативных актов проявляют разумную сдержанность и осторожность. Переход к полноценному алгоритмическому правоприменению чреват неожиданными социальными последствиями, что понимают не только российские власти, но и власти КНР, оказавшиеся, казалось бы, в шаге от замены судей и чиновников компьютерными программами. Впрочем, нужно иметь в виду, что в России на данном этапе стоит вовсе не вопрос целесообразности делегирования правоприменительных полномочий системам искусственного интеллекта, а вопрос создания технологических условий для полноценного профилирования и развития систем предиктивной аналитики в будущем.

Профилирование граждан и принятие на его основе юридически значимых решений – задачи, сложные как с технологической, так и с социально-правовой точек зрения. Тогда как механизмы ранжирования и принятия решений, опирающихся на анализ репутационных данных граждан, способны вызвать массовое недовольство, и потому могут внедряться лишь постепенно, их испытание на юридических лицах и индивидуальных предпринимателях является более простой задачей.

3.1.3. Инструменты рейтингования юридических лиц (индивидуальных предпринимателей) и кредитная оценка пользователей финансовых услуг в России

Инструменты рейтингования ведут свое происхождение из частного сектора, поэтому нет ничего удивительного в том, что именно в рамках регулирования бизнес-процессов они получили наибольшее развитие. Категории деловой репутации, кредитоспособности, надежности контрагента – исходные основания для формирования современных социально-кредитных механизмов (в конце концов, не следует забывать, что и ССК в КНР изначально разрабатывалась в качестве системы оценки коммерческих контрагентов).

3.1.3.1. Ранжирование юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, являющихся клиентами российских кредитных организаций

В конце 2021 года в России был принят федеральный закон[1], предусматривающий ранжирование клиентов кредитных организаций – юридических лиц и индивидуальных предпринимателей в зависимости от уровня риска совершения ими подозрительных операций (т. е. операций с денежными средствами или иным имуществом, предположительно направленных на отмывание преступных доходов и финансирование терроризма). Согласно закону, Банк России относит клиентов кредитных организаций к одной из трех категорий: клиенты с низкой степенью риска, клиенты со средней степенью риска и клиенты с высокой степенью риска совершения подозрительных операций. Обязанность ранжирования клиентов в зависимости от степени риска совершения подозрительных операций закреплена также за самими кредитными организациями. Отнесение юридического лица или индивидуального предпринимателя к той или иной категории клиентов определяет возможность совершения отдельных банковских операций по счету соответствующего лица. В отношении операций клиентов с низким уровнем риска совершения подозрительных операций банкам запрещено использовать «отказные полномочия». Операции по счетам клиентов со средним уровнем риска оцениваются кредитными организациями в обычном порядке, в соответствии со стандартными правилами внутреннего контроля; у банка сохраняется право отказать в совершении операции по счету такого клиента при наличии подозрений, что такая операция совершается в целях отмывания преступных доходов или финансирования терроризма. Наконец, по банковским счетам, вкладам и депозитам клиентов – юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, отнесенных к категории с высоким уровнем риска, кредитная организация не вправе проводить операции по списанию денежных средств, операции выдачи наличных денежных средств, осуществлять денежные переводы с использованием сервиса быстрых

[1] Федеральный закон от 21 декабря 2021 года № 423-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2021. № 52 (Часть I). Ст. 8982.

платежей платежной системы Банка России, а также операции с иным имуществом. Клиенту с высоким уровнем риска в соответствии с новым законом при расторжении договора банковского счета (вклада, депозита) не должен выдаваться или перечисляться на другой счет остаток денежных средств по счету. Фактически, предусмотрено блокирование возможности клиента с высоким уровнем риска распоряжаться денежными средствами, находящимися на его счете в кредитной организации.

Новый федеральный закон создает правовые основания для функционирования разработанной Банком России платформы *«Знай своего клиента»*, направленной на борьбу с отмыванием денег[1]. По замыслу разработчиков платформы, ранжирование корпоративных клиентов банков, осуществляемое в смешанном, полуавтоматическом режиме (аналитиками Банка России с опорой на алгоритмы искусственного интеллекта) на основе мониторинга и анализа информации о характере деятельности корпоративных клиентов, позволит упростить *добросовестным* юридическим лицам и индивидуальным предпринимателям взаимодействие с банками, а также приведет к повышению прозрачности банковских операций. Здесь мы можем распознать подход, аналогичный тому, который применяется в контрольно-надзорной и разрешительной деятельности государственных органов КНР: организации с безупречной репутацией, не имевшие нарушений в прошлом, подлежат проверкам реже и имеют возможность получения необходимых для работы лицензий в упрощенном порядке; проверки в отношении организаций с подорванной репутацией чаще и глубже; контрольно-надзорные функции в отношении организаций-«середняков» реализуются в стандартном порядке.

3.1.3.2. Рейтинг деловой репутации участника госзакупки

Еще одной инициативой внедрения в публичное управление инструментов социального ранжирования, причем именно в форме рейтингования, была идея использования рейтингов деловой репутации

[1] См.: Платформа «ЗСК» сократит нагрузку на добросовестных предпринимателей // Банковское обозрение. 19.11.2021. URL: https://bosfera.ru/bo/platforma-zssokratit-nagruzku-na-dobrosovestnyh-predprinimateley.

контрагентов в деятельности по осуществлению закупок для государственных и муниципальных нужд. Понятие *«рейтинг деловой репутации участника закупки»* содержалось в тексте законопроекта № 1100997-7, внесенного в Государственную Думу 26 января 2021 года[1]. Данное понятие было включено в законопроект по предложению Федеральной антимонопольной службы. Согласно тексту законопроекта, рейтинг деловой репутации участника закупки – это совокупная оценка опыта участника закупки, формируемая на основе информации и документов о ранее имевшем место исполнении им контрактов и договоров. Изначальный текст законопроекта предусматривал, что порядок формирования рейтинга должен быть определен отдельным правительственным постановлением, однако ко второму чтению упоминания рейтинга деловой репутации из текста обсуждаемого Госдумой закона были исключены. Судя по содержанию стенограммы заседания от 16 марта 2021 года, на котором закон был принят в первом чтении, исключить упоминание рейтинга деловой репутации пришлось из-за неопределенности порядка его формирования и критериев оценки участников закупочной деятельности. Вполне вероятно, что в скором времени российское правительство вернется к идее рейтингования участников госзакупок, но опишет данную процедуру не на уровне федерального закона, а в тексте постановления.

3.1.3.3. Индивидуальный рейтинг субъекта кредитной истории

Как можно заметить, инструменты социального ранжирования, в том числе в форме рейтингования, постепенно, но все более уверенно внедряются в практику регулирования финансово-экономических отношений. Сравнительно недавно рейтингование было внедрено и в такой исконно социально-кредитный институт, как институт *кредитных историй*.

Закон о кредитных историях действует в России с 2005 года[2]. Он урегулировал создание системы сбора и обмена информацией, харак-

---

[1] Законопроект № 1100997-7 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Система обеспечения законодательной деятельности. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/1100997-7.

[2] О кредитных историях: федеральный закон от 30 декабря 2004 года № 218-ФЗ // СЗ РФ. 2005. № 1 (ч. 1). Ст. 44.

теризующей своевременность исполнения долговых обязательств заемщиками и позволяющей потенциальным кредиторам (прежде всего, банкам) снизить свои кредитные риски. В принципе, эта система и есть первичный социально-кредитный механизм, из которого выросла ССК в КНР и который связывает оригинальный китайский управленческий проект с административными инструментами, применяемыми во всем остальном мире – в США, ЕС, России и других странах. В основе правового института кредитных историй лежит чрезвычайно простой принцип: данные о своевременном исполнении долговых обязательств в прошлом позволяют рассчитывать на получение кредитов в будущем; поведение субъекта в прошлом определяет фактические возможности по реализации им своей правосубъектности в настоящем. Данный принцип, в расширенном его понимании, лежит в основании ССК и, как можно наблюдать, имеет тенденцию к постепенному распространению за рамки финансово-кредитной сферы, в область административно-правовых и даже уголовно-правовых отношений, если брать в расчет растущую популярность предиктивной аналитики правонарушений.

Примечательно, что институт, положивший начало социально-кредитным механизмам с их пристальным вниманием к данным о поведении физических и юридических лиц, развивается в России в направлении формирования индивидуальных балльных рейтингов пользователей финансовых услуг. Поправки, внесенные в Закон о кредитных историях в июле 2020 года[1], ввели понятие индивидуального рейтинга субъекта кредитной истории – физического лица. Внесению поправок предшествовала публикация в июне 2019 года доклада Банка России[2], обобщившего международную практику формирования индивидуальных кредитных рейтингов и представившего концепцию развития института кредитных историй в нашей стране. Как разъясняется в докладе, введение скоринга направлено, прежде всего, на повышение

[1] О внесении изменений в Федеральный закон «О кредитных историях» в части модернизации системы формирования кредитных историй: федеральный закон от 31 июля 2020 года № 302-ФЗ // СЗ РФ. 2020. № 31 (ч. 1). Ст. 5061.

[2] Развитие индивидуального рейтинга субъекта кредитной истории: Доклад для общественных консультаций. М.: Центральный банк Российской Федерации, 2019. URL: https://www.cbr.ru/Content/Document/File/72590/Consultation_Paper_190626.pdf (дата обращения: 20.01.2022).

финансовой грамотности пользователей финансовых услуг и информирование их о вероятности принятия кредитором решения об одобрении или неодобрении кредита. Иными словами, предполагается, что знание своего индивидуального рейтинга позволит субъекту не обращаться в бюро кредитных историй (БКИ) за получением кредитного отчета, за исключением тех случаев, когда его рейтинг оказывается на неудовлетворительном уровне и требуется более тщательный анализ предшествующих кредитных отношений.

Индивидуальный кредитный рейтинг, по идее, должен примерно соответствовать информации, содержащейся в соответствующей кредитной истории. В то же время, согласно указанию Банка России[1], разрабатываемая БКИ методика вычисления индивидуального рейтинга субъекта кредитной истории – физического лица должна основываться не только на сведениях из соответствующей кредитной истории, но и на сведениях из альтернативных источников. Судя по всему, БКИ предстоит самостоятельно определять состав таких «альтернативных» сведений, учитываемых в скоринговой модели. Как отмечается в докладе Банка России, в ходе консультаций с представителями профессионального сообщества были озвучены идеи включения в скоринговые модели БКИ широкого спектра структурированной и неструктурированной информации о субъектах кредитных историй, в том числе информации о платежах, активах и даже данных из интернета и социальных сетей. При наиболее широком подходе к процессу кредитного скоринга возможность получения кредитов и займов физическими лицами ставится в определенную зависимость от поведения субъекта вне финансово-кредитной сферы. Разумеется, окончательное решение о выдаче кредита остается за коммерческим банком, да и сами БКИ являются частными коммерческими организациями, а не государственными органами, осуществляющими управленческие и контрольно-надзорные функции. Иными словами, кредитный скоринг в любом случае не становится инструментом публичного управления, каковым

[1] О требованиях к методике вычисления индивидуального рейтинга субъекта кредитной истории и составу информации, подлежащей раскрытию при предоставлении индивидуального рейтинга субъекту кредитной истории, и порядке проверки качества предоставляемых бюро кредитных историй оценочных (скоринговых) услуг: указание Банка России от 5 октября 2021 года № 5970-У // Вестник Банка России. 2021. № 86.

его пытаются сделать в Китае. Здесь мы, однако, имеем своего рода симптом – симптом неуклонного сращивания публичного и частного, расширения собираемой информации о поведении субъектов, возрастания роли алгоритмических систем и вероятностных математических моделей в реализации наших повседневных потребностей и интересов. То, что человек допускает долговременные просрочки в оплате жилищно-коммунальных услуг, имеет нестабильные доходы и, кроме этих доходов, не имеет почти никакого имущества в собственности, несомненно, должно представлять интерес для потенциальных кредиторов. Напротив, не вполне очевидны для целей кредитования такие вопросы, как содержание сообщений индивида в соцсетях, проводимое им ежедневно время в онлайн-играх, его увлечения и вредные привычки. Кажется абсурдом, но и эти параметры – особенно с развитием вычислительных возможностей современной компьютерной техники и совершенствованием скоринговых моделей – могут представлять интерес для крупных кредитных организаций, поскольку они тоже косвенным образом свидетельствуют о занятиях и занятости потенциального должника, о рисках увольнения его с работы и привлечения к юридической ответственности (например, вследствие протестной политической активности). Уже сегодня кое-что из этого является реальностью в рамках китайской ССК[1].

3.1.4. Социально-кредитная оценка государственных служащих

Огромным шагом в направлении внедрения социально-кредитных механизмов в России, несомненно, является создание *государственной информационной системы в области противодействия коррупции «Посейдон»*. Указ о ее создании[2] был подписан Президентом Российской Федерации в апреле 2022 года. Обязанности координатора ГИС «Посейдон» возложены на Администрацию Президента Российской Федерации,

[1] См.: *Creemers R.* Op. cit. P. 23.

[2] Указ Президента Российской Федерации от 25 апреля 2022 года № 232 «О государственной информационной системе в области противодействия коррупции «Посейдон» и внесении изменений в некоторые акты Президента Российской Федерации» // СЗ РФ. 2022. № 18. Ст. 3053.

а именно – на Управление Президента Российской Федерации по вопросам противодействия коррупции. Функции оператора системы должна выполнять Федеральная служба охраны. Оказание методической и консультационной поддержки по вопросам использования системы «Посейдон» возложено на Министерство труда и социальной защиты.

Из содержания Положения о государственной информационной системе в области противодействия коррупции «Посейдон», утвержденного данным указом, следует, что система должна будет собирать и анализировать разнообразные данные, касающиеся сотрудников федеральных органов исполнительной власти, государственных органов субъектов Российской Федерации, органов публичной власти и территориальной избирательной комиссии федеральной территории «Сириус», Банка России, а также иных организаций[1]. К данным, подлежащим сбору, учету и анализу в рамках ГИС «Посейдон», относятся, прежде всего, сведения о доходах соответствующих сотрудников. Вероятно, анализу будут подвергнуты также данные о расходах госслужащих, сведения об исполнении ими своих должностных обязанностей, информация из социальных сетей и СМИ.

В качестве первоочередных задач внедрения системы названы:

- автоматизация процесса сбора, учета, хранения и анализа информации, касающейся соответствующих сотрудников;
- информационно-аналитическое обеспечение деятельности внутренних и внешних пользователей (т. е., очевидно, специальных контрольно-надзорных органов, вышестоящих инстанций внутри отдельных ведомств, руководителей соответствующих структурных подразделений госаппарата) по проведению анализа и проверок соблюдения ограничений, запретов и требований, установленных в целях противодействия коррупции, лицами, на которых распространены такие ограничения, запреты и требования[2];

---

[1] В поле зрения ГИС «Посейдон» попадают, например, главы муниципальных районов, муниципальных округов и городских округов, главный финансовый уполномоченный, а также атаманы Всероссийского казачьего общества и войсковых казачьих обществ, внесенных в государственный реестр казачьих обществ в Российской Федерации (см. Перечень изменений, вносимых в акты Президента Российской Федерации, утвержденный указом от 25 апреля 2022 года № 232).

[2] К лицам, на которых распространяются ограничения, запреты и требования в целях противодействия коррупции так или иначе относятся судьи, се-

- формирование статистических и информационно-аналитических материалов по вопросам противодействия коррупции;
- информационное взаимодействие с другими информационными системами, содержащими сведения, которые могут быть использованы в целях противодействия коррупции.

ГИС в области противодействия коррупции «Посейдон» спроектирован как платформа, состоящая из ряда взаимосвязанных модулей. Согласно указу № 232, в настоящее время система включает в себя три таких модуля:

а) программно-аппаратный комплекс центрального сегмента системы «Посейдон», предназначенный для «автоматизации деятельности ее внутренних и внешних пользователей по профилактике коррупционных и иных правонарушений, в том числе для включения информации, предоставляемой поставщиками информации, в систему «Посейдон», ее сбора, учета, хранения и анализа, для проведения анализа и проверок соблюдения ограничений, запретов и требований, установленных в целях противодействия коррупции, лицами, на которых распространены такие ограничения, запреты и требования, а также для обеспечения деятельности консультативных и совещательных органов при Президенте Российской Федерации, комиссий по соблюдению требований к служебному поведению и урегулированию конфликта интересов» (судя по всему, если попытаться перевести текст пункта 9 Положения о ГИС «Посейдон» с юридического на русский язык, данный модуль включает в себя средства интеллектуального анализа данных и

наторы Российской Федерации, депутаты Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, федеральные государственные гражданские служащие, военнослужащие, служащие органов внутренних дел, служащие Следственного комитета Российской Федерации, служащие таможенных органов, служащие федеральной противопожарной службы, служащие Банка России, депутаты законодательных (представительных) органов и государственные гражданские служащие субъектов Российской Федерации, главы муниципальных образований, депутаты представительных органов муниципальных образований и муниципальные служащие. Из текста Положения о ГИС «Посейдон», впрочем, нельзя сделать вывод, что в данном случае речь идёт обо всех перечисленных категориях лиц: вероятнее всего, система на начальном этапе своего развития не будет охватывать деятельность органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления.

выступает в качестве программного интерфейса для работы уполномоченных пользователей с соответствующими данными);

б) программно-аппаратный комплекс многоцелевого назначения «Посейдон-Р», предназначенный «для обеспечения работы внутренних и внешних пользователей системы «Посейдон» с программно-аппаратным комплексом центрального сегмента системы «Посейдон», в том числе для автоматизированного ввода, учета и хранения справок о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера» (данный модуль, очевидно, выступает в качестве программного интерфейса ограниченной целевой направленности и позволяет непосредственным пользователям – скорее всего, сотрудникам кадровых отделов и служб государственных ведомств – загружать в систему справки о доходах, расходах и имуществе госслужащих);

в) специальное программное обеспечение «Справки БК», предназначенное «для автоматизации процесса заполнения и перевода в машиночитаемый формат сведений о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, представляемых в соответствии с законодательством Российской Федерации».

Модульный характер системы «Посейдон» означает, что впоследствии к данному проекту могут добавляться и другие модули, подключаться новые источники данных. Насколько автоматизированной будет работа системы и каким образом будет осуществляться обработка данных, указ представления не дает. Уже сейчас, однако, понятно, что система «Посейдон» должна стать платформой сбора, хранения и автоматизированного в той или иной степени анализа данных о российских госслужащих. Судя по всему, она изначально проектируется для взаимодействия с иными государственными информационными системами (очевидно – прежде всего, со СМЭВ, ЕПГУ и ЕСИА) так, чтобы деятельность соответствующих сотрудников государственных ведомств была по максимуму включена в «цифровой контур». Учет и анализ сперва лишь сведений о доходах и расходах, данных о поощрениях и дисциплинарных взысканиях, а впоследствии также о качестве исполнения должностных обязанностей, о поведении на рабочем месте и вне его, о соблюдении требований служебной этики и т. д. должны сделать российского чиновника (и депутата выборного представительного органа) предсказуемым, абсолютно лояльным, заменимым и подконтрольным. Вероятно, пригодиться новая система может и для извлечения компрометирующих сведений из потока «сы-

рой» информации, что, в свою очередь, будет весьма кстати тогда, когда переход к алгоритмическому управлению и модели платформенного государства оставит значительную часть бюрократии не у дел.

ГИС «Посейдон» делает возможной социально-кредитную (т. е. основанную на репутационных, биографических данных), притом автоматизированную в той или иной степени, оценку специальных субъектов. От создания такой системы, первоначально ориентированной на выявление коррупционных нарушений, до введения полноценного ранжирования (а то и рейтингования) госслужащих расстояние не такое уж и большое. Когда механизмы ранжирования юридических лиц, индивидуальных предпринимателей, государственных и муниципальных служащих, структурных элементов государственного аппарата будут отлажены и сделаются привычной повседневной реальностью, тогда, наверное, и социальное ранжирование граждан перестанет восприниматься как нечто немыслимое в российских условиях.

3.1.5. Социально-кредитная оценка иностранных трудовых мигрантов

Вплотную подойти к социально-кредитной оценке индивидов российские власти, судя по всему, решили с госслужащих и… иностранных трудовых мигрантов. В России, судя по сообщениям СМИ, ведется работа по созданию цифровой инфраструктуры учета и оценки поведения иностранных трудовых мигрантов.

Среди возможных шагов в данном направлении в разное время назывались запуск мобильного приложения, фиксирующего «рейтинг социального доверия мигранта»[1], а также создание архитектуры цифрового профиля мигранта с биометрической информацией и сведениями социально-правового характера[2]. В 2020 году было издано распоряжение Правительства Российской Федерации, утвердившее в новой

---

[1] *Дударова Ф., Половинко В.* Неславянский интерфейс // Новая газета. № 64. URL: https://novayagazeta.ru/articles/2020/06/19/85924-plyus-tsifrovizatsiya-migrantov.

[2] В России создадут единую базу цифровых профилей иностранцев, пребывающих в стране // ТАСС. 29.03.2021. URL: https://tass.ru/obschestvo/11014899.

редакции План мероприятий по реализации в 2020–2022 годах Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы[1]. Пункт 24 данного Плана предусматривает подготовку в срок до II квартала 2021 года «описания технических требований и условий создания государственной информационной инфраструктуры, необходимой для обеспечения функционирования создаваемых миграционных правил, электронных сервисов и механизмов контроля» и включающей в себя в том числе цифровой профиль иностранного гражданина.

На момент написания данной книги информация о запуске подобных проектов отсутствует: очевидно, программная инфраструктура находится все еще в стадии разработки.

3.2. СИСТЕМА СОЦИАЛЬНОГО КРЕДИТА В РОССИИ: НЕКОТОРЫЕ КОНТУРЫ ВОЗМОЖНОГО БУДУЩЕГО

Сейчас, когда мы бегло рассмотрели имеющиеся в России предпосылки, условия и первые попытки внедрения социально-кредитных механизмов в практику публичного управления и регулирование общественных отношений, самое время обсудить то, какой облик условная «система социального доверия» может обрести здесь, на российской почве. Сразу следует оговориться, что Россия совершенно не обязана в точности копировать китайскую модель. Более того, это навряд ли возможно.

3.2.1. Возможная модель построения системы социального кредита в России

3.2.1.1. Препятствия

В 2019 году в одном из телеинтервью глава ПАО «Сбербанк» Герман Греф прокомментировал перспективу перехода к социальному

[1] Распоряжение Правительства Российской Федерации от 30 мая 2020 года № 1452-р «О внесении изменений в распоряжение Правительства РФ от 22 февраля 2019 г. № 265-р» // СЗ РФ. 2020. № 23. Ст. 3728.

рейтингованию граждан в духе китайской ССК. По его словам, этот «мощный инструмент» не соответствует российской ментальности, хотя каждая крупная компания рейтингует своих клиентов и понимает, чего можно ожидать от каждого из них[1]. Иными словами, повсеместное рейтингование граждан в публично-правовом порядке оценивается руководителем системообразующего банка, создателем одной из современных и наиболее успешных российских бизнес-экосистем, как довольно-таки опасное начинание, которое может привести к росту недовольства в обществе и непредсказуемым политическим последствиям.

Рейтингование граждан по их поведению в различных областях общественной жизни, несомненно, является слишком рискованной инициативой. Настороженно-негативное отношение жителей России к идее введения социальных рейтингов демонстрируют результаты социологического опроса, проведенного в июне 2021 года специалистами Высшей школы экономики по заказу Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека[2]. На вопрос *«Как Вы думаете, введение таких* (социальных – Р.Р.) *рейтингов граждан в России улучшило или ухудшило бы качество жизни?»* 42 % опрошенных ответило, что «ухудшило бы», 27 % – что «улучшило бы», 31 % – затруднились с ответом. Данные результаты в целом соответствуют результатам опроса, проведенного под руководством автора данной монографии в период с 8 сентября по 26 октября 2021 года[3]. На вопрос *«Следует ли государству присваивать гражданам, организациям и должностным лицам рейтинги поведения / делить их на добросовестных и недобросовестных, предоставляя привилегии одним и налагая ограничения на других?»* 46 % опрошенных ответило положительно, 41 % – отрицательно, 12 % – затруднилось с ответом (*Диаграмма 1*). При этом, как показали результаты опроса, проведенного осенью 2021 года, лишь 10,5 % опрошенных поддер-

---

[1] Греф: социальные рейтинги – не в российской ментальности // Вести.Ru. 18.05.2019. URL: https://www.vesti.ru/article/1328930.

[2] Права человека в эпоху цифровизации // Россия сегодня. 02.09.2021. URL: http://pressmia.ru/pressclub/20210902/953334224.html.

[3] См.: *Рувинский Р.З., Рувинская Е.А., Комарова Т.Д.* Общественное восприятие практик цифрового профилирования и социального рейтингования: ситуация в России и Китае // Социодинамика. 2021. № 12. С. 56–76.

живало социальное рейтингование (ранжирование, грейдирование) сразу для трех указанных в опросе категорий субъектов (для государственных и муниципальных служащих, для коммерческих организаций и индивидуальных предпринимателей, для граждан вообще). Рейтингование хозяйствующих субъектов (коммерческих организаций и индивидуальных предпринимателей) так или иначе (т. е. наряду с рейтингованием для других категорий субъектов, или же только для данной категории) поддержало 32 % респондентов. 28 % респондентов так или иначе поддержало идею рейтингования госслужащих. Лишь 22 % респондентов так или иначе высказалось с одобрением рейтингования рядовых граждан (*Диаграмма 2*).

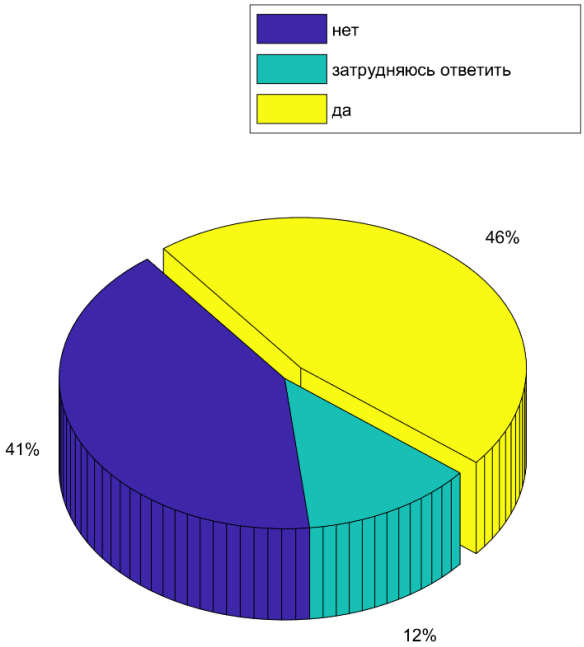

Диаграмма 1. Результаты ответа на вопрос «Следует ли государству присваивать гражданам, организациям и должностным лицам рейтинги поведения / делить их на добросовестных и недобросовестных, предоставляя привилегии одним и налагая ограничения на других?»

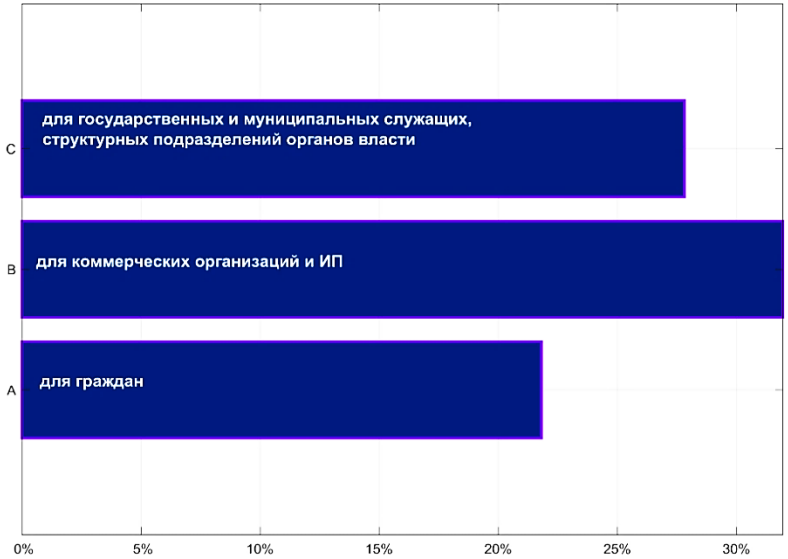

Диаграмма 2. Уровни поддержки идеи социального рейтингования для отдельных категорий субъектов

Вполне может быть, что особенности правосознания и правовой культуры россиян действительно с трудом совместимы с введением «социальной кармы». Не следует забывать, что даже в Китае инициативы по рейтингованию индивидов до сих пор носили лишь экспериментальный характер, а системы социального скоринга до сих пор не охватывают всего населения страны в целом.

На сегодняшний день в России оснований для перехода к использованию комплексных (т. е. охватывающих одновременно несколько сфер общественной жизни) индивидуальных рейтингов в публичном управлении нет. Препятствием *субъективного* плана здесь, как уже было отмечено, является психологическая неготовность общества к зарабатыванию очков рейтинга как жизненной траектории и моральному императиву. *Объективным* препятствием для введения социального скоринга является отсутствие полноценной системы цифрового профилирования граждан, которая позволяла бы собирать данные об индивиде из различных источников, формировать его многомерный

цифровой портрет и рассчитывать его вероятное поведение в будущем на основе вероятностных моделей. Судя по всему, подобными инструментами в настоящее время в России обладают бизнес-экосистемы, анализирующие поведенческие особенности и потребительские предпочтения своих клиентов, однако в силу ряда институциональных барьеров не способные оценивать поведение индивидов за рамками частноправовых отношений.

3.2.1.2. Российская модель социально-кредитного управления

Тогда как социальное рейтингование в имеющихся условиях является, пожалуй, слишком радикальным решением, социальное ранжирование (грейдирование) в той или иной форме представляется куда более реализуемым проектом. Препятствием к реализации системы социального ранжирования, опять же, является незрелость системы профилирования, причем незрелость в большей степени регуляторная, нежели технологическая.

Российская система публичного управления, судя по всему, тяготеет не к централизованно-унитарной, а к *распределенной (плюральной) модели* использования социально-кредитных механизмов. Иными словами, разрабатывается и внедряется не один-единственный проект учета репутационных данных субъектов с системой совместного межведомственного и межотраслевого дисциплинарного реагирования на поведенческие акты подконтрольных лиц, а множество отдельных самодостаточных проектов репутационного анализа и реагирования на уровне отдельных государственных ведомств. Эти отдельные ведомственные проекты могут выстраиваться на базе общей инфраструктуры сбора и обмена данными, идентификации и аутентификации, но каждый из них должен основываться на отдельном нормативном правовом акте, собственных принципах, предусматривать отдельную систему наказаний и поощрений. Даже в КНР ССК – это не монолитная архитектура управленческих инструментов и процедур, а объединение нескольких модулей, однако это объединение функционирует на основе единого набора принципов, презентуется в публичном поле как единый проект и предусматривает единый механизм реагирования в отношении лиц, «подрывающих доверие». *Развитие социально-кредитных*

механизмов в России уже идет и, вероятно, будет идти по иной логике, в рамках которой общие черты различных систем регулирования и контроля, выстроенных на базе анализа репутационной информации, будут заретушированы. В русле такой логики можно ожидать появления отдельной системы контроля за поведением государственных и муниципальных служащих (ее основой, по всей видимости, станет запущенная уже ГИС противодействия коррупции «Посейдон»), отдельной системы учета поведения трудовых мигрантов, отдельной системы стимулирования поведения участников дорожного движения, отдельной системы принуждения к исполнению налоговых и иных обязательств финансового характера, отдельной системы дисциплинарного воздействия на футбольных хулиганов, авиадебоширов и пр.

Насколько можно судить по нынешнему состоянию внедрения социально-кредитных механизмов в российское публичное управление, переход к социальному ранжированию индивидов, даже без использования балльных рейтингов, может стать успешным только в том случае, если ранжирование будет *распределенным*, а не общим, т. е. будет осуществляться в различных сферах общественной жизни по отдельности (вне связи этих сфер жизни друг с другом), будет затрагивать лишь специальную правоспособность индивидов и не будет связываться с их конституционно-правовым статусом (последнее означало бы прямой отказ от конституционно закрепленного принципа равноправия граждан). Распределенная система профилирования и ранжирования индивидов может быть внедрена менее заметно для граждан и, соответственно, с меньшими политическими рисками для руководства страны, однако ее децентрализованный характер может стать препятствием для формирования всесторонней (многомерной) системы социального регулирования и контроля, о построении которой как о желаемой цели заявляют эксперты в КНР[1].

---

[1] См.: *黎四奇 [Li Siqi]*. 社会信用建构：基于大数据征信治理的探究[Shehui xinyong jiangou: jiyu da shuju zheng xin zhili de tanjiu] (Построение социального доверия: исследование системы управления кредитной отчётностью, основанной на больших данных) // 《财经法学》[Caijing Faxue] (Финансовое право). 2021. № 4. С. 3–22. URL: http://cjfx.cufe.edu.cn/info/1206/2263.htm; *虞青松 [Yu Qingsong]*. 算法行政:社会信用体系治理范式及其法治化 [Suanfa xingzheng: shehui xinyong tixi zhili fanshi ji qi fazhi hua] (Алгоритмическое управление: управленческая парадигма Системы социального кредита и её нормативно-

В то время как социальное ранжирование граждан (особенно – граждан Российской Федерации; к пребывающим в России иностранным гражданам это относится в гораздо меньшей степени) связано с многочисленными проблемами, лежащими в том числе в плоскости обеспечения преемственности существующего конституционного порядка, социальное ранжирование (и даже рейтингование) субъектов хозяйственной деятельности – юридических лиц и индивидуальных предпринимателей – является уже не отдаленной перспективой, а зримой реальностью. Учитывая тенденции развития регулирования банковского сектора и сферы государственных закупок, можно спрогнозировать дальнейшее постепенное и необратимое распространение инструментов ранжирования и рейтингования в отношении действующих в России компаний. Внедрение таких административных инструментов, вероятно, будет связано с дифференциацией режимов осуществления контрольно-надзорных и разрешительных функций в отношении юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, имеющих ту или иную историю взаимодействия с органами государства, те или иные параметры деятельности (размер собственных средств, аффилированные лица, виды осуществляемой экономической деятельности, источники финансирования и т. п.). Очевидно, что ранжирование компаний по тем или иным критериям рано или поздно должно будет привести и к репутационной оценке их должностных лиц (уже сейчас предпосылки воздействия репутации компании на репутацию физического лица имеются в российском законодательстве о банковской деятельности, о рынке ценных бумаг, об инвестиционных фондах, об организации страхового дела, и т. д.).

Тогда как система социально-кредитной (репутационной) оценки граждан в России в обозримой перспективе может быть только распределенной, в отношении юридических лиц и индивидуальных предпринимателей постепенно может быть выстроена система комплексной оценки их деятельности. Учитывая что один хозяйствующий субъект одновременно взаимодействует с целым рядом государственных ведомств и зачастую принимает участие одновременно в нескольких видах экономической деятельности (например, произ-

---

правовые основания) // 《法学论坛》[Faxue Luntan] (Правовой форум). 2020. № 2. URL: http://fzzfyjy.cupl.edu.cn/info/1035/11847.htm.

водство продукции, ее рыночная реализация, участие в системе госзакупок и инвестирование выручки в другие компании, в том числе за рубежом), комплексное профилирование позволило бы уполномоченным органам оперативно выявлять нарушения и подозрительные экономические операции, а также купировать риски для государства и общества, исходящие от активности недобросовестных субъектов предпринимательства.

3.2.2. Адаптация действующего в России законодательства к механизмам социально-кредитного управления

Как следует из представленного выше анализа, российский «социальный кредит» развивается и, скорее всего, будет развиваться по модели, серьезным образом отличающейся от модели китайской ССК. Различие культур, законодательств, общественного правосознания в России и Китае определяет и различие путей внедрения социально-кредитных механизмов в этих двух странах. Вероятно, в России никогда не будет проекта, повторяющего облик существующей в КНР ССК, и так же вероятно, что сама китайская ССК будет развиваться дальше, в заданном уже и доступном для прогнозирования векторе. Отмеченные различия, впрочем, не мешают нам задуматься о том, не создают ли становящиеся мейнстримом социально-кредитные, репутационные тенденции публичного управления потребности в изменении действующего в России законодательства. Если современное законодательство Российской Федерации представляет собой препятствие для перехода к новой управленческой модели, каких изменений стоит ждать? Можно ли (и нужно ли), наконец, как-то согласовать устоявшиеся в России конституционно-правовые ценности и принципы с происходящей на наших глазах управленческой революцией?

Если задаться вопросом о возможности, хотя бы в некоторой среднесрочной перспективе, внедрить в России проекты, подобные китайскому проекту ССК (пусть и в распределенном виде, в форме ряда внешне автономных проектов), о возможности социально-кредитной оценки поведения физических / юридических / должност-

ных лиц с социальным ранжированием, политикой допусков и ограничений и пр., на первый план выходят следующие проблемы:

- проблема соответствия российского законодательства о защите персональных данных нуждам цифрового профилирования и ранжирования;
- проблема конституционно-правовой допустимости практик социального ранжирования и действия политики допусков и ограничений;
- вопрос принципиального соответствия действующему законодательству политики согласованных (объединенных) поощрений и наказаний.

Постараемся хотя бы кратко коснуться каждого из перечисленных пунктов.

3.2.2.1. Соответствие российского законодательства о персональных данных нуждам цифрового профилирования и ранжирования

Рассматривая данный вопрос, необходимо сразу оговориться: речь действительно следует вести не о соответствии практик или технологий профилирования и ранжирования нормам российского законодательства, а о *зрелости* российского законодательства для таких практик[1]. Из представленного выше анализа уже должно было стать ясным, что цифровое профилирование, а вместе с ним – логично вытекающее из него ранжирование (грейдирование, рейтингование) субъектов являются неотъемлемыми составляющими формирующейся модели постсовременной государственности. По большому счету, вопрос о том, в какую сторону движется государство и государственность, уже, к сожалению, не является вопросом политической дискуссии и волевого выбора: любое «нормальное» государство, т. е. государство, так или иначе вписывающееся в современную систему глобального управления и глобальной экономики (и намеренное оставаться в ней), вынуждено следовать за глобальными трендами, перенимая управленческие модели у более

[1] Нормативистское отношение к праву мешает пониманию того, что не нормы формируют социальные практики, но социальные практики вызывают к жизни определенные правовые нормы.

сильных и развитых держав или пытаясь предложить и отстоять свою собственную версию этой же модели[1]. Конечно, не исключен вариант тотального неприятия глобальных трендов, формирующихся в сфере публичного управления, однако он фактически предполагает восстание против капиталистической мир-системы, ее ядра, и требует крайне высокой устойчивости восстающего государства: несмотря на отдельные признаки, указывающие в последнее время на попытку разрыва России с господствующими в мире подходами к политическим практикам и ценностям (и устоявшимся в мире толкованием отдельных международно-правовых норм), нет никаких оснований считать, что руководство Российской Федерации в состоянии совершить управленческую (контр)революцию – обратное означало бы способность предложить свой собственный, альтернативный проект, направленный на разрешение кризисных противоречий общества модерна; это также означало бы отказ от тех шагов в направлении внедрения социально-кредитных механизмов, которые уже были предприняты в России ранее (см. выше, § 3.2.1).

Итак, основным нормативным правовым актом, регламентирующим осуществление операций с персональными данными, в России является федеральный закон № 152-ФЗ от 27 июля 2006 года «О персональных данных» (далее – Закон о персональных данных)[2]. В целом описываемая в нем модель регулирования таких операций близка европейской модели, описанной в Общем регламенте ЕС по защите данных, а также в принятых на основании данного регламента национальных законах государств – членов ЕС. Как известно, 19 декабря 2005 года Российская Федерация ратифицировала Конвенцию Совета Европы о защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных от 28 января 1981 года[3]; в силу этого подход к регулированию операций с персональными данными в нашей стране

---

[1] Судя по всему, последним как раз таки занимается руководство КНР, чья Система социального кредита может быть охарактеризована как специфическая местная версия репутационного платформенного государства, выстраиваемого на Западе.

[2] СЗ РФ. 2006. № 31 (ч. 1). Ст. 3451.

[3] Федеральный закон от 19 декабря 2005 года № 160-ФЗ «О ратификации Конвенции Совета Европы о защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных» // СЗ РФ. 2005. № 52 (ч. 1). Ст. 5573.

весьма схож с подходами других европейских государств, в том числе являющихся членами Европейского Союза.

Первое, что приходит на ум при параллельном изучении российского законодательства о персональных данных, с одной стороны, и распространенных в Китае социально-кредитных практик, с другой, – это то, что наиболее экзотичные, вопиющие практики (практики изобличения и общественного порицания, см. § 2.2.2.2), характерные для китайской ССК и представляющиеся в западной прессе как своего рода «фирменная особенность» социального кредита, очевидным образом антагонистичны нормам российского законодательства о персональных данных. При более внимательном рассмотрении данного вопроса, впрочем, выясняется, что это верно лишь отчасти.

Статья 7 российского Закона о персональных данных устанавливает обязанность операторов и иных лиц, получивших доступ к персональным данным, не раскрывать третьим лицам и не распространять персональные данные без согласия субъекта персональных данных, *если иное не предусмотрено федеральным законом*. Однако и китайский Закон № 91 «О защите личной информации», принятый 20 августа 2021 года на 30-й сессии Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей[1], нигде не говорит, что предание огласке персональных данных правонарушителей и раскрытие содержимого государственных черных списков во всех случаях законны и допустимы. Статья 13 Закона КНР перечисляет условия допустимости обработки персональных данных гражданина. Ее содержание во многом аналогично содержанию статьи 6 российского Закона о персональных данных. В числе условий допустимости обработки персональных данных называются получение согласия субъекта персональных данных, необходимость исполнения оператором персональных данных возложенных на него законом обязанностей, необходимость выполнения условий договора, необходимость защиты жизни и здоровья субъ-

[1] 中华人民共和国个人信息保护法, 2021 年 08 月 20 日 [Zhonghua renmin gongheguo geren xinxi baohu fa] (Закон о защите личной информации, 20 августа 2021 года). URL: http://www.npc.gov.cn/npc/c30834/202108/a8c4e3672c74491a80b53a172bb753fe.shtml. Translation: Personal Information Protection Law of the People's Republic of China – Effective Nov. 1, 2021 // Digichina. URL: https://digichina.stanford.edu/work/translation-personal-information-protection-law-of-the-peoples-republic-of-china-effective-nov-1-2021/.

екта персональных данных и т. п. Один (седьмой) пункт китайского закона, однако, содержит условие, не имеющее прямого соответствия в российском законодательстве и доступное для расширительного толкования. Согласно пункту 7, к условиям допустимости обработки персональных данных в КНР относятся «иные обстоятельства, предусмотренные законами и подзаконными актами административных органов». Данная формулировка дает понять, что сбор, передача, учет и обработка персональных данных становятся правомерными в силу любого указания на то в *любом* нормативном акте.

На самом деле бланкетный способ формулирования норм, используемый в Законе КНР «О защите личной информации», в не меньшей степени характерен для российского Закона о персональных данных. Разница лишь в том, что для распространения и раскрытия персональных данных третьим лицам российское законодательство требует наличия оснований, закрепленных на уровне федерального закона, а китайское законодательство допускает регламентацию таких оснований даже на уровне подзаконных актов (постановлений административных органов). Иными словами, уровень гарантий нераспространения персональных данных, предоставляемых российским законодательством, выше уровня гарантий, предоставляемых законодательством КНР, в связи с чем невозможность отдельных китайских социально-кредитных практик в России следует связывать в большей степени с правовой культурой и общественным правосознанием, нежели с нормативными ограничениями.

Как уже отмечалось выше, действующее в Российской Федерации законодательство, а именно часть 1 статьи 16 Закона о персональных данных, запрещает принятие на основании исключительно автоматизированной обработки персональных данных решений, порождающих юридические последствия в отношении субъекта персональных данных или иным образом затрагивающих его права и законные интересы. Это, на самом деле, куда более важное нормативное положение, которое действительно является барьером для перехода как к полноценному цифровому профилированию, не ограничивающемуся сбором регистрационно-анкетных данных о физических лицах, так и к зависимому от профилирования социальному ранжированию в каких-либо формах. Впрочем, если внимательно вчитаться в текст статьи 16, и этот барьер перестает казаться непреодолимым:

Статья 16. Права субъектов персональных данных при принятии решений на основании исключительно автоматизированной обработки их персональных данных.

1. Запрещается принятие на основании исключительно автоматизированной обработки персональных данных решений, порождающих юридические последствия в отношении субъекта персональных данных или иным образом затрагивающих его права и законные интересы, за исключением случаев, предусмотренных частью 2 настоящей статьи.

2. Решение, порождающее юридические последствия в отношении субъекта персональных данных или иным образом затрагивающее его права и законные интересы, может быть принято на основании исключительно автоматизированной обработки его персональных данных только при наличии согласия в письменной форме субъекта персональных данных или в случаях, предусмотренных федеральными законами, устанавливающими также меры по обеспечению соблюдения прав и законных интересов субъекта персональных данных.

<…>

(в ред. Федерального закона от 25.07.2011 № 261-ФЗ).

Автоматизированная обработка персональных данных граждан и принятие на ее основе правоприменительных решений, порождающих юридические последствия для субъектов таких данных, могут иметь законный характер, если это оговорено тем или иным федеральным законом. Как уже отмечалось в § 3.1.1.3, на сегодняшний день таких законов в России нет, однако данная ситуация может оказаться лишь временной. Вероятно, дальнейшее развитие социально-кредитных механизмов и постепенная алгоритмизация правоприменительных, управленческих функций сделают необходимым внесение соответствующих законодательных изменений или даже принятие отдельных законодательных актов. Вероятными областями правового регулирования, где такие изменения могут сделаться необходимыми в первую очередь, являются, пожалуй, назначение уголовных и административных наказаний (потребуется внесение изменений в Уголовный кодекс и Уголовно-процессуальный кодекс, Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях), определение / изменение усло-

вий отбывания уголовных наказаний и принятие решений об освобождении осужденных граждан от наказания (потребуется внесение изменений в Уголовно-исполнительный кодекс), назначение на должности государственной гражданской службы (потребуется внесение изменений в Федеральный закон «О государственной гражданской службе» и ряд иных нормативных правовых актов), заключение трудовых договоров, премирование и иное поощрение работников (потребуется внесение изменений в Трудовой кодекс), предоставление специальных разрешений (лицензий) (потребуется внесение изменений в федеральный закон «Об оружии», федеральный закон «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации»), предоставление разрешений на въезд и временное пребывание на территории Российской Федерации иностранных граждан (потребуется внесение изменений в федеральный закон «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации», федеральный закон «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства», а также ряд подзаконных нормативных правовых актов). Перечень можно продолжать, но должно быть совершенно ясно: законодательные изменения и дополнения, делающие правомерными автоматизированную обработку персональных данных и принятие автоматизированных правоприменительных решений, следует ожидать там, где анализ прошлых поведенческих актов субъекта, его биографических характеристик позволит оценить вероятный риск совершения им тех или иных нарушений (например, преступного рецидива) и предсказать вероятное поведение в будущем (например, насколько ответственно госслужащий будет подходить к исполнению своих должностных обязанностей).

То, что до сих пор такие изменения в законодательство Российской Федерации не были внесены, свидетельствует лишь о том, что автоматизированное (алгоритмическое) правоприменение, которое основывалось бы на анализе данных о прошлом поведении граждан, все еще остается в нашей стране делом не сегодняшнего, а *завтрашнего* дня.

В целом, следует признать, что действующее в Российской Федерации законодательство о персональных данных не мешает внедрению в публичное управление практик цифрового профилирования граждан и автоматизированного принятия юридически значимых решений. Скорее, оно все еще не проработано достаточно детально для того,

чтобы такие практики можно было осуществлять. Закон о персональных данных содержит достаточное количество бланкетных норм, делающих такие практики принципиально возможными в том случае, если соответствующие операции будут предусмотрены в федеральных законах. Судя по всему, законодатель оставил себе «лазейку», рассчитанную на дальнейший прогресс в области цифровых технологий, изменение положения в обществе, изменение общественных настроений, возникновение новых вызовов и угроз государственности, и т. п.

В контексте возможных нормативных барьеров для перехода российской системы публичного управления к полноценному цифровому профилированию и социальному ранжированию, пожалуй, стоит обратить внимание разве что на положение части 3 статьи 5 Закона о персональных данных. Данное положение гласит:

> *«Не допускается объединение баз данных, содержащих персональные данные, обработка которых осуществляется в целях, несовместимых между собой».*

Но цифровое профилирование, от которого могут зависеть выстраивание системы допусков и ограничений, социальное ранжирование и эффективное алгоритмическое правоприменение, с необходимостью предполагает как раз таки объединение баз данных, причем объединение максимально возможное. В КНР юридических барьеров между государственными базами данных не существует, обмен социально-кредитными данными осуществляется даже в плоскости «государство – частные компании». Совершенно очевидно, что чем больший объем данных может объединить государство, чем больший объем данных оно способно проанализировать, тем более точной будет оценка рисков и тем более адресными будут управленческие меры органов публичной власти. Вероятнее всего, ограничения, создаваемые данным положением, следует объяснять тем временем, когда оно было сформулировано. Последняя, актуальная в настоящее время версия статьи 5 Закона о персональных данных дана в редакции федерального закона от 25 июля 2011 года[1], т. е. изменения в нее не вносились уже более одинна-

[1] Федеральный закон от 25 июля 2011 года № 261-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О персональных данных» // СЗ РФ. 2011. № 31. Ст. 4701.

дцати лет. Одиннадцать лет – срок, более чем достаточный для того, чтобы многие подходы к правовому регулированию, управлению, использованию технологий поменялись кардинальным образом. На сегодняшний день, очевидно, часть 3 статьи 5 может являться препятствием для объединения государственных баз данных для целей комплексного (разностороннего) профилирования граждан, однако и здесь встает вопрос толкования указанного правоположения: вопрос состоит в том, какие цели обработки данных судом (в случае обжалования гражданами решений и действий органов исполнительной власти) могут быть признаны несовместимыми между собой. Вновь размытая формулировка оказывается слишком ненадежной гарантией прав гражданина и слишком удобной для того, чтобы, не меняя ничего в содержании законодательства, перейти к новым, не предусмотренным этим законодательством, управленческим и правоприменительным практикам.

3.2.2.2. Проблема конституционно-правовой допустимости социального ранжирования и политики допусков и ограничений

Наиболее сложным вопросом в контексте рассмотрения перспектив развития социально-кредитных механизмов в России является вопрос о правомерности социального ранжирования индивидов и выстраивания системы (или систем) допусков и ограничений для них. Для перехода к практике социального ранжирования (и даже рейтингования) юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, а также, с некоторыми оговорками, должностных лиц государственных органов и органов местного самоуправления в России нет принципиальных нормативно-правовых барьеров. Социально-кредитная оценка и хозяйствующих субъектов, и сотрудников госаппарата, и, в общем-то, самих органов государственной власти может быть распределенной, а может быть и комплексной. Если и имеются какие-то правовые ограничения для ранжирования (рейтингования) юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, то это лишь непроработанность законодательства, т. е. отсутствие соответствующих нормативных правовых актов, делающих такое ранжирование возможным. Для ранжирования государственных и муниципальных служащих на данный момент отсутствуют нормативно-правовые основания, и переход к такой практике,

если соответствующее решение будет принято, потребует внесения изменений в законодательные акты о государственной и муниципальной службе. Так или иначе, конституционно-правовых ограничений нет и для целей ранжирования чиновников. Ранжирование граждан, однако, натыкается на ряд конституционно-правовых положений, которые, как может показаться на первый взгляд, делают такую практику затруднительной, а то и вовсе невозможной.

Статья 19 Конституции Российской Федерации[1] устанавливает принцип равенства граждан перед законом и судом. Согласно части 2 данной статьи, государство гарантирует равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств. Очевидно, что социальное ранжирование, основывающееся на анализе данных цифровых профилей граждан, может вести к применению различных правовых и управленческих мер в отношении граждан с различным статусом в системе такого ранжирования (с различным рейтингом, различными метками, отнесенных к различным множествам или грейдам). Если возможности фактической реализации конституционно закрепленных прав и свобод (свободы передвижения, права на труд, права на участие в культурной жизни и доступ к культурным ценностям, и т. д.) ставятся в зависимость от наличия тех или иных данных в соответствующих базах данных и государственных информационных системах, возникает опасность дискриминации, нарушения принципа формального равенства. Так, по крайней мере, выглядит оценка вопроса конституционности социального ранжирования на первый взгляд.

На самом же деле, подобные соображения весьма наивны. Положения Конституции Российской Федерации сформулированы достаточно абстрактно и, так или иначе, требуют конкретизации в нижестоящих нормативных правовых актах – прежде всего, в федеральных законах. Если бы было иначе, и принцип прямого действия конституции

[1] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года; с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202007040001.

(хотя бы в части закрепления личных основных прав граждан[1]) понимался органами государства безусловно, некоторые из действующих в России федеральных законов следовало бы признать антиконституционными, а судам пришлось бы кардинальным образом пересмотреть свою практику[2]. Принцип формального равенства, закрепленный в статье 19 Конституции, в любом случае сформулирован весьма обобщенно, и, следовательно, правовые последствия, вытекающие из его закрепления, в каждом конкретном случае определяются судебным толкованием.

Еще в 1999 году (и, разумеется, совершенно не по поводу социально-кредитной оценки граждан) Конституционный Суд Российской Федерации сформулировал правовую позицию, согласно которой конституционный принцип равенства не препятствует законодателю при осуществлении правового регулирования трудовых отношений устанавливать различия в правовом статусе лиц, принадлежащих к разным по условиям и роду деятельности категориям, в том числе вводить особые правила, касающиеся условий замещения отдельных должностей и оснований освобождения от должности, если эти различия являются объективно оправданными, обоснованными и соответствуют конституционно значимым целям и требованиям[3]. Применительно к установ-

---

[1] В свое время судья Конституционного Суда Российской Федерации Г.А. Гаджиев высказал точку зрения, согласно которой нормы Конституции Российской Федерации о правах и свободах граждан подразделяются на те, которые могут быть непосредственно применены судами (это нормы, затрагивающие личные основные права и свободы), и те, которые нуждаются в конкретизации в федеральных законах (нормы, закрепляющие социально-экономические права) (см.: *Гаджиев Г.А.* Непосредственное применение судами конституционных норм // Российская юстиция. 1995. № 12. С. 24–27). Насколько можно судить по текущей правоприменительной практике, эта точка зрения так и осталась ни к чему не обязывающим субъективным мнением.

[2] О проблемах прямого действия Конституции Российской Федерации см.: *Железнова Н.Д.* Обеспечение прямого действия Конституции Российской Федерации в вопросах регулирования и зашиты прав и свобод человека и гражданина // Вестник Нижегородского университета. Серия: Право. 2002. № 1. С. 127–144. Несмотря на то, что статья была написана два десятилетия назад, указанные в ней «родовые травмы» российского конституционализма, судя по всему, так и не изжиты до сих пор.

[3] Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 27 декабря 1999 года № 19-П «По делу о проверке конституционности положений

лению возрастных ограничений для занятия определенных должностей Конституционный Суд высказал вполне справедливую позицию, и в аспекте социального ранжирования органы правосудия также могли бы сойтись на том, что дифференциация правовых и управленческих мер в отношении граждан с различной историей поведения в прошлом, различными характеристиками, различными достижениями вполне разумна и правомерна. В конце концов, конституционная норма, закрепляя принцип формального равенства, является лишь начальным условием действия субъектов в правовом поле; их фактический правовой статус, возможности реализации прав и обязанностей и так определяются целым комплексом факторов, среди которых формальное равенство – лишь первичное основание. Разумеется, социальное ранжирование, будь оно когда-нибудь внедрено в России, скорее, будет основываться на оценке поведенческих характеристик, на оценке выполнения индивидом вмененных ему обязанностей и запретов, чем на таких, чаще всего предзаданных и случайных, параметрах, как половая, расовая принадлежность, имущественное и должностное положение. Таким образом, положения статьи 19 Конституции Российской Федерации нельзя считать препятствующими внедрению практики социального ранжирования и системы допусков и ограничений.

О том, что выстраивание и реализация допусков и ограничений (которые могут опираться на результаты социального ранжирования) вряд ли могут быть признаны российскими судами в качестве практик, противоречащих конституционно-правовым нормам, говорит уже то, что никто так и не признал противозаконными основывающиеся на нормативных правовых актах Роспотребнадзора и глав субъектов Российской Федерации практики ограничения доступа к общественным местам и рабочим местам не прошедшим вакцинацию от коронавируса гражданам. В конце концов, статья 27 Конституции так же гарантирует гражданам право на свободу передвижения, но эта свобода была de facto обусловлена дополнительным требованием, не вытекающим из текста самой Конституции.

пункта 3 статьи 20 Федерального закона «О высшем и послевузовском профессиональном образовании» в связи с жалобами граждан В.П. Малкова и Ю.А. Антропова, а также запросом Вахитовского районного суда города Казани» // СЗ РФ. 2000. № 3. Ст. 354.

Проблема конституционности социально-кредитных практик, так или иначе, упирается в проблему разрыва между материальной и формальной конституцией, в проблему реальности российского конституционализма. Иными словами, если текст Конституции служит лишь «парадным фасадом» для внешней аудитории, а действительная правовая жизнь расходится с написанным, то никакие положения, содержащиеся в этом тексте, не могут служить гарантией чего-либо и защитой от чего-либо. Не вызывает сомнения способность современного российского законодателя, правительства и судов высших инстанций подстроить «нормативно-правовую базу» под любые нужды, в том числе нужды социального ранжирования индивидов. Стоит повторить, что препятствием для внедрения соответствующих практик в нашей стране являются отнюдь не нормы, а общественное правосознание и сложившаяся правовая культура общества – явления социальной жизни, которые, скорее всего, будут постепенно подстраиваться под меняющиеся технологии и управленческие техники.

Так или иначе, завершая рассмотрение вопроса о правомерности социального ранжирования и практик выстраивания допусков и ограничений, необходимо еще раз отметить одну важную особенность социально-кредитного управления, о которой уже говорилось в § 2.2.2.2 и, косвенным образом, в § 2.3.2.3: социально-кредитные механизмы надстраиваются над зданием законодательно закрепленных прав и свобод. Внедрение социально-кредитных механизмов чаще всего не требует прямого и кардинального изменения законодательства, прямого отступления от закрепленных в законодательстве принципов права. С формальной точки зрения, они основываются на нормах действующего позитивного права, но постепенно трансформируют его изнутри. В случае принятия решения о внедрении социального ранжирования граждан, или даже решения о внедрении прямой социально-рейтинговой оценки индивидов, конституционные нормы не будут являться препятствиями для такой практики: достаточно будет сослаться на необходимость «защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства» (формулировка части 3 статьи 55 Конституции Российской Федерации является уже готовым обоснованием внедрения социально-кредитных, репутационных механизмов) или представить социально-кредитную оценку как комплекс

мер, направленных на поощрение (а не наказание!) наиболее достойных и законопослушных граждан, как всякий дискриминационный, антиконституционный оттенок внедряемых практик сделается ничтожным в глазах российских судов и омбудсменов. В этом несомненная гибкость и опасность социально-кредитных механизмов публичного управления.

3.2.2.3. Вопрос соответствия политики объединенных поощрений и наказаний нормам российского законодательства

Непростым является вопрос о соответствии политики объединенных поощрений и наказаний, действующей в КНР, нормам российского законодательства. С одной стороны, на сегодняшний день нет сколь-либо веских оснований говорить о том, что в России в какой-либо форме такая политика осуществляется или может осуществляться в обозримом будущем. Все-таки китайская ССК является весьма своеобразным управленческим феноменом, который, как уже отмечалось, вряд ли может быть в точности повторен где-либо за пределами КНР. С другой стороны, принцип, согласно которому поведение лица в прошлом должно предоставлять ему определенные преференции, либо, напротив, стоить ему ограничений в будущем, делает логику совместных, согласованных дисциплинарных и поощрительных мер более чем уместной в контексте формирования новой модели публичного управления.

Чтобы рассуждать над поставленным вопросом предметно, необходимо сразу отделить политику согласованных поощрений (преференций) и политику согласованных наказаний (ограничений, запретов) друг от друга. Очевидно, что первая, не будучи предусмотрена нормами российского законодательства, действующему законодательству прямо не противоречит. Согласно отраженному в российском законодательстве общеправовому принципу, то, что улучшает положение лица (новый закон, новый подход к правоприменительной практике), может беспрепятственно действовать. Обратное далеко не столь очевидно.

Как уже отмечалось в § 3.1.1.1, в России меры государственного принуждения применяются в соответствии с принципами пропорциональности (соразмерности) и экономии. Конституционный принцип соразмерности ограничения прав и свобод закреплен в части 2 статьи

55 Конституции Российской Федерации. Согласно толкованию, данному Пленумом Верховного Суда Российской Федерации, такие ограничения должны быть пропорциональны социально значимой, законной цели[1]. Определенные концептуальные подходы к пониманию соразмерности ограничения прав и свобод сформулировал в ряде своих постановлений и Конституционный Суд Российской Федерации[2]: в частности, предполагается установление публично-правовой ответственности лишь за виновное деяние; предполагается, что вводимые ограничения не должны быть чрезмерными, и т. д. Здесь, однако, следует заметить, что согласованное применение неких дисциплинарных, правоограничительных мер в отношении отдельного субъекта сразу множеством ведомств не обязательно должно быть связано с привлечением данного субъекта к юридической ответственности. Тогда как механизмы назначения и исполнения уголовного и административного наказания достаточно подробно регламентированы действующим российским законодательством и, в целом, не предполагают применения к виновному дополнительных мер принуждения, помимо прямо предусмотренных законом, согласованные (объединенные) дисциплинарные меры в отношении лиц с подорванной репутацией и вне связи с уголовным или административным наказанием букве российского закона как минимум прямо не противоречат.

Очевидно, что за пределами механизма юридической ответственности перед российскими госорганами открывается достаточно широкий простор для «творчества». Наиболее легко добиться функционирования системы объединенных наказаний можно в области контроля и надзора за деятельностью юридических лиц и индивидуальных предпринимателей: уже существующие сегодня реестры недобросовестных поставщиков и юридических лиц, привлеченных к административной ответственности за уклонение от заключения контракта по гособоронзаказу, позволяют российским государственным ведомствам на уровне совместных (межведомственных) подзаконных нормативных актов предусмотреть определенные меры по недопуску соответствующих ор-

---

[1] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 июня 2013 года № 21 «О применении судами общей юрисдикции Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года и Протоколов к ней» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2013. № 8.

[2] Обзор см.: *Подмарев А.А.* Указ. соч.

ганизаций к определенным рынкам, по отказу в выдаче или продлении им лицензий и т. п. Такая практика будет сильно смахивать на практику заключения «меморандумов о взаимопонимании» китайскими государственно-партийными органами, и это сходство еще раз доказывает то, что яркая специфика китайской ССК определяется преимущественно формой и особенностями китайского менталитета, а по большому счету социально-кредитные механизмы могут быть адаптированы практически к любой стране, почти к любому законодательству.

***

К настоящему времени в России созданы базовые условия для внедрения и развития социально-кредитных механизмов. Некоторые из таких механизмов уже вовсю функционируют, хотя мы, как правило, не связываем их с теми практиками, которые являются частью проекта под названием «Система социального кредита» в КНР. Некоторые же наиболее сложные социально-кредитные механизмы (социальное ранжирование, рейтингование) в нашей стране еще только ждут своего часа, закона, подзаконного акта. Как ни странно, но при внимательном анализе российского законодательства и правоприменительной практики выясняется, что и законодательство, и практика гораздо ближе к возможности реализации соответствующих механизмов в сфере публичного управления, чем может показаться на первый взгляд. Оказывается, что важнее не законодательные нормы, а акты толкования, не формально-юридические барьеры, а барьеры, обнаруживающиеся в массовом правосознании и правовой культуре. Но и культура, и правосознание – производные от текущих социальных практик, которые, в свою очередь, определяются используемыми технологиями. Культура и правосознание меняются, а принципиальных формально-юридических, конституционных запретов для цифрового профилирования, социального ранжирования, рейтингования, вне- и надзаконного правоограничения субъектов, как оказывается, нет.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Система социального кредита, безусловно, является одной из важнейших управленческих инноваций последнего десятилетия. Соединив две магистральные тенденции нынешнего времени – опору на технологии обработки данных и внимание к репутации управляемых, – данный проект сделался своего рода китайским ноу-хау, и теперь системы публичного управления других стран волей-неволей вынуждены обращаться к китайскому опыту в качестве образца для подражания или же в качестве контрпримера. Интересно, что ССК, во многом благодаря усилиям журналистов и критиков КНР на Западе, благодаря слухам и зачастую ложным сплетням, призванным показать авторитарную (или даже тоталитарную) природу государственного режима КНР, заставила исследователей во всем мире искать аналоги «социального кредита» за пределами Китая, даже в странах с вполне либеральными режимами и развитыми представлениями о верховенстве права. Эти аналоги были найдены, найти их оказалось не так уж сложно. Выяснилось, что «социальный кредит» – лишь своеобразное имя для обозначения тех практик и тенденций, которые сегодня становятся мейнстримом по всему миру и истоки которых следует искать отнюдь не в китайской (или, шире, азиатской) политико-правовой мысли.

Система социального кредита – масштабный проект, выполняющий функцию социального контроля. Идея, лежащая в его основании, достаточно проста: если собрать данные о прошлых поступках (деятельности) индивида (организации) и учесть определенные его (ее) характеристики (например, сведения о наличии иностранного гражданства или информацию о размере собственных средств), можно с той или иной степенью достоверности спрогнозировать его (ее) дальнейшее поведение (деятельность). Социальные процессы и взаимодействия должны стать более предсказуемыми, но предсказуемость эта, в свою очередь, становится возможной лишь тогда, когда орган управле-

ния (государство) способен проанализировать поведенческие характеристики не одного, не двух, а тысяч или даже миллионов управляемых лиц. Как видим, идеи, давным-давно витавшие в воздухе западноевропейской политической и управленческой мысли, обрели плоть лишь в эпоху технологий алгоритмического анализа больших массивов данных, в эпоху цифровизации.

Удивительным, но, видимо, не случайным совпадением является то, что эта новая дивная эпоха «цифровой трансформации» одновременно является и периодом глубокого кризиса ставших привычными для нас социальных институтов. Когда вокруг бушуют войны международных санкций (да и просто войны, в прямом смысле этого слова!), когда перед глазами маячат экологические тупики, а максимизация прибыли привычными средствами становится все более затруднительной для капиталистических корпораций, тогда на повестку в любой стране выходят задачи ограничения (нормирования) потребления, обеспечения социальной стабильности и устойчивости государственного строя, недопущения внутренних общественных волнений, оптимизации работы государственного аппарата и сокращения управленческих издержек. Именно в таких условиях одним из ключевых принципов организации общественной жизни становится принцип, согласно которому допуск индивида (организации) к определенным социальным благам может быть предоставлен в обмен на желательное, лояльное поведение с его стороны. Это и есть социально-кредитная логика, и в этой логике, безусловно, есть своя справедливость, однако, прежде чем смириться с этой справедливостью, нужно обязательно понять, кто в конечном счете стоит за ней, кто от такой логики может получить наибольшую выгоду, для кого такая справедливость «наиболее справедлива».

Социально-кредитные механизмы публичного управления опираются на новейшие цифровые технологии обработки данных, на технологии извлечения информации о нашем поведении (того самого *«поведенческого излишка»*[1], о котором писала американская исследовательница Шошана Зубофф!), на технологии слежки. Поскольку

[1] См.: *Зубофф Ш.* Эпоха надзорного капитализма. Битва за человеческое будущее на новых рубежах власти. М.: Издательство Института Гайдара, 2022. С. 126–131.

они предстают перед нами в образе нейтральной, обезличенной техники, мы не склонны видеть за ними социальных интересов, различать за ними правящие элиты, по инициативе которых соответствующие механизмы и проекты разрабатываются и внедряются в нашу жизнь. Очарованные техническими возможностями новых средств публичного управления, мы также не замечаем, в какую сторону они ведут развитие современной государственности и современных правовых систем. Это развитие носит характер радикальной трансформации государственных и правовых институтов, юридических понятий и принципов. На смену более или менее совершенному социальному государству постепенно приходит государство-как-платформа, общающееся со своими гражданами через программные интерфейсы и недоступное для основательной критики (как недоступны для такой критики современные компании – поставщики финансовых услуг и услуг связи, общающиеся со своими клиентами через колл-центры и программы-автоответчики); на смену режиму верховенства права и модели правового государства приходит управление на основе оценки репутации, деление людей на «агнцев и козлищ»; на смену гражданского общества – ранжированное иерархическое общество (иерархия в котором, правда, всегда динамична); на смену праву как ценности – право как техника, вместо привычной системы позитивного права – новая синкретическая система социального этикета, сочетающая нормы законодательства, социальной и профессиональной (корпоративной) этики, и при этом трансформирующая их.

Внедрение социально-кредитных механизмов в практику государственного и муниципального управления стоит на повестке дня и в России. Базовые условия, необходимые для перехода к социально-кредитному (основанному на оценке репутации и анализе рисков) алгоритмизированному управлению в нашей стране уже созданы. Дальнейшее развитие в данном направлении зависит от принципиальных политических решений и толкования действующего законодательства, т. е., так или иначе, от воли государственного руководства. Судя по всему, вектор развития уже задан, а ход трансформации государственных и правовых институтов необратим, однако многое все еще зависит от того, в чьих социальных интересах будет

осуществляться внедрение инновационных управленческих средств, какая модель для этого будет избрана, какие ограничения данного процесса будут оговорены. Хотелось бы верить, что настоящее исследование, продемонстрировав перспективы репутационно- и риск-ориентированного социально-кредитного управления, хотя бы в минимальной степени поспособствует формированию ответственного отношения к кажущимся неизбежными реформам.

Лето – осень 2022 года

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Аристотель*. Политика / пер. с др.-гр. С.А. Жебелева. М.: Академический проект, 2015.

2. *Бибихин В.В.* Введение в философию права. М.: Институт философии РАН, 2005.

3. *Гегель Г.В.Ф.* Философия права. М.: «Мысль», 1990.

4. *Виноградова Е.В., Полякова Т.А., Минбалеев А.В.* Цифровой профиль: понятие, механизмы регулирования и проблемы реализации // Правоприменение. 2021. Т. 5, № 4. С. 5–19.

5. *Гринин Л.Е., Гринин А.Л.* Кибернетическая революция и шестой технологический уклад // Кондратьевские волны. 2015. № 4. С. 83–106.

6. *Джессоп Б.* Государство: прошлое, настоящее, будущее / пер. с англ. С. Моисеева. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2019.

7. *Е Лань.* Этическое построение и управление рисками в области менеджмента социального кредитования в эпоху больших данных // Цифровизация общества и система социального кредита: монография / под ред. И.А. Ветренко. СПб.: ИПЦ СЗИУ РАНХиГС, 2022. С. 146–161.

8. *Железнова Н.Д.* Обеспечение прямого действия Конституции Российской Федерации в вопросах регулирования и зашиты прав и свобод человека и гражданина // Вестник Нижегородского университета. Серия: Право. 2002. № 1. С. 127–144.

9. *Зубофф Ш.* Эпоха надзорного капитализма. Битва за человеческое будущее на новых рубежах власти. М.: Издательство Института Гайдара, 2022.

10. *Иванов А.А.* О системе принципов юридической ответственности // Вектор науки ТГУ. 2009. № 5 (8). С. 37–40.

11. *Кампанелла Т.* Город Солнца / пер. Ф. Петровского // Утопический роман XVI–XVII веков. М.: «Художественная литература», 1971. С. 143–190.

12. *Кашкин С.Ю., Алтухов А.В.* Роль искусственного интеллекта в становлении платформенного права и его эволюции в направлении концепции права экосистем // Lex russica. 2022. Т. 75, № 1. С. 94–108.

13. *Кельзен Г.* Чистое учение о праве / 2-е изд. СПб.: Издательский дом «Алеф-Пресс», 2015.

14. *Конфуций.* Суждения и беседы / пер. с кит. Л.С. Переломова. М.: РИПОЛ классик, 2017.

15. *Куксин И.Н., Николаева Ж.А.* Позитивная и негативная ответственность как виды юридической ответственности // Теория государства и права. 2021. Т. 22, № 2. С. 120–129.

16. *Лапина М.А.* Сущность государственного контроля (надзора) и генезис его законодательного определения // Финансы: теория и практика. 2016. № 4 (20). С. 152–157.

17. *Ларина Е., Овчинский В.* Китайская система социального кредита: традиции и технологии // Завтра. 04.09.2019. URL: https://zavtra.ru/blogs/kitajskaya_sistema_sotcial_nogo_kredita_traditcii_i_tehnologii.

18. *Ленин В.И.* Очередные задачи Советской власти // В.И. Ленин. Сочинения. Т. 27. М.: Государственное издательство политической литературы, 1950. С. 207–246.

19. *Ма Дань.* Опыт Китая в области цифровой экономики в контексте социального кредитного менеджмента // Цифровизация общества и система социального кредита: монография / под ред. И.А. Ветренко. СПб.: ИПЦ СЗИУ РАНХиГС, 2022. С. 66–87.

20. *Малявин В.В.* Китайская цивилизация. М.: «Астрель», 2001.

21. *Мартынов А.В.* Актуальные вопросы применения искусственного интеллекта при осуществлении контрольно-надзорной деятельности органов исполнительной власти // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2020. № 2. С. 175–186.

22. *Мифтахов А.М.* Понятие и значение индивидуализации наказания в российском уголовном праве // Ученые записки Казанского государственного университета. Гуманитарные науки. 2009. Т. 151. Кн. 4. С. 153–159.

23. *Мишина Н.В.* Право искусственного интеллекта как новая сфера правового регулирования или новая отрасль права // Евразийский союз ученых. 2020. Т. 72, № 3. С. 62–65.

24. *Мор Т.* Утопия // Утопический роман XVI–XVII веков. М.: «Художественная литература», 1971. С. 41–140.

25. *Мочалов А.Н.* Национально-территориальное устройство Китайской Народной Республики: конституционная модель и ее истоки // Академический юридический журнал. 2016. № 3 (65). С. 54–62.

26. *Овруцкий А.В.* Репутация. Репутационный дискурс. Репутационный ущерб // Психолог. 2016. № 4. С. 10–18.

27. *Ортега-и-Гассет Х.* Восстание масс. М.: Издательство АСТ, 2017.

28. *Петров М., Буров В., Шклярук М., Шаров А.* Государство как платформа: (кибер)государство для цифровой экономики. М.: Институт стратегических разработок, 2018.

29. *Подмарев А.А.* Соразмерность как конституционный принцип ограничения прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2021. № 1(21). С. 83–91.

30. Рожкова М.А. Является ли цифровое право отраслью права и ожидать ли появления цифрового кодекса? // Хозяйство и право. 2020. Т. 519, № 4. С. 3–12.

31. *Разумов Е. А*. Цифровое диктаторство: особенности системы социального кредита в Китайской Народной Республике // Труды ИИАЭ ДВО РАН. 2019. № 3 (24). С. 86–97.

32. *Рувинский Р.* Система социального кредита в Китае: модель конституционализма для кризисной эры // Сравнительное конституционное обозрение. 2021. № 3 (142). С. 63–85.

33. *Рувинский Р.З.* Замыкание в «цифровой контур»: возможные последствия для современных правовых систем // Lex russica (Русский закон). 2022. Т. 75, № 9. С. 108–120. DOI: 10.17803/1729-5920.2022.190. 9.108-120.

34. *Рувинский Р.З.* Правопорядок в период глобального кризиса: трансформации, тенденции, угрозы. СПб.: Алетейя, 2020.

35. *Рувинский Р.З., Комарова Т.Д.* Система социального кредита в Китайской Народной Республике: нормативно-правовые основания и принципы функционирования // NB: Административное право и практика администрирования. 2020. № 4. С. 18–53.

36. *Рувинский Р.З., Рувинская Е.А., Комарова Т.Д.* Общественное восприятие практик цифрового профилирования и социального рейтингования: ситуация в России и Китае // Социодинамика. 2021. № 12. С. 56–76.

37. *Рувинский Р.З., Тарасов А.А.* «Система социального кредита»: исторические предпосылки и доктринальные основания феномена // Национальная безопасность / nota bene. 2020. № 3. С. 72–88.

38. *Рувинский Р.З., Царев Е.В.* Борьба с правонарушениями в эпоху системы социального кредита: перспективы и риски // Всероссийский криминологический журнал. 2021. Т. 15, № 3. С. 282–294.

39. *Старилов Ю.Н.* От правильного понимания и уважения законности к ее верховенству // Вестник ВГУ. Серия: Право. 2017. № 3. С. 18–40.

40. Сюнь-Цзы // Классическое конфуцианство: переводы, статьи, комментарии А. Мартынова и И. Зограф. В 2 т. Т. II. СПб.: Издательский дом «Нева», М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2000.

41. *Трощинский П.В.* Эволюция правовой системы Китайской Народной Республики (1949–2018): историко-правовой аспект. М.: Издательский дом ВКН, 2018.

42. *Филипова И.А.* Правовое регулирование искусственного интеллекта: учебное пособие, 2-е изд. Нижний Новгород: Нижегородский госуниверситет, 2022.

43. *Фуко М.* Безопасность, территория, население. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1977–1978 учебном году / пер. с фр. СПб.: Наука, 2011.

44. *Фуко М.* Надзирать и наказывать: Рождение тюрьмы. М.: Ад Маргинем Пресс, Музей современного искусства «Гараж», 2019.

45. *Хардт М., Негри А.* Империя / пер. с англ., под ред. Г.В. Каменской, М.С. Фетисова. М.: Праксис, 2004.

46. *ван Хук М.* Право как коммуникация. СПб.: Издательский дом С.-Петерб. гос. ун-та, 2012.

47. *Цицерон*. О законах / пер. с лат. В.О. Горенштейна // Цицерон. Диалоги. М.: Наука, 1966. С. 89–152.

48. *Штода И.С.* Государственное принуждение в современной России: теоретико-правовое исследование: дис. канд. юрид. наук. М., 2017.

49. *Ярковой С.В.* Законность и обоснованность административной правоприменительной деятельности // Сибирское юридическое обозрение. 2017. № 1 (14). С. 82–89.

50. *Ярковой С.В.* О требованиях юридической справедливости административной правоприменительной деятельности // Сибирское юридическое обозрение. 2019. № 3 (16). С. 396–400.

51. *Adjabi I., Ouahabi A., Benzaoui A., Taleb-Ahmed A.* Past, present, and future of face recognition: A review // Electronics. 2020. Vol. 9, No. 8. P. 1188–1239. DOI: 10.3390/electronics9081188.

52. *Alauzen M.* The platform state and digital identification of users: The FranceConnect design process // Réseaux. 2019. Vol. 213, Issue 1. P. 211–239.

53. *Ames C.C.* Righteous persecution: Inquisition, Dominicans, and Christianity in the Middle Ages. – Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2009. 312 pp.

54. *Asad T.* On ritual and discipline in medieval Christian monasticism // Economy and Society. 1987. No. 16 (2). P. 159–203.

55. *Arsène S.* China's Social Credit System: A chimera with real claws // Asie.Visions. 2019. No. 110. URL: https://www.ifri.org/sites/default/files/atoms/files/arsene_china_social_credit_system_2019.pdf.

56. Bardosh K. et al. The unintended consequences of COVID-19 vaccine policy: why mandates, passports and restrictions may cause more harm than good // BMJ Global Health. 2022. No. 7, art. e008684. DOI: 10.1136/bmjgh-2022-008684.

57. *Bentham J.* Constitutional Code for the Use of All Nations and All Governments Professing Liberal Opinions. Vol. 1. London, 1830. 598 p.

58. *Bentham J.* Panopticon, or the Inspection House // The Works of Jeremy Bentham. Ed. by J. Bowring. Vol. IV. Edinburgh: Simpkin, Marshall, & Co., 1843. P. 37–172.

59. *von Blomberg M.* The Social Credit System and China's rule of law // Mapping China Journal. 2018. No. 2. P. 77–162.

60. *Bodde D., Morris C.* Law in Imperial China: Exemplified by 190 Ch'ing Dynasty Cases. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1967. 632 pp.

61. *Calhoun C.* What threatens capitalism now? // Does Capitalism Have a Future? / ed. by I. Wallerstein et al. Oxford: Oxford University Press, 2013. P. 131–161.

62. *Cantor R., Packer F.* The credit rating industry // Federal Reserve Bank of New York Quarterly Review. 1994. Vol. 19, No. 2. P. 1–26.

63. *Cartier C., Hu D.* Administrative territory // Handbook of the Politics of China / ed. by D.S.G. Goodman. Cheltenham & Northampton: Edward Elgar Publishing, 2015. P. 147–164.

64. *Casanovas P., de Koker L., Hashmi M.* Law, socio-legal governance, the Internet of Things, and Industry 4.0: A middle-out/inside-out approach // Multidisciplinary Scientific Journal. 2021. Vol. 5, No. 1. P. 64–91. DOI: 10.3390/j5010005.

65. *Catanzariti M.* Algorithmic law: Law production by data or data production by law? // Constitutional Challenges in the Algorithmic Society / ed. by H.-W. Micklitz et al. Cambridge: Cambridge University Press, 2021. P. 78–92.

66. *Chiu B., Lewis M.K.* Reforming China's State-owned Enterprises and Banks. Cheltenham & Northampton: Edward Elgar Publishing, 2006. 438 pp.

67. *Cheung S.-w.* Baojia system // Encyclopedia of Modern China. Vol. 2 / ed. by D. Pong. Gale: Cengage Learning, 2009. P. 136–137.

68. *Coleman R., McCahill M.* Surveillance & Crime. London: SAGE, 2011. 224 pp.

69. *Creemers R.* China's Social Credit System: An evolving practice of control // SSRN Electronic Journal. May 9, 2018. URL: https://ssrn.com/abstract=3175792.

70. *Cui Y.* Artificial Intelligence and Judicial Modernization / trans. by Cao Yan and Liu Yan. Springer Singapore, 2020.

71. *Dai X.* Enforcing law and norms for good citizens: One view of China's Social Credit System project // Development. 2020. Vol. 63. P. 38–43.

72. *Dai X.* Toward a reputation state: A comprehensive view of China's Social Credit System project // Social Credit Rating: Reputation und Vertrauen beurteilen / ed. by O. Everling. Wiesbaden: Springer Gabler, 2020. P. 139–164.

73. *Das S.R.* Data Science: Theories, Models, Algorithms, and Analytics. URL: https://srdas.github.io/Papers/DSA_Book.pdf.

74. *Dass R.* Unique identification for Indians: A divine dream or a miscalculated heroism? // Vikalpa. 2011. Vol. 36, No. 1. P. 1–14. URL: https://journals.sagepub.com/doi/pdf/10.1177/0256090920110101.

75. *Divan S.* Aadhaar's biometric tsunami: Will it sweep away privacy, drown civil liberties? // Dissent on Aadhaar: Big Data Meets Big Brother / ed. by R. Khera. Hyderabad: Orient Black Swan, 2019.

76. *Dzivisz D.* Possibilities of applying the Chinese Social Credit System to combat terrorism // Politeja. – 2020. No. 6 (69). P. 183–196.

77. *Ebers M.* Regulating AI and robotics: Ethical and regulatory challenges // Algorithms and Law / ed. by M. Ebers and S. Navas. Cambridge: Cambridge University Press, 2020. P. 37–99.

78. *Egbert S., Leese M.* Criminal Futures: Predictive Policing and Everyday Police Work. London & New York: Routledge, 2021. 243 pp.

79. *Eisenegger M.* Trust and reputation in the age of globalization // Reputation Capital: Building and Maintaining Trust in the 21st Century / ed. by J. Klewes and R. Wreschniok. Berlin: Springer-Verlag, 2009. P. 11–22.

80. *Ellis E.* The strategic context of China's advance in Latin America // Note d'actualité de l'Observatoire de la Chine. 2017. No. 17 (24). URL: https://asiacentre.eu/wp-content/uploads/2021/12/17-Ellis-Amerique-Latine_180417.pdf.

81. *Ellis R.E.* China Engages Latin America: Distorting Development and Democracy? Cham: Palgrave Macmillan, 2022. 307 pp.

82. *Fu H.* China's imperatives for national security legislation // China's National Security: Endangering Hong Kong's Rule of Law? / ed. by C. Chan & F. de Londras. Oxford & New York: Hart Publishing, 2020. P. 41–60.

83. *Galič M., Timan T., Koops B.* Bentham, Deleuze and beyond: An overview of surveillance theories from the panopticon to participation // Philosophy & Technology. 2017. No. 30. P. 9–37.

84. *Garifova L.F.* Infonomics and the value of information in the digital economy // Procedia Economics and Finance. 2015. No. 23. P. 738–743.

85. *Goldman E.* Regulating reputation // The Reputation Society: How Online Opinions are Reshaping the Offline World / ed. by H. Massun, M. Tovey. Cambridge, MA: MIT Press, 2012. P. 51–61.

86. *González-Zapata F., Piccinin-Barbieri M.* Making the leap from e-government to digital government // Development Co-operation Report 2021: Shaping a Just Digital Transformation. OECD, 2021. P. 138–146. DOI: 10.1787/ce08832f-en.

87. *Grassi V.* Individualism in modern China: The social credit issue // B.A. Thesis. Libera Universita Internazionale degli Studi Sociali. 2017/2018 academic year. URL: https://tesi.luiss.it/21786/1/078402_GRASSI_VALENTINO_Valentino_Grassi_Final_Thesis.pdf.

88. *Grönlund Å., Horan T.A.* Introducing e-Gov: History, definitions, and issues // Communications of the Association for Information Systems. 2005. Vol. 15. P. 713–730.

89. *Guo M.* Internet court's challenges and future in China // Computer Law & Security Review. 2021. Vol. 40. DOI: 10.1016/j.clsr.2020.105522.

90. *Hamilton M.* Predictive policing through risk assessment // Predictive Policing and Artificial Intelligence / ed. by John L.M. McDaniel and Ken G. Pease. London & New York: Routledge, 2021. P. 58–78.

91. *Harris L.J.* From democracy to bureaucracy: The baojia in nationalist thought and practice, 1927–1949 // Frontiers of History in China. No. 8 (4). P. 517–557.

92. *Hildebrandt M.* Algorithmic regulation and the rule of law // Philosophical Transaction of the Royal Society A. 2018. Vol. 376, № 2128. DOI: 10.1098/rsta.2017.0355.

93. *Hildebrandt M.* Legal and technological normativity: More (and less) than twin sisters // Techné: Research in Philosophy and Technology. 2008. Vol. 12, No. 3. URL: https://works.bepress.com/mireille_hildebrandt/13/.

94. *Hoffman S.* Managing the state: Social credit, surveillance and the CCP's plan for China // China Brief. 2017. No. 17 (11). P. 21–26.

95. *Kent A.* China, the United Nations, and Human Rights: The Limits of Compliance. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1999.

96. *Khera R.* Aadhaar and privacy // Dissent on Aadhaar: Big Data Meets Big Brother / ed. by R. Khera. Hyderabad: Orient Black Swan, 2019.

97. *Kinzelbach K.* Will China's rise lead to a new normative order? An analysis of China's statements on human rights at the United Nations (2000–2010) // Netherlands Quarterly of Human Rights. 2012. Vol. 30. No. 3. P. 299–332.

98. *Kleinberg J. et al.* Discrimination in the age of algorithms // Journal of Legal Analysis. 2018. Vol. 10. P. 113–174.

99. *Knight A., Creemers R.* Going viral: The Social Credit System and COVID-19 // SSRN Electronic Journal. Jan. 20, 2021. URL: https://ssrn.com/abstract=3770208.

100. *König P.D.* Dissecting the algorithmic Leviathan: On the socio-political anatomy of algorithmic governance // Philosophy & Technology. 2020. Vol. 33. P. 467–485.

101. *Koo E.* Digital transformation of Government: From E-Government to intelligent E-Government // Thesis: S.M. in Engineering and Management, Massachusetts Institute of Technology, System Design and Management Program, 2019. URL: https://hdl.handle.net/1721.1/121792.

102. *Kostka G.* China's social credit systems and public opinion: Explaining high levels of approval // New Media & Society. 2019. Vol. 21 (7). P. 1565–1593.

103. *Kranzberg M.* Technology and history: "Kranzberg's laws" // Technology and Culture. 1986. No. 3 (27). P. 544–560.

104. *Lee J.-A., Liu C.-Y.* Real-name registration rules and the fading digital anonymity in China // Washington International Law Journal. 2016. Vol. 25, No. 1. P. 1–34.

105. *Lee S., Kim H., Kim J., Choi J.* China's Internet Plus strategy: Characteristics and regional case study // World Economy Brief. 2019. Vol. 9. No. 23. URL: https://www.think-asia.org/bitstream/handle/11540/11387/WEB19-23.pdf?sequence=1.

106. *Leibkuechler P.* Trust in the digital age–The case of the Chinese Social Credit System // Redesigning Organizations: Concepts for the Connected Society / ed. by D. Feldner. Cham: Springer, 2020. P. 278–289.

107. *Lin J.* Bewertung der Integrität und Zustand des chinesischen städtischen Kreditsystems mit CEI-Index // Social Credit Rating: Reputation und Vertrauen beurteilen / ed. by O. Everling. Wiesbaden: Springer Gabler, 2020. S. 57–85.

108. *Leroy M.-L.* Transparency and politics: The reversed panopticon as a response to abuse of power // Beyond Foucault. New Perspectives on Bentham's Panopticon / Ed. by A. Brunon-Ernst. Farnham: Ashgate Publishing, 2012. P. 143–160.

109. *Liang F., Das V., Kostyuk N., Hussain M.M.* Constructing a data-driven society: China's Social Credit System as a state surveillance infrastructure // Policy & Internet. 2018. No. 4 (10). P. 415–453.

110. *Liu H.W., Lin C.F., Chen Y.J.* Beyond State v Loomis: Artificial intelligence, government algorithmization and accountability // International Journal of Law and Information Technology. 2019. Vol. 27. No. 2. P. 122–141.

111. *Lo V.I.* Law and Society in China. Cheltenham, UK, & Northampton, MA, USA: Edward Elgar Publishing, 2020. 256 pp.

112. *Ma L., Chung J., Thorson S.* E-government in China: Bringing economic development through administrative reform // Government Information Quarterly. 2005. No. 22. P. 20–37.

113. *Mac Síthigh D., Siems M.* The Chinese Social Credit System: A model for other countries? // Modern Law Review. 2019. No. 6 (82). P. 1034–1071.

114. *Mattis P.* China's adaptive approach to the information counter-revolution // China Brief. 2011. No. 11 (10). P. 5–8.

115. *Meijer A., Wessels M.* Predictive policing: Review of benefits and drawbacks // International Journal of Public Administration. 2019. Vol. 42, No. 12. P. 1031–1039.

116. *Mohanty M.* Three represents: Ideology of the fourth generation // China Report. 2003. Vol. 39. No. 2. P. 237–245.

117. *Montes J.* A historical view of smart cities: Definitions, features and tipping points // SSRN Electronic Journal. 2020. URL: https://ssrn.com/abstract=3637617.

118. *Nelson J.S.* Compliance as Management // The Cambridge Handbook of Compliance / ed. by B. van Rooij, D.D. Sokol. Cambridge: Cambridge University Press, 2021. P. 104–122.

119. *Newman G.R.* Civilization and Barbarism: Punishing Criminals in the Twenty-First Century. Albany: State University of New York Press, 2020. 280 pp.

120. *Newmark C.* Foreword: Trust, reputation systems, and the immune system of democracy // The Reputation Society: How Online Opinions are Reshaping the Offline World / ed. by H. Massun, M. Tovey. Cambridge, MA: MIT Press, 2012. P. IX–XI.

121. *Ohlberg M., Ahmed S., Lang B.* Central planning, local experiments: The complex implementation of China's Social Credit System // MERICS China Monitor. Dec. 12, 2017. URL: https://merics.org/sites/default/files/2020-04/171212_China_Monitor_43_Social_Credit_System_Implementation.pdf.

122. *Olberding A.* Etiquette: A Confucian Contribution to Moral Philosophy // Ethics. 2016. Vol. 126. No. 2. P. 422–446.

123. *Pasquale F.* The black box society: The secret algorithms that control money and information. Cambridge, MA & London: Harvard University Press, 2015. 318 pp.

124. *Pay V.N.* Comparative constitutionalism: Challenges of constitutional sovereignty in Iran and Iraq // Asian Journal of Middle Eastern and Islamic Studies. 2019. Vol. 13, No. 1. P. 123–141.

125. *Pernot-Leplay E.* China's approach on data privacy law: A third way between the U.S. and the E.U.? // Penn State Journal of Law & International Affairs. 2020. No. 1 (8). P. 49–117.

126. *Polyakova A, Meserole C.* Exporting digital authoritarianism: The Russian and Chinese models // Foreign Policy at Brookings. 2019. URL: https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2019/08/FP_20190827_digital_authoritarianism_polyakova_meserole.pdf.

127. *Rao U., Nair V.* Aadhaar: Governing with biometrics // South Asia: Journal of South Asian Studies. 2019. Vol. 42 (3). P. 469–481.

128. *Ren X.* Tradition of the Law and Law of the Tradition: Law, State, and Social Control in China. Westport & London: Greenwood Press, 1997. 175 pp.

129. *Robinson G.* Pre-sentence reports: A review of policy, practice and research // Sentencing Academy. April 2022. URL: https://sentencingacademy.org.uk/wp-content/uploads/2022/04/Pre-Sentence-Reports.pdf.

130. *Rodota S.* Renforcement et développement de nouvelles applications informatiques de surveillance et de contrôle // Terminal. 2011. № 108–109. P. 9–16.

131. *Rouvinsky R.* Law in the age of the 4th industrial revolution: Between the impersonal technology and shadow orders // Russian Law Journal. 2021. Vol. 9, Issue 1. P. 4–33.

132. *Rouvinsky R.* Lawmaking in times of domestic and foreign-policy instability (the Russian experience) // The Theory and Practice of Legislation. 2021. Vol. 9, No. 1. P. 117–139.

133. *Rouvroy A.* Homo juridicus est-il soluble dans les données? // Law, Norms and Freedoms in Cyberspace (Droit, Normes et Libertés dans le Cybermonde) / ed. by Cécile de Terwangne et al. Bruxelles: Larcier, 2018. 800 pp.

134. *Schmitt C.* Die Lage der europäischen Rechtswissenschaft. Tübingen: Internationaler Universitäts-Verlag, 1950. 32 S.

135. *Schwab K.* The Fourth Industrial Revolution. Cologny/Geneva: WEF, 2016.

136. *Schwab K., Malleret T.* COVID-19: The Great Reset. Cologny / Geneva: Forum Publishing, 2020.

137. *Selmi M.* Algorithms, discrimination, and the law // Ohio State Law Journal. 2021. Vol. 82 (4). P. 611–651.

138. *Shi C., Sourdin T., Li B.* The smart court – a new pathway to justice in China // International Journal for Court Administration. 2021. Vol. 12, No. 1. Art. 4. DOI: 10.36745/ijca.367.

139. *Shen C.F.* Social Credit System in China // Digital Asia. URL: https://www.kas.de/documents/288143/4843367/panorama_digital_asia_v3a_Shen.pdf/a55cefce-8e97-32d6-63a4-2e4cc47c0513.

140. *Sprick D.* Predictive policing in China: An authoritarian dream of public security // Naveiñ Reet: Nordic Journal of Law and Social Research. 2019. No. 9. P. 299–324.

141. *Sung H.-C.* Can online courts promote access to justice? A case study of the internet courts in China // Computer Law & Security Review. 2020. Vol. 39. DOI: 10.1016/j.clsr.2020.105461.

142. *Supiot A.* Governance by numbers: The making of a legal model of allegiance / trans. by S. Brown. London: Hart Publishing, 2017. 336 pp.

143. *Sylla R.* An historical primer on the business of credit rating // Rating, rating agencies and the global financial system / ed. by R.M. Levich et al. Boston: Kluwer Academic Publishing, 2002. P. 19–40.

144. *Taylor F.W.* Taylor's testimony before the Special House Committee // The early sociology of management and organizations. Vol. I. Scientific Management / ed. by Kenneth Thompson. New York and London: Routledge, 2003. 375 pp.

145. *Taylor F.W.* The principles of scientific management. New York and London: Harper & Brothers Publishing, 1919. 144 pp.

146. *Tian M.* The baojia system as institutional control in Manchukuo under Japanese rule (1932–45) // Journal of the Economic and Social History of the Orient. 2016. Vol. 59. P. 531–554.

147. *Vandermeersch L.* La formation du légisme : recherche sur la constitution d'une philosophie politique caractéristique de la Chine ancienne. Paris: École Française d'Extrême-Orient, 1965. 301 pp.

148. *Wallerstein I.* Structural crisis, or why capitalists may no longer find capitalism rewarding // Does Capitalism Have a Future? / ed. by I. Wallerstein et al. Oxford: Oxford University Press, 2013. P. 9–35.

149. *Wang F.-L.* Household registration // Encyclopedia of Modern China. Vol. 2 / ed. by D. Pong. Gale: Cengage Learning, 2009. P. 246–248.

150. *Wang J., Liu S.* Ordering power under the Party: A relational approach to law and politics in China // Asian Journal of Law and Society. 2019. No. 1 (6). P. 1–18.

151. *Wang Y., Minzner C.* The rise of the Chinese security state // The China Quarterly. 2015. Vol. 222. P. 339–359.

152. *Wu J.* Preface // Social Credit Rating: Reputation und Vertrauen beurteilen / ed. by O. Everling. Wiesbaden: Springer Gabler, 2020. P. IX–XIV.

153. *Xenidis R.* Tuning EU equality law to algorithmic discrimination: Three pathways to resilience // Maastricht Journal of European and Comparative Law. 2020. Vol. 27, No. 6. P. 736–758.

154. *Xiao Q.* The road to digital unfreedom: president Xi's surveillance state // Journal of Democracy. 2019. No. 30. P. 53–67. URL:

https://www.journalofdemocracy.org/articles/the-road-to-digital-unfreedom-president-xis-surveillance-state/.

155. Xunzi: The Complete Text / trans. by Eric L. Hutton. Princeton: Princeton University Press, 2014.

156. Understanding China's Social Credit System // Trivium China. URL: http://socialcredit.triviumchina.com/wp-content/uploads/2019/09/Understanding-Chinas-Social-Credit-System-Trivium-China-20190923.pdf.

157. *Yeung K.* 'Hypernudge': Big Data as a mode of regulation by design // Information, Communication & Society. 2017. Vol. 20, № 1. P. 118–136.

158. *Young J.* China's hukou system: Markets, migrants and institutional change. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2013. 205 pp.

159. *Yu K.* Towards graduated citizenship: A study of social credit systems in China // Critique: a worldwide student journal of politics. 2020, Spring. P. 28–55.

160. *Yu R., Ali G.S.* What's inside the black box? AI challenges for lawyers and researchers // Legal Information Management. 2019. Vol. 19. P. 2–13.

161. *Yue L.Q., Ingram P.* Industry self-regulation as a solution to the reputation commons problems: The case of the New York Clearing House Association // The Oxford Handbook of Corporate Reputation / ed. by T.G. Pollock, M.L. Barnett. Oxford: Oxford University Press, 2012. P. 279–296.

162. *Zhang Q.* A constitution without constitutionalism? The paths of constitutional development in China // International Journal of Constitutional Law. 2010. No. 4 (8). P. 950–976.

163. *黎四奇 [Li Siqi]*. 社会信用建构：基于大数据征信治理的探究 [Shehui xinyong jiangou: jiyu da shuju zheng xin zhili de tanjiu] (Построение социального доверия: исследование системы управления кредитной отчетностью, основанной на больших данных) // 《财经法学》 [Caijing Faxue] (Финансовое право). 2021. № 4. С. 3–22. URL: http://cjfx.cufe.edu.cn/info/1206/2263.htm.

164. *虞青松 [Yu Qingsong]*. 算法行政:社会信用体系治理范式及其法治化 [Suanfa xingzheng: shehui xinyong tixi zhili fanshi ji qi fazhi hua] (Алгоритмическое управление: управленческая парадигма Системы социального кредита и ее нормативно-правовые основания) // 《法学论坛》[Faxue Luntan] (Правовой форум). 2020. № 2. URL: http://fzzfyjy.cupl.edu.cn/info/1035/11847.htm.

ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

- Система социального кредита» (или «система социального доверия») – наименование масштабного управленческого проекта, инициированного в Китайской Народной Республике в начале 2000-х годов и развивающегося по сей день. Изначально проект предполагал создание системы кредитной оценки участников товарных и финансовых рынков и должен был стать китайским аналогом американской системы финансового скоринга FICO, однако впоследствии был переориентирован на функции социального контроля и обеспечение общественной стабильности путем повышения предсказуемости поведения членов общества.
- Система строится по модульному принципу, включая в себя систему идентификации граждан и организаций (так называемую «единую систему социально-кредитных кодов»), черные и красные списки для недобросовестных и образцово законопослушных лиц, платформы межведомственного обмена информацией о подлежащих контролю лицах, а также экспериментальные (муниципальные и частные корпоративные) проекты начисления социального рейтинга. Одной из характерных особенностей китайской ССК является реализация в ее рамках политики объединенных поощрений и наказаний, предполагающей согласованное применение к лицу определенных дисциплинарных мер одновременно несколькими ведомствами.
- Основным модусом функционирования ССК является работа с репутационной (биографической) информацией о физических, юридических и должностных лицах, выступающих в качестве объектов регуляторной, контрольно-надзорной и разрешительной деятельности государства. Институты, средства, процедуры и техники работы с данными о соответствующих лицах (физических, юридических, должностных) и их деятельности, обмена этими данными, принятия на основе этих данных тех или иных мер реагирования – в

совокупности и есть то, что составляет Систему социального кредита. Обобщенно их можно именовать термином «социально-кредитные механизмы».

- Основной принцип функционирования социально-кредитных механизмов: прошлые поступки и определенные характеристики лица детерминируют отношение к нему со стороны органов государства в будущем; определенные социальные блага (например, публичные услуги или возможность посещения тех или иных общественных мест) предоставляются в обмен на следование ожидаемому поведению, исполнение соответствующих обязанностей.
- Значение социально-кредитных механизмов вырастает вместе с развитием цифровых технологий извлечения, хранения, обмена и интеллектуального анализа больших массивов данных. Лишь благодаря этим технологиям социально-кредитные механизмы становятся по-настоящему возможными.
- Основными этапами внедрения социально-кредитных механизмов в сферу публичного управления выступают: создание системы идентификации управляемых лиц, осуществление цифрового профилирования (т. е. аккумулирование определенных значимых данных о лице в его персональном личном досье или файле в соответствующей базе данных), ранжирование управляемых лиц (в том числе в соответствии с политикой оценки рисков), а также выстраивание системы допусков и ограничений, предполагающей доступ к соответствующим благам, общественным пространствам и рынкам под условием соответствия установленным заранее критериям.
- Рассмотренная с точки зрения функций составляющих ее механизмов, ССК предстает не в качестве уникального в своем роде, специфически китайского проекта (хотя, несомненно, отражает определенную культурную специфику КНР), а в качестве широкой модели развития публичного управления, связанной с повышенным вниманием к использованию вероятностных вычислений и анализу репутационных данных. Отдельные социально-кредитные механизмы, в различных их сочетаниях, могут быть обнаружены далеко за пределами Китая, в том числе в современной России.
- Внедрение социально-кредитных механизмов в сферу публичного управления постепенно ведет к трансформации отдельных

управленческих и правовых процедур (в том числе процедур осуществления контрольно-надзорной и разрешительной деятельности, процедур вынесения правоприменительных актов), ключевых правовых понятий и институтов (в том числе понятий правонарушения и наказания), современного конституционализма и системы социального нормативного регулирования.

- Одним из важных последствий перехода к социально-кредитному управлению может стать замена гражданского общества как общества равноправных индивидов ранжированным иерархическим обществом, возможность реализации правомочий в котором определяется не столько законодательно закрепленными правами, сколько содержанием официальных баз данных (информацией цифровых профилей). Переход к социально-кредитным инструментам управления ведет в конечном итоге к формированию разрыва между формально закрепленными правами и фактической способностью их реализовывать, между правосубъектностью индивида и реализацией правосубъектности в конкретных правовых отношениях.

- Социально-кредитное управление, опирающееся на цифровые платформы и базы данных, внешне предстает перед нами как управление обезличенное, нейтральное. Гражданин реже сталкивается с чиновником, а общается с государством все чаще через специальные электронные интерфейсы. Перспективой перехода к такому, датафицированному (т. е. основанному на данных), управлению может стать фактическая невозможность для граждан доносить свои требования до носителей власти. Датафикация публичного управления делает непонятной, к кому требования граждан должны быть обращены, кого винить в провалах и неудачах государственной политики. Какая-либо связь между правящими и управляемыми пропадает, а остается лишь кажущийся объективным посредник. Отправление публичной власти становится анонимным. Учитывая, что принцип работы социально-кредитных механизмов предполагает предоставление социальных благ в обмен на ожидаемое поведение, а граждане теряют статус равных по отношению друг к другу, можно предположить, что внедрение социально-кредитных инструментов датафицированного управления может оказаться для правящих элит удобным средством увековечивания своей власти. Рано или

поздно развитие публичного управления в данном направлении может вылиться в демонтаж правового государства и утрату народом своей учредительной власти.

- Социально-кредитные механизмы рассматривают индивидов и организации не как субъектов права, а, скорее, как объекты контроля, объединяемые в подвижные (т. е. перманентно переопределяемые в рамках оценки рисков) множества. Индивид еще остается субъектом частноправовых отношений, потребителем либо поставщиком товаров и услуг, однако в области публичного права его статус фактически сводится к статусу управляемой единицы, объекта.

- Внедрение социально-кредитных механизмов, т. е. основанных на работе с данными инструментов управления и контроля, серьезным образом меняет привычный подход к регулированию поведения и деятельности субъектов. Если прежде основным способом регулирования являлось нормативное предписывание определенных моделей поведения, которое осуществлялось преимущественно посредством нормотворческой деятельности, сегодня центр тяжести в регулировании планомерно смещается к созданию фактических условий (системы допусков и ограничений), в которые должно быть заранее вписано поведение субъектов.

- Надстраиваясь над нормами законодательства, системы регулирования на основе репутационных данных способны создавать регуляторные эффекты за рамками отношений, охватываемых правом. Нормы позитивного права теряют прямое действие, а реализация закрепленных в них правомочий ставится в зависимость от дополнительных условий. Распространение систем, основанных на анализе репутационных данных, ведет к постепенному вытеснению механизма правового регулирования комплаенсом. Формируется принципиально новая, синкретическая система социальной регуляции, основанная на праве и этике, но в действительности подменяющая собой и то, и другое.

- К настоящему времени в России созданы базовые условия для внедрения и развития социально-кредитных механизмов: системы идентификации граждан, проекты социально-кредитной оценки отдельных категорий населения (государственных служащих, иностранных трудовых мигрантов), система социального ранжирования

юридических лиц и индивидуальных предпринимателей – клиентов кредитных организаций, и т. п. Большинство из таких, функционирующих уже социально-кредитных механизмов, как правило, не принято связывать с теми практиками, которые являются частью Системы социального кредита в КНР. Наиболее сложные социально-кредитные механизмы (социальное ранжирование, рейтингование индивидов) в нашей стране еще только ждут своего часа: на сегодняшний день их внедрению препятствуют не столько законодательные ограничения, сколько особенности российского общественного правосознания и российской правовой культуры.

EXECUTIVE SUMMARY

Roman Z. Rouvinsky, «Legal aspects of the introduction of a social credit system to the modern public administration»

The reported study was funded by RFBR, project number 20-011-00173.

▪ The Social Credit System (hereinafter – SCS) is the name of a large-scale public administration project initiated in the People's Republic of China in the early 2000s and being developed to this day. Initially, the project involved the creation of a credit reporting system for participants in commodity and financial markets and was supposed to become the Chinese analogue of the American FICO credit scoring system, but was subsequently reoriented to the functions of social control and ensuring social stability by increasing the predictability of the behaviour of society members.

▪ The SCS is built on a modular basis and consists of a system for identifying individuals and organisations (the so-called "unified social-credit codes system"), blacklists and redlists for trust-breaking and particularly trustworthy persons, interdepartmental information sharing platforms, and pilot (municipal and private corporate) projects of social scoring. One of the characteristic features of the Chinese SCS is that in its framework the policy of joint rewards and punishments, which presupposes the coordinated enforcement of disciplinary measures to a person simultaneously by a number of state agencies, is realised.

▪ The main mode of functioning of the SCS is to work with reputational (biographical) information on individuals, entities and officials acting as objects of regulatory, control, supervisory and licensing activities. Institutes, means, procedures, and techniques for working with data on relevant persons and their activities, sharing these data, taking certain response measures based on these data–when put together, this is precisely what con-

stitutes the Social Credit System. In general, they can be denoted by the term “social credit mechanisms”.

- The main principle of social credit mechanisms’ functioning is that past deeds and certain characteristics of a person determine the attitude to them on the part of state agencies in the future. Certain social goods (e.g., public services, or the capability of visiting public places) are provided in exchange for following the expected behaviour, fulfilling the corresponding duties.
- The significance of social credit mechanisms arises along with the development of digital technologies of extraction, storing, and intellectual analysis of big data. Only because of these technologies social credit mechanisms become really possible.
- The main phases of the introduction of social credit mechanisms to the field or public administration are: (1) the creation of a system for identifying controlled persons; (2) digital profiling (i.e., the accumulation of certain significant data about a person in their personal file located in a relevant database); (3) social ranking of controlled persons (including the following to a risk assessment policy); (4) the building of a system of permits and restrictions, which presupposes granting access to certain social goods, public spaces and markets on condition of compliance to certain criteria and requirements.
- Considered from the point of view of the functions of its constituent mechanisms, the SSC appears not as a unique, specifically Chinese project (although, undoubtedly, it reflects a certain cultural specificity of the PRC), but as a broad model for the development of public administration, associated with increased attention to the use probabilistic calculations and reputation data analysis. Separate social credit mechanisms, in their various combinations, can be found far beyond the borders of China, including in modern Russia.
- The introduction of social credit mechanisms to the field of public administration gradually leads to the transformation of certain administrative and legal procedures (including the procedures of supervisory and licensing activities, procedures of adjudgement), key juristic concepts and institutes (including the concepts of offence and punishment), modern constitutionalism, and the system of social normative regulation.
- One of the important aftermaths of transition to the social credit governance may be the replacement of civil society as a society of individu-

als enjoying equal rights by a graduated hierarchical society, the possibility of exercising powers in which is determined not so much by legally enshrined rights, but by the content of official databases (information of digital profiles). The transition to the tools of social credit governance ultimately leads to the formation of a gap between formally enshrined rights and the actual ability to exercise them, between the legal personality of an individual and the realisation of legal personality in specific legal relations.

- The social credit governance, rested upon digital platforms and databases, outwardly appears to us as impersonal, neutral and unbiased. In one's everyday life, an ordinary individual less and less often meets with a state official, and more often communicates with the state through special electronic interfaces. The prospect of a transition to such datafied (i.e., data-driven) governance may be the virtual impossibility for citizens to convey their demands to those in power. The datafication of public administration makes it unclear to whom the demands of citizens should be addressed, who is to be blamed for the failures of public policy. Any connection between the ruling and the ruled disappears, and only a seemingly objective mediator remains. The exercise of public authority becomes anonymous. Considering that the principle of operation of social credit mechanisms involves the provision of social benefits in exchange for expected behavior, and citizens lose their status as equals in relation to each other, it can be assumed that the introduction of social credit instruments of datafied governance may turn out to be a convenient means for the ruling elites to perpetuate their authorities. Sooner or later, the development of public administration in this direction may result in the dismantling of the rule of law and the loss of the people of their constituent power.
- Social credit mechanisms consider individuals and organisations not as subjects of law, but rather as objects of control, united in mobile and permeable (i.e., permanently redefined within the framework of risk assessment) sets. An individual still remains a subject of private law relations, a consumer or a supplier of goods and services, however, in the field of public law, their status is actually reduced to the status of a managed unit.
- The introduction of social credit mechanisms (i.e., data-based management and control tools) seriously changes the usual approach to regulating the behaviour and activities of subjects. If before the main method of regulation was the normative prescribing of certain models of behaviour, which was carried out mainly through rule-making activities, today the cen-

tre of gravity in regulation is systematically shifting to the creation of actual conditions (systems of permits and restrictions), in which the behaviour of subjects must be inscribed in advance.

- Superstructuring on the norms of legislation, regulatory systems based on reputational data are able to create regulatory effects beyond the scope of relations covered by law. The norms of positive law lose their direct effect, and the implementation of the powers enshrined in them becomes dependent on additional conditions. The spread of systems based on the analysis of reputational data leads to the gradual replacement of the mechanism of legal regulation by compliance. A fundamentally new, syncretic system of social regulation is being formed, based on law and ethics, but, in reality, replacing both.

- To date, the Russian Federation has created the basic conditions for the introduction and development of social credit mechanisms: systems for identifying citizens, projects for social and credit assessment of certain categories of the population (civil servants, foreign labour migrants), a system of social ranking of legal entities and individual businessmen – clients of credit organisations, etc. Most of these already functioning social credit mechanisms are not usually associated with those practices that are part of the Social Credit System in the PRC. The most complicated social credit mechanisms (social ranking, rating of individuals) in Russia are still waiting in the wings: today their implementation is hindered not so much by legislative restrictions as by the peculiarities of Russian mass legal consciousness and Russian legal culture.

Научное издание

Роман Зиновьевич Рувинский

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ВНЕДРЕНИЯ СИСТЕМЫ СОЦИАЛЬНОГО КРЕДИТА В СОВРЕМЕННОЕ ПУБЛИЧНОЕ УПРАВЛЕНИЕ

Монография

Издается в авторской редакции

Технический редактор
и комп. верстка *С.Е. Речнова*

Издательская лицензия № 04568 от 20 апреля 2001 г.
Полиграфическая лицензия № 18-0140 от 8 октября 2001 г.

Сдано в набор 07.11.2022. Подписано в печать 08.12.2022.
Формат 60×84/16. Печать офсетная. Бумага офсетная.
Уч.-изд. л. 16,5. Усл. печ. л. 15,3. Тираж 100 экз. Зак. 7205.

Нижегородский институт управления – филиал Российской академии
народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
603950, Нижний Новгород, пр. Гагарина, 46
тел.: (831)412-33-01